

ЕЛАБУЖСКИЙ ИНСТИТУТ ФЕДЕРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АВТОНОМНОГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ)
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Материалы
II Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием
«Елабужские филологические чтения»,
посвященной Году литературы

Елабуга 2015

УДК 80(470.41)

(082)

ББК 80я431

Е46 Печатается по решению редакционно-издательского совета ЕИ КФУ

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Ф.Г. Фатхуллина**
(Уфа, Башкирский госуниверситет)

доктор филологических наук, профессор **Е.М. Шастина**
(Елабуга, ЕИ КФУ)

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор **Д.А. Салимова**

Ответственный редактор:

кандидат филологических наук, доцент **Ю.Ю. Данилова**

Технический редактор: Д.Р. Нуриева

Елабужские филологические чтения: Материалы Всероссийской
Е46 научно-практической конференции с международным участием /
Россия, Республика Татарстан, г.Елабуга, 28 октября – 2 ноября 2015
года / науч. ред. Д.А. Салимова. – Казань: Центр инновационных
технологий, 2015. – 232 с.
ISBN 978-5-93962-737-5

Сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Елабужские филологические чтения» содержит научные статьи профессоров, доцентов, аспирантов, научных сотрудников, студентов и ведущих учителей-методистов разных городов России (Альметьевск, Елабуга, Набережные Челны, Ижевск, Казань, Махачкала, Томск, Тюмень, Уфа, Екатеринбург и др.), стран Ближнего (Белорусия) и дальнего зарубежья (Чехия, Германия, Вьетнам). Материалы конференции отражают самые разные и интересные аспекты и проблемы современной филологической науки, вопросы билингвизма и перевода, а также проблематику подготовки филолога, формирование филологической культуры. Специальный раздел сборника включает доклады 2 секции «Культура и язык российских немцев в миграции: различные аспекты парадигм русской и немецкой лингвокультур»; материалы секции являются результатом научных исканий группы ученых и студентов Елабужского института в сфере остающихся во все времена актуальными проблем становления и развития межкультурной коммуникации в России и за рубежом.

Сборник предназначен для филологов разных исследовательских областей и сфер, для учителей-словесников, студентов-филологов и аспирантов.

ISBN 978-5-93962-737-5 © Центр инновационных технологий (оформление), 2015 г.
© Данилова Ю.Ю., 2015 г.
© Нуриева Д.Р., дизайн и верстка, 2015 г.

Содержание

Часть 1. Актуальные проблемы филологии в современной парадигме научного знания.....	8
Абдуллабекова У.Б. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗВУКОВЫХ И МОРФЕМНЫХ ПОВТОРОВ В КУМЫКСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ	8
Алишина Х.Ч. О ПЕДАГОГЕ, ИССЛЕДОВАТЕЛЕ, ПИСАТЕЛЕ ЛЮЦИИ ХАБИБУЛЛИНОЙ (ПОСВЯЩАЕТСЯ 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ, ГОДУ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)	12
Бабакаева Л.В. СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ В КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ (НА ОСНОВЕ ГЛЯНЦЕВОГО ЖУРНАЛА «AVON»).....	18
Бадретдинова Г.М. РАЗВИТИЕ РЕЧИ ДЕТЕЙ ПРИ ОЗНАКОМЛЕНИИ С ПРИРОДОЙ В СРЕДНЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ.....	21
Билялова А.А. ФАКУЛЬТАТИВНОСТЬ В РАМКАХ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИОННОЙ НОРМЫ.....	27
Быков А.В. ТВОРЧЕСТВО А.С. ПУШКИНА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А.Л. ВОЛЫНСКОГО	31
Волков И.О. СБЛИЖЕНИЕ И.С. ТУРГЕНЕВА С ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКОМ В ВОСПРИЯТИИ ШЕКСПИРОВСКОЙ ТРАДИЦИИ: «НАХЛЕБНИК» И «ОТЕЦ ГОРИО»	35
Гайсин Р.М. РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»	40
Гыймранова Д.Г. МУЗЕЙ ХЭЗИНЭЛӘРЕНДӨ ТӘРБИЯ ТЕМАСЫНЫҢ ЧАГЫЛЫШЫ.....	44
Ивыгина А.А. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В ГОВОРАХ ВОЛГО-КАМЬЯ	48
Замалева Г.Н. ТАТАРСТАН - БӘХЕТ ЖЫРЫМ СИН!	53

Зеленина Т.И., Аулина М.В. АЛФАВИТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ	58
Камаева Р.Б. ФРАЗЕОЛОГИЗМНАРНЫ РУСЧАГА ТƏРЖЕМƏ ИТУ ҮЗЕНЧӨЛЕКЛƏРЕ (Н.ФӨТТАХНЫҢ “ИТЕЛ СУЫ АКА ТОРУР” (“ИТИЛЬ-РЕКА ТЕЧЕТ”) РОМАНЫ БУЕНЧА).....	64
Крылов В.Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ В ПРОБЛЕМНОМ ИЗУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ.....	69
Мартинкова А.А. ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ В АСПЕКТЕ СИНХРОНИИ	73
Молодец И.И. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «КУЛЬТУРА РЕЧИ» НА ФАКУЛЬТЕТЕ ДОШКОЛЬНОГО И НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	78
Осипова Л.Ф. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	82
Пикулева Ю.Б., Нгуен Тхе Хунг СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА СЛОВА «ЧЕСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ДАННЫМ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ).....	85
Патенко Г.Р. ОЦЕНОЧНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	90
Пивоварчик Т.А. СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРСОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ.....	94
Пупышева Е.Л., Родионова А.П. МЕТАПРЕДМЕТНЫЙ ПОДХОД НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АСПЕКТ	98
Разживин А.И. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА И ПРЕДРОМАНТИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII-НАЧАЛА XIX ВЕКА	102

Разживина А.А. МОДА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В РАССКАЗЕ А.А. ФЕТА «СЕМЕЙСТВО ГОЛЬЦ»	108
Сабирова А.М. О НАИМЕНОВАНИЯХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «НЕЧИСТАЯ СИЛА»	113
Фадеева В.С. ЖЕСТ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОРТРЕТА В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»	117
Фаткулина Р.Ф. ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ НАШЕГО БЫТИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ И ЯЗЫКОВОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ	121
Фаткулина Ф.Г. МЕДИАТЕКСТ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ	126
Шапшова С.А., Шабалина И.Г. СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА Г.Н. КАПРАНОВА	131
Шарыпова Н.Х. РОЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ	135
Часть 2. Культура и язык российских немцев в миграции: различные аспекты парадигм русской и немецкой лингвокультур	140
Салимова Д.А., Данилова Ю.Ю., Кудрявцева Е.Л. О ПРОЕКТЕ «ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РУССКИХ НЕМЦЕВ В МИГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ»	140
Ахметова Л.А. ВЕРБАЛИЗАЦИЯ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ «ПРИБЛИЖЕНИЕ К ПРОСТРАНСТВЕННОМУ ОРИЕНТИРУ – УДАЛЕНИЕ ОТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ОРИЕНТИРА» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: НА ПРИМЕРЕ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ	146

Гизатулина А.В. ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЦЕПЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ)	150
Данилова Ю.Ю. СТЕРЕОТИПНЫЕ ОБРАЗЫ РУССКОГО И НЕМЦА ПО ДАННЫМ АССОЦИАТИВНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	154
Кашевская М.Р. НЕМЕЦКИЕ И РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-АНИМАЛИЗМОМ: СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	162
Крапоткина И.Е. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕМЦЕВ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.	167
Кудрявцева Е.Л. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕКСТОВ СКАЗОК ПРИ ОСВОЕНИИ РОДНОГО И ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ДОШКОЛЬНОМ И ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ: ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РУССКО-НЕМЕЦКОГО БИЛИНГВИЗМА	172
Малых Л.М. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА СРАВНЕНИЯ ЯЗЫКОВ В ПРОЦЕССЕ МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	177
Низамбиева И.И. НАРОДНЫЕ СКАЗКИ КАК СПОСОБ ОБЪЕКТИВАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ СКАЗОК	183
Нуриева Д.Р. ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА НЕМЦА-ВРАГА В СОВЕТСКИХ АГИТАЦИОННЫХ ПЛАКАТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	188
Нурмиев А.М. ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТА «DIE RUSSEN KOMMEN» В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ.....	191

Салимова Д.А. КАРЛ ФУКС – ВЕЛИКИЙ СЫН ГЕРМАНИИ В БЛАГОДАРНОЙ ПАМЯТИ ТАТАР	196
Староверов Н.Д. ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКО-РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ	201
Староверов Н.Д., Данилова Ю.Ю. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	206
Фомина Т.Н. СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ.....	211
Шастина Е.М. ЭЛИАС КАНЕТТИ: ПРОБЛЕМА «МНОГОЯЗЫЧИЯ» ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....	218
Юрикова К.Ю. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ЖЕНЩИНЫ В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ.....	222
Сведения об авторах.....	228

Часть 1. Актуальные проблемы филологии в современной парадигме научного знания

Абдуллабекова У.Б.

*Дагестанский государственный институт народного хозяйства
(Махачкала, Дагестан)*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЗВУКОВЫХ И МОРФЕМНЫХ ПОВТОРОВ В КУМЫКСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

В сказках репрезентированы различные виды повторов. Аллитерации и ассонансы в сказках широко функционируют в силу непроизвольного нанизывания морфем с учётом сингармонических отношений. Аллитерация в анафоре звука [б] широко употребляется в инициальных формулах: Бир гишини бир уланы болгъан. Бу уланы алтын кекелли де болгъан. Яшны анасы олюп, атасы башгъа къатын алгъан болгъан. Буланы бир байталы да болгъан (“Алтын кекелли ва алтын тайлы улан”). “У одного человека был один сын, сын был у него с золотой прядью. Когда умерла мать, отец его женился на другой женщине. Была у них одна кобыла”.

Парономазия по-разному трактуется в специальной литературе. Парономазия – фигура сближения слов по созвучию (омофония словесных концовок, начиная с ударного гласного) [Москвин, 2007, с.539].

И.Б. Голуб определяет парономазию, как стилистический приём, заключающийся в нарочитом сближении слов, имеющих звуковое сходство. Парономазия предполагает любое звуковое сходство: сопоставляются всякие слова (не только однокоренные), имеющие звуковое подобие – и родственные, и неродственные, звуковое сходство которых случайно [Голуб, 2008, с.104]. В ЛЭС парономазия определяется как стилистический приём, состоящий в намеренном сближении слов, имеющих звуковое сходство [ЛЭС 1990: 368].

Все исследователи определяют парономазию как “сближение слов имеющих звуковое сходство”, но В.П. Москвин конкретизирует, говоря о “словесных концовках, начиная с ударного гласного”. Если

рассматривать паронوماзию по определению, данному В.П. Москвиным, то парономазия очень интенсивно употребляется в кумыкских сказках, что связано со строем тюркских языков нанизывать морфемы, и при этом ударение в кумыкском языке всегда падает на последний слог. Приведём примеры: Шо заманда ханны адамларыны къазанлары асылгъан, хамурлары басылгъан, бичакълары биленген (“Бибилижан ва уланкъардашы”). “Тогда прислуга хана приготовила кастрюли, замесила тесто, поточила ножи”. Но, по нашему мнению, определение парономазии по В.П. Москвину для кумыкского языка нерелевантно в силу указанных особенностей тюркских языков: нанизывание морфем, ударение на последнем слоге, сингармонизм. Рифма образуется в результате произвольного грамматического параллелизма окончаний. По нашему мнению, для кумыкского языка применимо определение парономазии по ЛЭС “как стилистический приём, состоящий в намеренном сближении слов, имеющих звуковое сходство” [ЛЭС, 1990, с.368].

Очень часто сопоставляются созвучные глаголы етиш- “добираться” – эт – “делать”, етиши – “добираться” – гет – “уходить”, аша – “есть, кушать” – яша- “жить”, и создаётся фигура – парономазия. Например: Улан да, къыз да тереклерден де тюшюп ёлун давам этелер, мурадына да етелер (“Йыланхан”). “Парень и девушка слезли с дерева и продолжили свой путь, так достигли цели”.

Кажущаяся нелогичность в сближении этих глаголов придаёт сказочным высказываниям особую экспрессию.

Морфемные повторы. Морфемный повтор – повтор основы и аффиксов. Для кумыкских сказок характерны повторы однокоренных основ глагола. Настоящий тип формульного речеупотребления образуется путём повторения глагольной основы, служащей сказуемым в первом предложении, в начале второго простого предложения. Этот повтор можно назвать деепричастным, т. к. основа личного глагола третьего лица настоящего времени, выступающая в финале первого простого предложения, в инициале второго предложения обретает уже деепричастную форму. Такой деепричастный повтор характерен для основ глаголов движения: юрю – “ходить”, гет – “уходить”, чыкъ – “выходить”, гел – “приходить”, для глаголов чувственного восприятия: къара – “смотреть”, бил – “знать”, для глаголов физиологических действий: ал – “брать”, бер – “давать”, ят – “ложиться”, тол – “наполняться”, уьз – “рвать”, тап – “находить”, глаголы состо-

яния: *бол* – “*быть*”. Например: Кюлбай: “*Ярыкъгъа барайыкъ*”, – *деп, бара. Барса, албаслы къатынны гёре* (“*Кюлбайны ёмагъы*”). “*Кюлбай говорит: “Пойдём к свету”, и идёт. Идя, он видит женщину-ведьму*”.

Данный деепричастный повтор встречается не только в инициале предложения, но он может следовать сразу за сказуемым в том же самом предложении. Приведём примеры: *Эри геле, гелсе, къатыны ёкъ* (“*Ярлы уланны гъакъында ёмакъ*”). “*Муж приходит, приходит, а жены нет*”. *Къарай, къараса, шо къуш ярыкъ берип тура* (“*Эки агъа-ини болгъан*”). “*Смотрит, смотрит, а эта птица излучает свет*”.

Такой тип формульного речеупотребления характерен многим тюркским языкам. Например, в башкирской сказке: *Кешелэр йыйылышып китте, ти. Йыйышып китеп, теге егетте хоком итмэгэ, хорау алырга сакырыга булдылар, ти* (“*Ата हुзе*”). “*Говорят, люди собрались. Собравшись, решили судить и допрашивать того юношу*” [Кульсарина, 2004, с.116].

Также в кумыкских сказках встречается повторение основ глагола с союзом *да/де*: повелительное наклонение, отрицательный аспект + *да/де* + спрягаемая форма глагола 3 л., настоящее время в положительном либо отрицательном аспекте: *Умалат хозгъалама да хозгъаламай* (“*Шавхалгъа тапанча тиреген Умалат*”). “*Умалат не двигается с места*”; *Амма къоркъма да къоркъа, буса сыр бермей* (“*Аманат ва девлер*”). “*Однако боится, но не показывает*”. Данная разновидность повтора основ глагола выполняет выразительную функцию, создаёт стилистический эффект.

Часто встречается в языке фольклора – парегменон. Парегменон – сочетание однокоренных или этимологических родственных слов [Маркасова, 2007, с.434]. Для кумыкских сказок также характерно использование парегменона. Следующие основы повторяются в кумыкских сказках: *йылкъы багъагъан йылкъычылар* “*коневоды, приглядывающие за табуном*”, *тувар багъагъан туварчылар* “*пастухи, приглядывающие за скотом*”, *къой багъагъан къойчулар* “*чабаны, приглядывающие за овцами*”, *тюе багъагъан тюечилер* “*погонщики верблюдов, приглядывающие за верблюдами*”, *гелечи гелсе* “*если придёт сват*”, *аш ашай* “*кушает еду*”, *ичги иче* “*пьянствует*”, *ёлавчу ёлда* “*путник на дороге*”, *отлава отлай* “*на пастбище щипать траву*”, *окъчу окъата* “*стрелок стрелу выпускает*”, *кёк кёкюрей* “*небо гремит*”: *Олар отлава отлай болгъан* (“*Бузав, кёзу ва бёрюлер*”). “*Они на пастбище травку щипали*”.

Парегменон в кумыкских сказках реализуется в следующих формах: субстантив + субстантив (большое количество примеров), субстантив + глагол. Это явление связано со спецификой тюркских языков. Для тюркских языков характерно явление глагольно-именной омонимии, но в сказочном тексте использование парегменона объясняется сочетанием данной особенности тюркских языков и особенностью фольклора.

Внимание слушателя или читателя, таким образом, фиксируется на свойствах предмета, которые имманентно ему присущи.

Для кумыкских сказок характерно произвольное повторение аффиксов, что объясняется сочетанием особенностей кумыкского языка (нанизывание морфем, сингармонизм, ударение на последнем слоге) и желанием сказочника сделать сказочное повествование выразительным, эффективным, запоминающимся.

Литература

1. Голуб И.Б. Новый справочник по русскому языку и практической стилистике. – М.: Эксмо, 2008. – 464 с.
2. Ёмакълар / сост. С.Ш.Гаджиева, Г.Б. Мусаханова. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. – 269 с.
3. Кульсарина Г.Г. Язык и стиль башкирских народных сказок: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа: БГУ, 2004. – 165 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Маркасова Е.В. Стилистические фигуры // Стилистика и литературное редактирование / под ред. проф. В.И. Максимова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2007. – С. 432 – 440.
6. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Ростов н/Д.: Феникс, 2007. – 940 с.
7. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти томах. Том 1. Сказки о животных / сост. А. М. Ганиева; отв. ред. А.М. Аджиев. – М.: Наука, 2010. – 378 с.
8. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти томах. Том 2. Волшебные сказки / [сост. А.М. Ганиева; отв. ред. А.М. Аджиев]. – М.: Наука, 2011. – 653 с.

*Тюменский государственный университет
(Тюмень, Россия)*

**О ПЕДАГОГЕ, ИССЛЕДОВАТЕЛЕ, ПИСАТЕЛЕ
ЛЮЦИИ ХАБИБУЛЛИНОЙ
(ПОСВЯЩАЕТСЯ 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ, ГОДУ ЛИТЕРАТУРЫ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

Хабибуллина Люция Бадретдиновна, учитель татарского языка и литературы Акияровской школы Тюменского района, отличник просвещения РСФСР, член Союза журналистов РТ и РФ, достойный продолжатель педагогической династии, основанной отцом, народным учителем Бадретдином Гарифуллиным, автор книг и многочисленных статей, родилась 7 декабря 1926 г. в юртах Тукузских Вагайского (быв. Черноковского) района Тюменской (в те годы Омской) области.

В первый класс пошла в Карагайскую семилетнюю школу. Маленькая черноглазая девочка с длинными косами обладала недюжинными способностями к учебе. Семилетнюю школу в с. Ново-Каишкуль Ярковского района окончила с Похвальной грамотой. Блестяще окончила татарское отделение Тобольского педагогического училища, в котором училась в лихие военные годы.

Самостоятельная трудовая педагогическая деятельность, полная непредвиденных трудностей, открытий и радостей, началась с должности учителя математики в той самой школе, где когда-то училась сама. Молодая учительница за дело взялась с душой. Руководство района доверило вести такую сложную дисциплину, как математика, и Люция Бадретдиновна решила соответствовать занимаемой должности во всем. «Без отрыва от производства» заочно окончила физико-математический факультет Тобольского учительского института. В 1947 г. был получен первый в жизни диплом о высшем образовании.

Природа наградила Люцию Бадретдиновну педагогическим дарованием и в области гуманитарных наук. Жажда новых знаний, стремление непрерывно повышать уровень, тяга к исторической родине предков (со стороны отца) привели двадцатидвухлетнюю девушку в стены Казанского учительского института. В 1948-50-е годы она учится на филологическом факультете. Министерство просвещения

ТАССР сочло нужным распределить молодую выпускницу в Кыштырлинскую семилетнюю школу Тюменского района. Именно с 1950 г. Люция Бадретдиновна в течение почти полувека вплоть до ухода на заслуженный отдых связывает свою судьбу с преподаванием родного языка и литературы. Свой третий диплом о высшем образовании Л.Б. Хабибуллина получает по окончании историко-филологического факультета Казанского педагогического института (1965 г).

С 1953 по 1997 г. Люция Бадретдиновна и ее супруг Хатип Хубатуллович Хабибуллины трудятся в Акияровской восьмилетней школе Тюменского района. Он работает директором, она – рядовым учителем. Супруги Хабибуллины, приближающиеся к 80-летнему рубежу своей жизни, и поныне живут в тихом деревянном доме все на той же улице Школьной... Сколько уроков дано, сколько педсоветов посещено, сколько конспектов написано, сколько детей выучено, сколько книг перечитано, сколько методических семинаров, совещаний, открытых уроков, внеклассных мероприятий, классных часов проведено, сколько тетрадей проверено, сколько сил, энергии, труда вложено...

С 1973 г. Акияровская школа становится опорной, базовой по изучению и распространению передового педагогического опыта творчески работающего учителя Л.Б. Хабибуллиной. Здесь ежегодно проводились семинары, научно-практические конференции для преподавателей родного языка и литературы области. В школе побывали многие писатели, поэты и именитые люди из Республики Татарстан и других регионов России: Заки Нури, Ильдар Юзеев, Туфан Миннуллин, Хасан Сарьян, А. Исхак, Атилла Расих, Тауфик Айди, музыковед Махмут Нигмадзянов, ученые-языковеды Б.Мифтахов и Г.Адхамова, детский писатель Шаукат Галиев и М.Файзуллина. Гости и посетители школы были очарованы эрудицией педагога, эмоциональным проведением занятий, мастерским раскрытием красоты родной литературы. В своих отзывах они подчеркивали то серьезное внимание, которое уделяется самовоспитанию и саморазвитию учащихся, воспитанию чувства любви к Родине, к культуре родного народа, к родному языку. Ученые, анализируя уроки Люции Бадретдиновны, говорили: «Основу современного урока литературы должна составлять активная деятельность самих учащихся, урок литературы должен быть интересным, разнообразным, ёмким, содержательным. Именно это мы и увидели сегодня на практике. Учительница Л.Б. Ха-

бибуллина использует такие нетрадиционные типы уроков, как уроки-семинары, лекции, уроки-путешествия в мир знаний, мир писателя, мир поэта и многие другие». Надо сказать, Люция Бадретдиновна работала увлеченно, с полной самоотдачей. Будучи сотрудницей Тюменского областного ИУУ, в середине 1980-х гг. я была свидетелем ее самоотверженного труда. Кабинет татарского языка и литературы являлся своеобразной творческой лабораторией, методическим центром для многих педагогических коллективов Тюменской области.

В те годы Л.Б. Хабибуллина не только принимала лучших учителей у себя в школе, но и сама ездила в творческие командировки. Она участвовала в более чем двадцати Всероссийских и региональных научно-практических конференциях (Казань, Уфа, Тюмень, Тобольск). Была делегатом I, II, III съезда учителей и съезда женщин-казашек, съезда женщин Тюменской области. Наиболее значительным стало участие в научно-практической конференции в Казани, посвященной концепции проблемного обучения доктора педагогических наук, профессора, академика РАО Мирзы Исмаиловича Махмутова, а также в семинаре тюркоязычных учителей в Уфе.

Более десяти лет Люция Бадретдиновна находится на заслуженном отдыхе, но по-прежнему ведет активный образ жизни. Она ежегодно выступает на областных научно-практических конференциях «Сулеймановские чтения», «Занкиевские чтения», «Тумашевские чтения». Участники конференций помнят ее глубокие содержательные доклады «Фольклор и литература родного края», «Литература родного края – региональный компонент в школьной программе», «Современная татарская литература последнего десятилетия» (О писателях и поэтах Республики Татарстан), «Духовно-нравственное воспитание на уроках литературы», «Использование краеведческого материала по интегрированному курсу изучения татарского языка и литературы и во внеклассной работе», «Образ великого татарского поэта Габдуллы Тукая в стихах местных поэтов Булата Сулейманова, Сагита Сагитова и др.», «Образ борца Мусы Джалиля в произведениях Галии Абайдуллиной и Ирека Махиянова».

С осуществлением демократических преобразований в обществе и ростом национального самосознания возрос интерес к педагогическим, нравственно-этическим и культурным ценностям. Весьма своевременным и актуальным стало издание в 2002 г. двухтомной книги «Туган як эдэбияты» («Литература родного края») Люции Ба-

дретдиновны Хабибуллиной. Заслуга Люции Бадретдиновны в том, что впервые в региональном и отечественном литературоведении она системно представила богатый материал по литературному краеведению Тюменской области, разработала и теоретическую, и методическую основу данного предмета. Двухтомная книга составлена в виде учебника–хрестоматии для учащихся средней школы по литературному краеведению, что придает ей особую ценность. Автор, исследователь литературного процесса сибирских татар, проживающих в данном регионе, рассматривает этот процесс в контексте всеобщей истории татарской литературы, т.е. в исторической целостности. Опытный педагог, имеющий отличную теоретическую вузовскую подготовку, богатейший опыт работы в средней школе, свидетель творческого взлета местных самобытных писателей и их современник, Люция Бадретдиновна умело преподносит свой материал, строит систему заданий и вопросов для лучшего усвоения материала учащимися. Книга получила прекрасные отзывы в прессе, она востребована учащимися школ, лицеев, колледжей, вузов, преподавателями, методистами образовательных учреждений, работниками библиотек. А для учителей татарской литературы она стала настольной книгой.

Заслуженный педагог Люция Бадретдиновна зарекомендовала себя и как профессиональный журналист. Активную журналистскую деятельность начала в годы выхода татарской газеты «Ленин юлы» (середина 1960-х гг.). В последующие годы активно сотрудничала с такими изданиями Татарстана, как «Соембикэ», «Казан утары», «Татар иле», «Мәдәни жомга». Знаток классической татарской поэзии, прозы, драматургии, Л.Б. Хабибуллина щедро делится своими богатыми знаниями с читателями областной татарской газеты «Янарш». Часто выступает с критическими статьями, направленными на правильную и добрую оценку зарождающейся в Западной Сибири татарской словесности и художественной литературы.

О педагогической и общественной работе Л.Б. Хабибулловны можно говорить много, долго и исключительно в превосходных степенях. Можно обойтись и без слов, особенно если следовать известной всем мудрости: суди о человеке не по словам, а по делам... Для этого читателю нужно обратиться к сотням опубликованных статей на татарском языке, к книгам... Новая книга, которую Л.Б. Хабибуллина представила читательской аудитории в конце 2008 г., относится

к разряду человеческого подвига... Уважаемая в народе учительница, известная тысячам жителей Тюменской области как отличник просвещения, как член Союза журналистов Республики Татарстан и Российской Федерации, как ученый-педагог, создавший двухтомную книгу «Литература родного края», на этот раз выступила в роли историка! Кто бы мог подумать, что хрупкая женщина в преклонном возрасте напишет труд, который даже физически и самостоятельно ей привезти из Акияр в Тюмень невозможно, настолько он увесист и тяжел! Более тысячи страниц рукописного текста формата А-4 на высококачественной финской бумаге! Пришлось редактору областной татарской газеты «Янарш» Алсу Сагитовой садиться за руль редакционной «Нивы» и возить Люцию Бадретдиновну и ее рукопись из села в город и обратно в поисках спонсоров! К счастью, авторитет автора в педагогических и общественных кругах высок, искать долго не пришлось... Помогли руководители администрации области, начальники департаментов образования и науки, печати и информационной политики.

Монография вышла под названием «Себердэ татар мэгарифе. XX гасыр». На богатейшем материале в ней исследуется история одной из интереснейших малоизученных проблем национальной культуры - татарского народного просвещения на рубеже столетий.

Примечателен тот факт, что ученые-педагоги не раз обращались к изучению и освещению проблем народного образования в Сибири. Широко известны труды профессора Тобольского педагогического института Ю.П. Прибыльского, кандидата исторических наук И.Б. Гарифуллиной, др. Работа Л.Б. Хабибуллиной оригинальна тем, что ни в чем не повторяет ранее изданные труды, она основана на собственном жизненном и педагогическом опыте, на документальных материалах.

Монография состоит из нескольких разделов и включает материалы, собранные автором на протяжении многих лет кропотливого труда, поисков, командировок и личных поездок по школам юга Тюменской области. Логику мысли автора можно проследить, познакомившись с заголовками глав и параграфов: "XX век - начало нового этапа в развитии татарских школ. Общественно-исторические события (1920-41 гг.). Видные педагоги I половины XX в. Прогрессивные перемены в развитии татарских школ во II половине XX в. Семилетние и средние школы. Высшие учебные заведения. Ученые Тюмен-

ской области и их роль в деле воспитания и образования татарской молодежи. Биографии видных педагогов, учителей-ветеранов. Краткая история татарских школ. Научные связи с Республикой Татарстан”. Педагог-ветеран Хабибуллина Люция Бадретдиновна выполнила серьезную научную работу, увековечила столетнюю историю национальной школы Сибири, ярко осветила роль татарской интеллигенции края в благородном деле обучения и воспитания подрастающего поколения.

В целом, труд Л.Б. Хабибуллиной имеет большую теоретическую и практическую значимость. Отдельные фрагменты книги прошли апробацию на страницах областной татарской книги “Янарыш”, вызвали большой интерес у общественности. Результаты, достигнутые автором, будут способствовать привитию любви к благородной профессии учителя.

В эти дни Люция Бадретдиновна вновь склоняет голову над чистым листом бумаги, вновь готовит материалы, на этот раз они посвящены юбилейному Дню Великой Победы. В тяжелые годы Великой Отечественной войны проходило становление юной личности, работавшей за учительским столом, в колхозном поле, на току, в клубе. Учитель на селе – и швец, и жнец, и на дуде игрец. Пережить тяготы и лишения военной поры помогала вера в победу. Победа ковалась потом и кровью таких тружеников тыла, как Люция Бадретдиновна Хабибуллина.

Литература

1. Алишина Х.Ч. Литература родного края. О новой двухтомной книге Люции Хабибуллиной // Тюменская область сегодня. 2003. № 66. 12 апреля; То же. Казань. Татарские края. № 14. Апрель; Красное знамя. 2003. № 29-30. 8 апреля; Сельский труженик. 2003. № 43. 28 мая; Советская Сибирь. 2003. № 29. 10 апреля; Яркские известия. 2003. – Май; Янарыш. – 2003. – 11 апрель.

2. Алишина Х.Ч. Саклап телне, сакла безне, татар теле мэгаллиме// Янарыш. – 2007. – № 49. 7 декабрь

3. Алишина Х.Ч. Сердце, отданное людям // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии. Мат. III Всероссийской научно-практ. конф. ТюмГУ, 15 окт. 2009. Отв. ред. ХЧ Алишина. – Тюмень: Печатник, 2009. – 318 с.

4. Алишина Х.Ч. Туган як эдэбияты // Казань. Мэгариф, 2003. – №5. – С. 17–18.

5. Алишина Х.Ч. Туган як эдэбияты // Сулеймановские чтения – 2003: тез. докл. и сообщ. науч.–практ. конф. (Тюмень, 22–23 мая 2003). – Тюмень, 2004. – С. 11–14.

6. Алишина Х.Ч. Ялкынлы мэгрэфәтче. 04 декабрь. 2001. – Янарыш.

7. Жизнь замечательных людей. Люция Хабибуллина / авт.–сост. Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2011. – 186 [12] с.

8. Хабибуллина Л.Б. Туган як эдэбияты // Литература родного края: учеб. пособие для учащихся 5–11 кл. на татар. яз. В 2 ч. / Л.Б. Хабибуллина; науч. ред. Х.Ч. Алишина. – Тюмень: ТюмГУ, 2002. – 260 с.

9. Хабибуллина Люция «Себердэ татар мэгарифе. XX гасыр» (Из истории народного образования Тюменской области в XX в.) – Тюмень: «Тюменский дом печати», 2008. – 528 с.

10. Хабибуллина Люция. Туган як эдэбияты (Литература родного края): учебное пособие для учащихся 5-11 классов / на тат. яз./ под ред. Х.Ч. Алишиной. 2-е изд., доп. и перераб. – Тюмень: Типография «Печатник», 2015. – 442 с.

11. Хабибуллина, Л.Б. Ватан туган нигездән башлана // Шәхри Казан. – 2004. – 13 янв.

12. Хабибуллина Л.Б. Себердәге татар авыллары [Селения сибирских татар] // Шәхри Казан. – 2005. – 31 мая (№ 101(3598)). [на тат. яз.].

Бабакаева Л.В.

Елабужский институт КФУ

(Елабуга, Татарстан)

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ В КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ (НА ОСНОВЕ ГЛЯНЦЕВОГО ЖУРНАЛА «AVON»)

Цветообозначения активно функционируют не только в художественных текстах, но и в дискурсе СМИ, в частности, на страницах женских глянцевого журналов, где используются яркие, насыщенные цвета, а в большинстве случаев и их сочетания, что позволяет активизировать восприятие информации женской аудиторией. При описании цветоименований в лингвистике исследователи сталкиваются с целым рядом проблем. Одна из основных – проблема клас-

сификации цветowych прилагательных. Большие сложности возникают при попытке определить соотношение с определенным классом цветоименований и место в парадигме для тех цветowych прилагательных, которые описывают смешанные цвета (малиновый, оливковый, горчичный и т.п.). Перед исследователем возникает вопрос: можно ли подобные цветообозначения отнести к определенному классу, или они входят одновременно в несколько классов; каково их место в цветовой парадигме и т.д. У каждого носителя языка – свой опыт, свое восприятие мира, своё восприятие цвета, своя оценка увиденного, поэтому создать классификацию цветообозначений, удовлетворяющую всех учёных, представляется невозможным. Для того чтобы решить данную задачу, был проведен анализ хроматических цветоименований (также сюда отнесли 3 ахроматических цвета – чёрный, белый и серый), используемых как вербальное средство привлечения внимания к женской косметической продукции в российских каталогах «Avon». Наибольший интерес в ходе исследования представляет безэквивалентная лексика, активно функционирующая в рекламных каталогах. Например, в словосочетании *cozy mauve* – милый сиреневый [4, с.69] первый компонент *cozy* в англо-русском словаре Мюллера имеет толкование: *cozy* = *cosy* - 1. adj. уютный, удобный Syn: see comfortable 2. noun стеганный чехол (для чайника) [1]. Зная, что прямой перевод больше применим к быту, мебели, одежде, переводчик для адекватного перевода подбирает слово с эмоциональной окраской. Можно привести ещё один пример подобного типа: *tangerine* - коралл [3, с.38], где цветоименование в английском языке обозначает оранжевый цвет, но в русском реализует значение «коралл», возможно, по причине отсутствия видимых различий между оттенками или других экстралингвистических факторов.

По форме выражения цветообозначающую лексику можно разделить на несколько групп:

- лексические единицы со значением цвета, зафиксированные словарями (*red*-красный, *pink*-розовый, *black*-чёрный и т.д.). Они имеют прямой перевод и не представляют особого интереса, но в ходе работы такие единицы встречались крайне редко, поскольку они не соответствуют основным целеустановкам печатного глянцевого издания, которое намерено привлечь внимание на тот или иной косметический продукт на вербальном уровне;

- словообразовательные модификации сложения с опорным компонентом – «цветовым» прилагательным и компонентами ярко-, тёмно-, светло-, уточняющими качество цвета: dark brown – тёмно-коричневый [3, с.36];

- сложения с опорным компонентом – «цветовым» прилагательным и компонентом, передающим характер эмотивного восприятия цвета (или его носителя), эстетическую оценку цвета: sweetly pink – сладко-розовый [3, с.33]; cosy mauve – милый сиреневый [4, с.69]; viva pink – изящный розовый [3, с.45];

- слова, которые, не являясь цветообозначением, предполагают такую возможность благодаря периферийным или коннотативным значениям слова. Это слова, имплицитно выражающие цветовое значение. Так, в примере fiery red-ярко-алый [3, с.36] компонент fiery выражает экспрессивность цвета: fiery adj. 1) огненный, пламенный; горящий; fig. жгучий, горячий, пламенный – fiery eyes; 2) пылкий, вспыльчивый – fiery horse; 3) огненно-красный; 4) воспламеняющийся (о газе); 5) mining газовый; содержащий гремучий газ [1]. Поэтому мы имеем подобный перевод;

- индивидуально-авторские метафоры, содержащие сему цвета.

Поэтому как особую группу можно выделить словосочетания, подразумевающие под собой какой-либо оттенок, представленный в невербальной части креолизованного текста и требующие авторской интерпретации. К примеру, в цветоименовании violet-голубая даль [4, с.195] компонент violet в англо-русском словаре имеет следующее толкование: violet 1. noun 1) фиалка; 2) фиолетовый цвет 2. adj. фиолетовый, темно-лиловый [1]. Но в рамках креолизованного текста цветообозначение полностью не соответствует изображению, где можно наблюдать смежный металлический оттенок между фиолетовым и голубым цветами. Последняя группа в большей степени привлекает внимание, так как больше половины группы цветоименований в исследованных женских каталогах продукции компании «Avon» строится на авторских метафорах.

Таким образом, в данных случаях не уточняются значения цветоименований в переводе, а подбираются другие переводческие соответствия, ассоциирующиеся с притягательными и соблазнительными образами, не конкретизируя ни оттенок, ни яркость цветов.

Литература

1. Англо-русский словарь. Мюллер В.К. 24-е изд. – М.: Русский язык, 1995.
 2. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. М., 1984. – 112 с.
 3. <http://catalog-avon.ru/catalog-15-2013>
 4. <http://catalog-avon.ru/catalog-16-2013>
-

Бадретдинова Г.М.

*МБДОУ «Детский сад пристра и
оздоровления № 4 «Светлячок»
(Азнакаево, Татарстан)*

РАЗВИТИЕ РЕЧИ ДЕТЕЙ ПРИ ОЗНАКОМЛЕНИИ С ПРИРОДОЙ В СРЕДНЕМ ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Природа – это богатейшая кладовая, неоценимое богатство для интеллектуального, нравственного и речевого развития ребенка. Она своим многообразием, красочностью и динамичностью привлекает малышей, вызывает в них массу радостных переживаний, развивает любознательность. Впечатления от родной природы, полученные в детстве, надолго остаются в памяти, создают прочную основу для дальнейшего её познания.

В процессе общения с природой рождается, развивается и крепнет, такое бесценное свойство человеческой личности, как наблюдательность, любознательность, что в свою очередь порождает массу вопросов, требующих ответов, которые можно найти с помощью наблюдений, логического мышления. Вслушиваясь в речь детей, видно, сколь скудны ещё познания детей о природе, событиях, явлениях, происходящих в окружающей жизни. Как трудно им ещё выразить словами то, что чувствуют, видят, слышат. Не хватает слов и для передачи смысла знакомой сказки, рассказа.

Можно обнаружить, что существительные ребёнок заменяет местоимениями, нарушает порядок слов в предложении и т.п. Типичны затруднения детей в употреблении склонений и спряжений (хотеть, хотят) и т.п. Одними замечаниями «говори правильно» дело не поправить. Всё это надо сделать своевременно, иначе, начав учиться в школе, ребёнок будет делать ошибки при письме.

Общение с природой способствует расширению словарного запаса у ребёнка, практическому овладению навыками словообразования, благотворно влияет на развитие связной, фразовой речи. При этом дети практически овладевают навыками словоизменения: согласованием слов в роде, числе, падеже. Таким образом, в процессе систематических, целенаправленных наблюдений у ребёнка расширяется кругозор, развивается любознательность, зрительная, слуховая и вербальная память, совершенствуются мыслительные процессы. Дети учатся думать и отвечать на вопросы, аргументируя свои высказывания, что позитивно влияет на развитие связной речи, овладение сложноподчиненным предложением.

Ежедневно педагоги с детьми проводят наблюдения в природе, и обязательной частью прогулки является использование художественного слова, чтение стихов о временах года. Наблюдательность рождает в ребёнке привычку делать выводы, развивает логику мысли, чёткость и красоту речи.

Большую роль в развитии речи по ознакомлению с природой дошкольников играет экологическая тропа детского сада. Это специально оборудованный маршрут на территории детского сада.

Нами в качестве объектов экологической тропы выбраны различные виды как дикорастущих, так и культурных растений (цветники, деревья, кустарники, травы цветы, старые пни, гнезда на деревьях, яблоневый сад, огород, зона лекарственных растений – календула, мята, ромашка, одуванчик, подорожник).

В цветниках красиво цветущие растения подобраны таким образом, чтобы в течение сезона одни цветы сменили другие. До поздней осени пышно цветет герань, петуния, астра, бархатцы. На прогулке педагоги закрепляют их названия, осуществляют уход за ними и этим самым развивают речь детей. Именно на прогулке дети могут знакомиться со свойствами песка, земли, глины, снега, льда. Также широко используем разнообразные игровые упражнения «Найди по описанию», «Что где растёт?», «Узнай и назови», «Вершки-корешки», «Когда это бывает?»

Для установления причин явлений, связей и отношений между предметами использовали опыты. Опыт всегда должен строиться на основе имеющихся представлений, которые дети получили в процессе наблюдений и труда. (Опыты проводятся чаще в старших группах, в младшей и средней используем отдельные поисковые действия).

Понимая важность развития речи детей, прежде всего, определяем основные направления работы:

- создание развивающей речевой среды;
- освоение методов и приёмов обучения;
- составление перспективно-календарного плана по развитию речи детей;
- диагностика и учёт уровней речевого развития каждого ребёнка;
- взаимодействие детского сада и семьи по данному вопросу через беседы, консультации. Работа по развитию речи – это непрерывный процесс, связанный со всеми режимными моментами.

Особое внимание необходимо уделять самостоятельной творческой деятельности детей:

- представлять детям возможность выбора в процессе игровой деятельности;
- стимулировать детей комментировать (сопровождать речью свои действия);
- внимательно и тактично наблюдать за игрой детей;
- создавать условия для реализации различных видов деятельности;
- поощрять проявление детского словотворчества;
- поощрять самостоятельное экспериментирование, проводить исследования, опыты;
- предоставить детям право выбора средств для импровизации и самовыражения;
- создавать условия для самостоятельной деятельности детей по сохранению и улучшению окружающей среды (уход за растениями и животными);
- овладевать в самостоятельной деятельности «языком чувств».

При проведении коллективных занятий ставились следующие цели:

1. Развитие и совершенствование всех сторон устной речи каждого ребёнка (произношение, словарь, грамматический строй, связная речь);

2. Развитие мелкой моторики рук;

Характер организации коллективного занятия в средней группе требует от детей слухового сосредоточения; включается решение проблемных речевых задач, творческих заданий, игровых упражнений на концентрацию внимания, соблюдения тишины.

Постепенно происходит переход детей от игр с игрушками, к играм со словом, в которых языковое обобщение и произвольное оперирование со словом – цель и прямой продукт обучения. Обучение строится на игровую и коммуникативную мотивацию. Общение сопровождалось шутками и смехом. Особое внимание уделяется интонационной выразительности речи. Дети этому учатся в играх-инсценировках («Заюшкина избушка», «Лиса и заяц»). Можно изменить сюжет или его окончание, включить новые персонажи. Говорить разными голосами и с разной интонацией (повествовательной, вопросительной или восклицательной).

Для выработки хорошей дикции, чёткого и правильного произношения отдельных слов и фраз используются чистоговорки, потешки, считалки, стихотворения, которые произносятся с разной силой голоса и в различном темпе.

В словарной работе внимание уделяется правильному пониманию слов, их употреблению.

Проводится работа по активизации словаря детей названиями предметов, их качеств, свойств, действий, уточняются обобщенные понятия (овощи, деревья ...). Дети называют действия, связанные с движением игрушек, подбирают определения к заданным словам (снег, снежинка, зима).

Дети учатся понимать смысл загадок, сравнивая предметы по размеру, цвету.

При знакомстве с многозначными словами (игла, лапка и др.) используется наглядный материал (рисунки, иллюстрации). Например, находили на картинке предметы, которые назывались одним словом «игла» (швейная игла, игла у ежа, ёлки, сосны). Кроме того, дети знакомятся с происхождением некоторых слов (например, почему грибы называются подберёзовик, мухомор).

В средней группе расширяется круг грамматических явлений, которые дети осваивали и без наглядного материала. В играх (когда дети давали поручения животным, игрушкам) дети образовывали формы глаголов в повелительном наклонении. Так, наблюдая за действиями игрушки, дети учатся правильно образовывать глаголы (летела, залетела, вылетела).

Составляя с глаголами словосочетания и предложения, дети начинают овладевать построением связного высказывания («Закончи предложение», «Зачем тебе нужны...?»). Для развития связной речи

дети учатся пересказывать литературные произведения. В рассказывании по картине дети составляют небольшие рассказы и учатся сочинять рассказы из личного опыта (по аналогии с содержанием картинки).

Рассказывание проводится сначала по вопросам, затем в совместном рассказывании, а после и самостоятельно. Это предполагает обучение разным типам высказывания – описания, повествования, к рассуждению (Мне нравится зима, потому что...).

Для формирования навыков повествовательной речи детям даются схемы составления совместного рассказывания (начало, середина, конец). Даётся зачин рассказу: »Как-то раз...», предлагается ребёнку наполнить его содержанием, развить сюжет. Собрались звери на полянке. Стали они. ...Вдруг... Взяли звери.... И тогда...

Заполнение схемы помогает ребёнку закрепить представление о средствах связи между предложениями и между частями высказывания.

Интеграция и игровые приёмы дают возможность при меньших затратах времени и усилия со стороны детей, получить более полный объём информации. Грамотная организация деятельности детей – важное условие для того, чтобы дети постигли причинно-следственные отношения с объектами живой и неживой природы.

Пальчиковые игры, игры с природным материалом, мозаикой влияют на грамматической строй речи, поскольку упражнения мелкой моторики рук активизируют речевые зоны головного мозга.

Подвижные игры оказывают влияние на речь.

При знакомстве с художественной литературой дети учатся применять грамматические навыки и умения в диалогической (ответы на вопросы, беседа) и монологической (словесное творчество) речи.

Появление и пребывание знакомых детям героев сказок – Айболита, Колобка, Лесовика, Весны, Осени, Незнайки, Буратино и других персонажей делает занятие более интересным. Героем может быть как педагог, так и кукла. Он может передавать сообщение в форме письма, телеграммы, сюрприза. Такая форма организации позволяет детям чувствовать себя раскрепощено, усвоить познавательный материал, пообщаться

Наблюдения. На прогулках расширяются и уточняются конкретные представления о характерных признаках времён года. Важно не только помочь ребёнку заметить, что произошло, но и получить от

него ответ, как он узнал об этом, почему он думает именно так, а не иначе. Это не только развивает связную речь, но и логическое мышление. При наблюдении за птицами, обратить внимание на их повадки. Например, заметить, как целые стайки воробьёв садятся на деревья, заборы. При приближении человека улетают как клюют пищу.

Вышли на прогулку – спросить: холодно ли, сильный ли мороз, есть ли на небе солнышко, дует ли ветер. Понаблюдать, как ветер раскачивает деревья, крутит и метёт снег; предложить повернуть лицо к ветру, отметить, что от ветра становится холоднее.

Учить детей определять погоду по приметам, устанавливать связи между явлениями природы. Когда сильный мороз, дым из труб поднимается столбом, снег скрипит под ногами, рассыпается в руках, при дыхании виден пар.

Система наблюдений, планирование на учебный год по сезонам, подбор стихов, рассказов, примет, загадок, пословиц сделали работу более интересной и содержательной.

Индивидуальная работа осуществляется во всех видах детской деятельности. Её проведение обеспечивает удовлетворение потребностей и интересов каждого ребёнка.

Индивидуальную работу хорошо проводить в утренние и вечерние часы в игровой форме, в обстановке естественного общения, на прогулке и др.

Речь идёт об описании игрушек, картинок, явлений природы, составлении совместных рассказов, о выполнении фонетических, лексических, грамматических упражнений.

Управление грамматическим развитием речи детей реализую, прежде всего, посредством совместной деятельности, общения как с самим ребёнком (в форме диалога), так и с другими детьми.

Результат

1. Эмоционально-насыщенное, содержательное проживание ребёнка в детском саду.

2. Удовлетворённость естественными потребностями в общении, творчестве.

3. Активность, инициативность, раскрепощённость детей в общении.

4. Наличие интереса к миру природы, любознательность, проявление гуманных и охранительных способов взаимодействия с природным миром.

5. Проявление творческих способностей в различных видах детской деятельности.

Так, системная работа дала свои результаты. Ребята стали грамотнее говорить, исправлять ошибки в речи товарищей, использовать разные конструкции предложений.

Литература

1. Васильева М.А., Гербова В.В., Комарова Т.С. Программа воспитания и обучения детей в детском саду. – Москва: Мозаика-Синтез, 2005. – 208 с.
2. Веракса Н.Е., Комарова Т.С., Васильева М.А. Программа «От рождения до школы». – М.: Мозаика-Синтез, 2014. – 368 с.
3. Николаева С.Н. Программа «Юный эколог». – Москва: Изд-во «Сфера», 2008. – 128 с.
4. Рыжова Н.А. «Наш дом – природа». – М.: Карапуз-Дидактика, 2005 г. – 24 с.
5. Поваляева М.А. Развитие речи детей при ознакомлении с природой. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 415 с.
6. Ушакова О.С. Развитие речи и творчества дошкольников. – Москва: Изд-во «Сфера», 2005. – 144 с.

Билялова А.А.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Набережные Челны, Татарстан)*

ФАКУЛЬТАТИВНОСТЬ В РАМКАХ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИОННОЙ НОРМЫ

Система пунктуации является одной из важнейших систем языка. Несмотря на то, что вопросам пунктуации посвящены работы ряда известных учёных, таких как А.Б. Шапиро, Л.И. Зильберман и Г.И. Абрамова, Н.С. Валгина, природа и функции таковой недостаточно изучены как в плане общего языкознания, так и с точки зрения отдельных языков. Данная работа представляет собой анализ процессов в развитии пунктуации, а именно, вариантность норм в употреблении знаков препинания рассматривается сквозь призму факультативности.

Необходимо признать, что в русской пунктуации как в развивающейся системе наметились новые тенденции в употреблении знаков

препинания. Эти тенденции, прежде всего, связаны с новыми явлениями в синтаксисе, но при этом необходимо подчеркнуть, что система знаков препинания обнаруживает и собственные изменения, касающиеся функции и значения самих знаков. Появление новых тенденции является причиной появления вариантности употребления знаков препинания, которая предполагает возможность выбора в употреблении того или иного знака. В свою очередь свободный выбор знака препинания в зависимости от интенции пишущего создает широкое поле факультативности.

Несмотря на то, что русской пунктуации свойственны такие качества, как устойчивость, обязательность, традиционность, русская пунктуационная норма обладает свойствами коммуникативно-прагматической нормы и является адаптивной по своей природе. В связи с этим важным понятием в описании специфики пунктуационных норм является колебание. По мнению ряда исследователей, понятие колебание связано с языковой системой и с асимметрией языкового знака, с категорией избыточности. С одной стороны, колебание нормы можно рассматривать как проявление нестабильности в ходе реализации языковой системы, как форму нестабильности плана выражения, а с другой – «диктуемое асимметрией языкового знака колебание, связанное с избыточностью в плане выражения, может реализовываться и как внутриединичная, и как межъединичная изофункциональность, а это может быть представлено как вариантностью, так и синонимией» [Граудина, 1980, с.178]. В результате обнаруживается разрыв между нормами пунктуации и сложившейся практикой реального употребления пунктуационных знаков. Этим отчасти объясняется широкое использование понятия «факультативность» в сфере пунктуации. Н.С. Валгина в одной из своих работ сделала попытку уточнить содержание термина «факультативные знаки». По мнению автора, «если говорить о факультативности и обязательности применительно к действию принципов пунктуации, то, видимо, следует признать, что знаки «грамматические» (= фиксирующие структурное членение речи) должны быть обязательными, а «смысловые» и «интонационные» – факультативными, поскольку они индивидуализированы авторским употреблением» [Валгина, 1979, с.36]. Данный тезис выглядит несколько спорным, учитывая тот факт, что наблюдаются случаи, когда и грамматические знаки не всегда обязательны. Анализ языкового материала дает основа-

ние утверждать, что факультативность в сфере пунктуации может проявляться в отклонениях от нормы, связанных, во-первых, с контекстуальной обусловленностью, и, во-вторых, в отклонениях, распространенных в практике печати данного исторического периода, когда наблюдается расхождение между практикой печати и регламентированными правилами пунктуации. В виду регламента статьи остановимся подробно на первом аспекте отклонений.

Отклонение от нормы, связанное с внутренними свойствами текста и коммуникативно-прагматическими задачами пишущего, принято называть нерегламентированной пунктуацией (не путать с авторской пунктуацией, где знаки характеризуют авторскую индивидуальность). Таким образом, к нерегламентированной пунктуации относятся разнообразные отклонения от пунктуационных норм, (существующие наряду с регламентируемыми вариантами), целью которых является создание своеобразия и эмоционального колорита письменной речи. Исследования, посвященные нерегламентированному использованию пунктуации, свидетельствуют о расширении функционального назначения знаков в текстах разной жанрово-стилистической ориентации. Особо подчеркнем, что контекстуально обусловленные авторским замыслом знаки, используемые в тексте для реализации задач конкретного речевого акта, формально не представлены в справочниках.

Ярко выраженное отличие нерегламентированной пунктуации от пунктуации регламентированной заключается в том, что она способна наряду с лексическими и синтаксическими средствами придать прагмаречевым характеристикам текстам дополнительные стилистические оттенки. Так, например, в предложении Неслышно, в туфлях, по опавшим листьям, ступала осень в природе (А.Платонов) пунктуационный знак «запятая» не предусмотрен правилами употребления, его использование в данном случае факультативно с целью выражения дополнительных оттенков смысла, а именно усиление восприятия важных деталей повествования. Подобное факультативное использование запятой мы наблюдаем в следующих примерах: *Далеко, в лесу, раздавались удары топора* (Л.Улицкая); *Впереди, на дороге, толпились люди* (А.Червинский); *Вместо голых утёсов, я увидел около себя зелёные горы и плодоносные деревья* (К.Паустовский); смысловая, синтаксическая, интонационная функции тире, графическая выразительность этого знака завоевали

ему популярность у писателей-прозаиков, в произведениях которых часто встречается факультативное употребление данного пунктуационного знака: *Все это, конечно, замечательно, но – большой риск* (Б.Полевой.); *Но вызывать сейчас огонь артиллерии было бессмысленно – огонь накрыл бы и наших разведчиков* (А.Белый).

В данных примерах знак тире, обладающий наибольшей разделительной функцией, которая усиливается еще и зрительным эффектом, организует тема-рематическую расчлененность текста. Совершенно очевидно, что тире как разграничитель гораздо весомее и зримее в сравнении с запятой, этим объясняется его факультативное употребление в сравнительных оборотах, придаточных частях предложения, а иногда и в обращениях: *Но сломался нож – точно в камень ударили им* (М.Горький); *Поймают – не отбреешься* (А.Алексин); *Гошка не слушал – уже знал через к разрушенным землянкам* (В.Аксенов); *Други его – не тревожьте его! Слуги его – не тревожьте его!* (М.Цветаева). В следующем примере факультативное употребление точки с запятой оправдано с прагматической точки зрения, так как данный знак препинания не только разделяет две внутренне зависимые части, но и акцентирует весомость парцеллята: *Нож заедает, открывается нажатием кнопки; с грубоватым щелчком* (В.Маканин).

Итак, нерегламентированное использование знаков препинания заключается в расширении границ и условий их применения с целью повышения экспрессии выражения мыслей и чувств в письменном тексте, что приводит к повышению степени развитости и гибкости пунктуационной системы. Создание эмоционально-экспрессивной направленности, динамичности речевого потока или же плавности его протекания достигается путем выбора оптимального для каждого конкретного случая варианта благодаря такой характеристике русской пунктуации, как факультативность. Заметим, что в данном случае факультативность, проявляющаяся в свободе выбора знака препинания и в возможности отклонения от нормы, может существовать лишь в определенных пределах, поскольку факультативность в использовании пунктуационных знаков заключается не в индивидуальном нарушении правил их употребления, а в расширении границ их использования и чувстве разумного предела как одного из показателей культуры и грамотности пишущего.

Литература

1. Валгина Н.С. Понятие факультативности применительно к употреблению знаков препинания / Н.С.Валгина // Современная русская пунктуация. – М., 1979. – с. 35-46.
2. Валгина Н.С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 2004 — 259 с.
3. Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты / Л.К. Граудина. – М., 1980. – 288 с.
4. Зильберман Л.И., Абрамова, Т.И. Запятая как семантико-синтаксический сигнал. – М.: «Наука», 1973.
5. Шапиро А.Б. Современный русский язык: Пунктуация. – 3-е изд., 2011. – 296 с.

Быков А.В.

*Елабужский институт КФУ
(Елабуга, Татарстан)*

ТВОРЧЕСТВО А.С. ПУШКИНА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ А.Л. ВОЛЫНСКОГО

Аким Львович Волынский (1863-1926) – один из интереснейших и оригинальнейших русских критиков серебряного века, один из основателей религиозно-философской критики. Наиболее яркий и активный период его критической деятельности пришёлся на 1890-е годы. Сегодня имя Волынского выходит из забвения [1; 11; 14].

Вместе с Д.С. Мережковским, В.В. Розановым, В.С. Соловьёвым А.Л. Волынский выступил с новым взглядом на русскую литературу, превратив некогда народнический журнал «Северный вестник» в трибуну для борьбы с либерально-народнической, материалистической критикой, господствовавшей в то время, продолжавшей линию Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, позднего В.Г. Белинского. Сущность разногласий была философская, схлестнулись старый материализм и новый идеализм: что важнее в литературе – изображение тяжёлого материального положения народа и других актуальных социальных проблем или вечные вопросы духа – нравственные, религиозные, философские идеи.

Спор с материализмом был во главе угла в книге Волынского «Русские критики» (1896), где он проследил историю русской критики от

Белинского до конца 1860-х годов и в его статьях о современных литературных явлениях. Общий вывод критика-идеалиста был таков: критики-материалисты по-настоящему не поняли русской литературы, не сумели адекватно её оценить и интерпретировать.

И в первую очередь это касалось творчества А.С. Пушкина. *«Вопрос о Пушкине был первенствующим вопросом во времена Белинского и остался таким до сих пор»* [2, с.112]. Именно отношение к Пушкину самым очевидным образом для Волынского вскрывало эстетическую и философскую немощь русских критиков. Ведущие критики-материалисты 1890-х годов – например, Н.К. Михайловский в статье «Литературное движение в России» (1894), А.М. Скабичевский в своей «Истории новейшей русской литературы» (1891) – фактически отрицали существование настоящей литературы до эпохи 1860-х годов, ни Пушкин, ни Гоголь, ни Лермонтов, по их мнению, не могут считаться основателями новой русской литературы, так как им недоставало *«осмысленного, идейного содержания»* [13, с.3]. Волынский, разоблачив такой взгляд [4; 6], считал, что он идёт от Белинского, породившим миф о Пушкине исключительно как художнике, утверждающим, что идейное содержание его творчества безнадежно устарело, поскольку поэту не хватало образования, чтобы быть на уровне современных, в первую очередь социально-политических идей. *«Недостаток прочного, глубокого образования, - цитирует Волынский высказывание Добролюбова о поэте («О степени участия народности в развитии русской литературы»), - мешал ему сознать прямо и ясно, к чему стремиться, чего искать, во имя чего приступить к решению общественных вопросов»* [5, с.220]. После разбора «Евгения Онегина» Белинским, где Татьяна названа *«нравственным эмбрионом»*, писал Волынский, *«Писареву нетрудно было доказать, что это произведение переполнено дворянских предрассудков, и сам Пушкин – ограниченная банальная натура, распространявшая в обществе какие-то дикие развращающие взгляды»* [2, с.119].

Волынский не оставил ни одной статьи, специально посвящённой критическому анализу пушкинских произведений. Он писал о критиках Пушкина, но в этих статьях есть суждения и о творчестве поэта. Пушкин был единственным писателем, оцениваемым Волынским исключительно положительно. Как и для многих, для Волынского Пушкин был не просто основателем русской литературы, но недостижимым идеалом гармоничного художника и с формальной,

и с содержательной точек зрения. *«С такою полнотою изящества, с таким совершенством поэтической грации, с таким богатством духовных настроений русский национальный гений никогда более не проявлялся»* [2, с.116].

Главная же заслуга Волынского в отношении Пушкина заключалась в том, что он был первым среди критиков серебряного века, кто убеждённо декларировал гениальность Пушкина-мыслителя уже в 1893 году – до статьи Мережковского 1896 года. Он отстаивал не только высокую интеллектуальность Пушкина – критика, историка, но и философскую глубину его художественного творчества. *«В произведениях Пушкина великие, глубокие идеи живут и движутся в ярких художественных воплощениях, нераздельно сливаясь со словами»* [2, с.115].

Главный смысл творчества Пушкина Волынский увидел в органической связи с духом русского народа, противоречивой русской душой: Пушкин выразил *«дух силы и молодого удальства, широкий размах души, не знающей меры ни в горе, ни в радости, с одной стороны – тихую грусть и тоску глубоко спрятанного религиозного чувства, как выражения высших духовных стремлений, с другой стороны»* [2, с.115]. Критик уловил суть философского содержания поэзии Пушкина в её связи с национальным характером – приятие жизни во всех её земных, грешных проявлениях и, вместе с тем, стремление к высокому внеземному идеалу [10, I, с.46-49].

Однако он считал преобладающим у Пушкина духовное религиозное содержание. Вот что он пишет о стихотворении «Памятник»: *«почти задетый крылом смерти, под надвигающейся <...>, грозовой тучей, дышащей влажным холодом <...>, Пушкин, в минуту духовного откровения, видит свою судьбу в ином лучшем свете». «Высшее религиозное настроение даёт поэту решимость мужественно встретить всякий приговор современников и потомства»* [3, с.582-583].

Высокая нравственно-религиозная идея, по Волынскому, заключена и в «Евгении Онегине». Вслед за Достоевским и его пушкинской речью критик считал, что Пушкин в романе создал два универсальных типа русских героев: Онегина и Татьяну, в противопоставлении которых критик видел *«борьбу личных и стихийно-народных начал и пророческое указание на победу последних в русской истории»* [8, с.228]. Однако тип Онегина, русского интеллигента-скитальца Волынский не отрицал полностью, видя в его космополитических

устремлениях отражение жажды общечеловеческой истины (чем принципиально отличался от Достоевского и других православных критиков, современных в том числе). Образ же Татьяны – *«это истина достигнутая»* [7, с.760]. Она есть воплощение нравственного идеала русского народа, как, впрочем, трактовали роман многие его читатели и критики. Волынский считал, что её апофеоз в финале романа есть будущий апофеоз русской религиозности. Именно через этот образ Пушкин проник в *«идеальные стремления русской жизни»* [9, с.49]. Её высокая духовность в её в самоотречении: *«Татьяна приносит в жертву своей внутренней правде всю свою личную жизнь»* [8, с.227].

Интерпретация Волынского выявила в творчестве Пушкина главное, предвосхитив многое сказанное о нём впоследствии. Очень близок его взгляд концепциям Л.Шестова, С.Франка и др. [12]. Заслуги Волынского были забыты, поскольку его суждения о поэте были декларативны и расплылись по разным статьям. А между тем он первый в серебряном веке указал на скрытую в произведениях Пушкина религиозную глубину, которая сейчас признаётся всё большим числом литературоведов.

Литература

1. Быков А.В. Забытый критик – Аким Волынский // Забытые и малоизвестные как феномен русской культуры: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск первый. – Елабуга: ЕГПУ, 2009. – С. 129-137.
2. Волынский А.Л., Белинский В.Г. (3 статьи) // Волынский А.Л. Русские критики. – СПб., 1896. – С. 1-128.
3. Волынский А.Л., Писарев Д.И. (3 статьи) // Волынский А.Л. Русские критики. – СПб., 1896. – С. 481-600.
4. Волынский А.Л. (рец. на книгу) История новейшей русской литературы. А.М. Скабичевского // Северный вестник. – 1891. – №7. – С. 82-85.
5. Волынский А.Л., Добролюбов Н.А. (3 статьи) // Волынский А.Л. Русские критики. – СПб., 1896. – С. 133-251.
6. Волынский А.Л. Н.К. Михайловский и его рассуждения о русской литературе // Волынский А.Л. Русские критики. – СПб., 1896. – С. 786-809 (первая публикация – Северный вестник. – 1894. – № 4. – С.98-121).

7. Волынский А.Л. О причинах упадка русской критики // Волынский А.Л. Русские критики. – СПб., 1896. – С. 751-772.
8. Волынский А.Л. Современная русская поэзия // Северные цветы. – СПб., 1902. – С. 225-250.
9. Волынский А.Л. Что такое идеализм? – СПб.: Парфенон, 1922. – 64 с.
10. Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX - XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. В двух частях. – СПб.: Алетейя, 2000. – Ч. 1. – 415 с.; Ч. 2. – 413 с.
11. Котельников В. А. Воинствующий идеалист Аким Волынский // Русская литература. – 2006. – № 1. – С. 20-75.
12. Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в.: Сб. / Сост., вступ. ст. Р.А. Гальцева. – М.: Книга, 1990. – 527 с.
13. Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы. – СПб., 1897 (переизд.). – 534 с.
14. Толстая Е.Д. Бедный рыцарь. Интеллектуальное странствие Акима Волынского. – М.: Мосты культуры / Гешарим, 2013. – 632 с.

Волков И.О.

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет
(Томск, Россия)*

**СБЛИЖЕНИЕ И.С. ТУРГЕНЕВА С ОНОРЕ ДЕ
БАЛЬЗАКОМ В ВОСПРИЯТИИ ШЕКСПИРОВСКОЙ
ТРАДИЦИИ: «НАХЛЕБНИК» И «ОТЕЦ ГОРИО»**

Глубина нравственно-философской и художественной интерпретации мотивов и образов Шекспира в произведениях Бальзака и Тургенева обусловлена своеобразием художественной манеры, эстетики, национальной ментальности, временем создания произведений. Между 1832 и 1870 гг. лежит целая эпоха в общественной и культурной жизни Франции и России, определившая своеобразие и эволюцию тургеневской концепции Шекспира и содержание диалога русского писателя с Бальзаком. Ценный материал для понимания формирования и развития традиции Шекспира в творчестве Тургенева от 1840-х гг. к 1870-м может дать анализ комедии «Нахлебник». Это произведение представляет ранний опыт творческой переработ-

ки темы «Короля Лира». Комедия «Нахлебник» тесно связана с традицией русской литературы 1840-х гг., с тем временем, когда осмысливается по-новому проблема маленького человека. Оставаясь в жанре комедии, «Нахлебник» во многом поднимается до трагедии. Этому способствуют драматичность судьбы и социального положения главного героя – Кузовкина, а также сложный план его душевного состояния. Работая над комедией «Нахлебник», разрабатывая образ Кузовкина, Тургенев стремится найти свой ответ в понимании русской жизни. «Нахлебник» пишется в бушующем Париже, среди революционных событий, на фоне упадка литературы, театра, живописи (как говорит сам Тургенев в своих письмах). Осмысля сложившуюся ситуацию, Тургенев дает свой вариант настоящей комедии. Драматический жанр для Тургенева – это та форма, которая позволила ему показать внутренний мир героя, акцентируя внимание на сложности переживания маленького человека. Это своеобразная ступень для перехода писателя к жанру эпическому (повесть, роман), который позволит изобразить всю полноту и все многообразие жизни. В пьесе Тургенева органично входит тема «отец и дочь». Постановка темы оскорбленного отца и характер её разработки указывают на момент схождения Бальзака и Тургенева в содержании эстетической позиции и художественной манеры.

У Бальзака, так же, как и у Тургенева, обнаруживается огромный интерес к драматическому роду литературы. Начиная повествование, он говорит об этом: *«Как ни подорвано доверие к слову «драма» (здесь и далее – И.В.) превратным, неуместным и расточительным его употреблением в скорбной литературе наших дней, здесь это слово неизбежно: пусть наша повесть и не драматична в настоящем смысле слова, но, может быть, кое-кто из читателей, закончив чтение, прольет над ней слезу intra и extra muros [в стенах города и за его стенами] <...> Так знайте же: эта драма не выдумка и не роман» [1, с.229-230].*

В центре романного изображения маленькие люди, жизнь которых наполнена огромными страданиями. Бальзак обращается к обыкновенному материалу, он рисует самый неизвестный район Парижа, в котором располагается пансион мадам Воке: *«Тут мостовые сухи, в канавах нет ни грязи, ни воды, вдоль стен растет трава; <...> дома угрюмы, от глухих стен веет тюрьмой. Случайно зашедший парижанин тут не увидит ничего, кроме семейных пансионов или учебных*

заведений, нищеты и скуки, умирающей старости и жизнерадостной, но вынужденной трудиться юности. В Париже нет квартала более ужасного и, надобно заметить, менее известного» [1, с.230]. Пристальное внимание обращает автор на обитателей этого пансиона: «...здесьние пансионеры несли на себе бремя более или менее явных злополучий. <...> В судьбе этих людей чувствовались драмы, уже законченные или в действии: не те, что разыгрываются при свете лампы, в расписных холстах, а драмы, полные жизни и безмолвные, застывшие и горячо волнующие сердце, драмы, которым нет конца» [1, с.236-237]. Это нищие, бедные, маленькие люди, которые являются нахлебниками в чужом доме. Хотя они и платят за свое скудное пропитание, но потребляют все же чужой хлеб. Им больше некуда податься, пансион – это их последнее пристанище, последнее место пребывания. Само французское слово «pensionnaire» (пансионер) в одном из своих значений переводится как «живущий на полном пансионе» [2, с.800] (то есть на полной плате за питание и проживание) и «обитатель тюрьмы, приюта» [Там же, с.800]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Бальзак, рисуя образы жителей пансиона Воке, вкладывает в их наименование смысл обитателей приюта, «содержанцев», нахлебников.

Похожую ситуацию можно наблюдать и у Тургенева: место действия – провинция, герой – Василий Кузовкин, который в списке действующих лиц обозначается как «*дворянин, проживающий на хлебах*» [3, с.144], также не имеет собственного угла, содержится в чужом доме на чужом хлебе. Фамилия главного героя Кузовкина является говорящей. Её можно рассматривать как образованную от слова «кузов», которое обозначает «*короб, гнутый, плетеный или обшитый по остову коробища, вместилище разного рода*» [4, с.545]. Опираясь на данную информацию, можно говорить, что семантический смысл слова «кузов» тесно связан со смыслом фамилии героя и её ролью в очерчивании образа. Кузов – как что-то «гнутое» и «плетеное» из лыка или бересты отражает близость героя комедии с крестьянством, с народным началом: это естественное, природное, простое и, в то же время, покорное, безропотное, угнетенное. Он «гнется», приспособливается, становится приживальщиком, и жизнь его тесно переплетена и связана с усадьбой, поместьем, в котором он живет нахлебником. На обыкновенном материале Бальзак и Тургенев изображают духовную драму человека в современном

обществе. В поисках способа показать трагизм положения героя, Бальзак обращается к Шекспиру. Он вводит тему бедного отца, покинутого и отвергнутого своими дочерьми. Французский писатель показывает душевную драму героя, разные эмоциональные состояния, которые переживает Горио: самозабвенное и слепое обожание своих дочерей («Обе дочки очень меня любят. Как отец я счастлив. <...> я люблюсь туалетом своих дочек; <...> у меня душа радуется. Разве они не моя кровь? Я люблю тех лошадей, которые их возят, мне бы хотелось быть той маленькой собачкой, которую дочки мои держат на коленях. Я живу их удовольствиями») [1, с.325-326]; горе нищеты, которое делает его неспособным помочь материально свои дочерям и переживания, которые он испытывает, когда видит их «нужду» («Нет денег у меня, Нази. Больше ничего, ничего! Это конец мира. Да, мир скоро рухнет – иначе быть не может! Идите же, спасайтесь, пока есть время!») [1, с.422]; муки прозрения на смертном одре, страшное осознание истинного положения дел, неблагодарности дочерей («Они жестоко отплатили мне за мое чувство, – как палачи, они клещами рвали мое тело. Что делать! Отцы такие дураки! <...> Дочери были моим пороком, моей любовной страстью, всем! <...> Боже, какая ужасная боль! Врачей! Врачей!») [1, с.448].

Сама фамилия – Горио – в русской огласовке может быть семантически связана со словом «горе», что также указывает на драматизм героя и всего романа в целом. Если рассматривать эту фамилию во французском языке, то можно обнаружить, что Горио (фр. Goriot) это уменьшительное от *gore*, что в переводе со старо-французского значит «молодая свинья», отсюда произошел метафорический перенос на человека – грязнуля, но в нравственном смысле: прелюбодение, нечистота нравственная. То есть, возможно, что Бальзак, наделяя такой фамилией центрального персонажа, в ее смысловую и образную составляющую хотел включить характеристику героя как нравственно опустившегося. А так как к фамилии Горио принадлежали когда-то и его дочери, то это может говорить и об их соответствующей характеристике.

Тургенев близок к Бальзаку в тщательном и детализированном изображении процесса человеческого переживания, которые получили у него размах страстей, равный бальзаковскому Горио и шекспировскому Лиру. Так, речь героя проникнута чувством любви: «Кувозкин (протягивая ей вслед руки). <...> Помилуйте, или вы думаете,

что я не чувствую всего... Ведь я вас люблю, как родную... Ведь, наконец, вы всё-таки... (Быстро поднимается.) Не бойтесь, не бойтесь, у меня это слово не сойдет с языка... <...> Что ж, я и там за вас (у него навертываются слезы)... и везде за вас и за вашего супруга... а я, конечно, сам виноват – лишился, можно сказать, последнего счастья... (Плачет.)» [3, с.159]. Столь же эмоционально напряжен Кузовкин, бунтуя против насмешек: «Кузовкин (Голос его прерывается.) <...> Вот как! За что, за что вы меня топчете в грязь? Что я вам сделал? Помилуйте! А я вас так ожидал, так радовался... За что, Павел Николаич?» [3, с.144]. В отчаянии от горя и безнадёжности Кузовкин восклицает: «Кузовкин (один). Что это со мною делают, господи! Да так лучше прямо в гроб живому лечь! Погубил я себя!» [3, с.166]. Эмоциональный драматизм создаётся многочисленными паузами (многоточиями), авторскими ремарками, «эмоциональным» синтаксисом вопросов и восклицаний, недоговорённостью, обрывом фраз.

Таким образом, в комедии «Нахлебник» Тургенев впервые осуществил интерпретацию шекспировской трагедии «Король Лир». Сближающей с Бальзаком в восприятии Шекспира была задача воссоздать психологически точно и полно духовную драму обыкновенного человека. Бальзак акцентировал безысходность и трагизм судьбы отца Горио, видя в нём жертву и виновника случившегося. Тургеневская концепция человека и общества в 1840-ые гг. характеризовалась поисками основ для национального единения. Именно в 1840-ые гг. сформировалось своеобразие художественной манеры Тургенева – синтез эпического и драматического. У истоков его стояла ориентация на Шекспира. Масштаб трагедийности «Короля Лира» будет в полной мере воспринят и художественно воплощён в повести «Степной король Лир» (1869-1870 гг.).

Литература

1. Бальзак О. Собрание сочинений: в 10-ти т. – М.: Художественная литература, 1983. Т. 2. – 735 с.
2. Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. – М.: Русский язык, 1994. – 1194 с.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти томах. – М.: Наука, 1979. Сочинения: Т. 2. – 703 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. – М.: Русский язык, 1998. Т. 2. – 781 с.

Гайсин Р.М.

Елабужский институт КФУ
(Елабуга, Татарстан)

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»

В романе В.В. Набокова «Защита Лужина» (1929) проблемы гениальности и творчества решаются на шахматном языке. В отличие от других искусств они представляют свой внутренний дуализм явным образом. И если в традиционных видах художеств созидающая, творческая сторона почти неотличима от утверждающего начала, то в шахматах эти стороны наглядно разделены на композиционное творчество и спортивное состязание, соперничество. В связи с чем шахматы являются прекрасным объектом для исследования проблем, связанных с дуализмом творческой деятельности.

С другой стороны, шахматист, находящийся в своем пространственно-временном мире гармоничного целого, очень остро воспринимает несовершенства окружающей действительности. Еще в детстве Лужин не случайно почувствовал непреодолимую тягу к этой великой игре, стал шахматным вундеркиндом. Его подтолкнули к ним болезненно переживаемые коллизии в семье, гимназии, в антиномическом пространстве «дача – город». Со временем найдется для Лужина наставник, который возьмет на себя все заботы о жизненном обустройстве гения и будет, всячески помогая, сопровождать его восхождение к шахматным вершинам.

Для этого своеобразного антрепренера Валентинова, сильного и умного человека, тоже оказавшегося в эмиграции, границ между государствами никогда не существовало. Пристроив свои средства в дружественной Европе, он выполняет свою миссию – являет людям необычное, выдающееся, гениальное. Не обязательно юное незаурядное дарование в лице Лужина, которого Валентинов, все-таки, высоко ценит и помнит, отдавая должное его исключительным способностям созидать за шахматной доской свой мир.

В собственных устремлениях и возникших обстоятельствах сложные задачи шахматного искусства становятся для Лужина бесконечно легче простых жизненных проблем. Жизнь без Валентинова и женитьба связаны для него с необходимостью приспособиться к условиям реальной жизни. И здесь он сталкивается с более широ-

ким кругом русских эмигрантов. Внешне поначалу все налаживается. Поражая окружающих нелепостью и неуклюжестью поступков, Лужин преодолевает обыденные, но трудные для него дела: живет, жениховствует. Но это преодоление лишь кажущееся. Лужиным движут стереотипы внешние, которыми нельзя подменить подлинное воплощение. А оно с каждым днем становится все труднее и жизненные задачи все более высасывают из Лужина душевные силы. Снова возникают шахматные видения, реальная жизнь отражается в его сознании только случайными, оборванными пятнами (*летающий географ, врач с ассирийской бородой, внезапно выступающая из мрака невеста...*). Лужинский мир искусства не принимает и заслоняет действительность.

Все было прогнозируемо: слишком велика была степень идентификации человека в лице русского гроссмейстера и мира шахматного. И когда на время Лужин попадает в обычную обстановку (жена, квартира...), забыв на мгновение о смысле своего существования, заключающемся в самоотдаче шахматам, в нём поднимается тоска неудовлетворённости. Он снова делает попытку уйти в свой иной, чудесный, захватывающий мир, подняться над землёй, повторить это исконное рвущееся человеческое стремление, поиски идеально-го. Шахматы постепенно трансформируются в высокую творческую и состязательную страсть, которая поглощает игрока целиком: *«...он (Лужин) понял ужас шахматных бездн, в которые погружался.... Но шахматы были безжалостны, они держали и втягивали его. В этом был ужас, но в этом была единственная гармония, ибо, что есть в мире кроме шахмат?»* [Набоков, 1989, с.66].

Дар Лужина несомненен и он мог реализовываться дальше, если бы драматизм сложившейся для него финальной ситуации ограничивался только шахматами, включая острое соперничество с гроссмейстером Турати, против коварного дебюта которого было трудно найти защиту. Дело заключается еще в общей атмосфере в Германии и Советском Союзе на рубеже двадцатых-тридцатых годов XX века. Владимир Набоков люто ненавидел устанавливающийся тоталитарный режим в СССР. В статье «Юбилей» (1927), когда вынашивался замысел и создавался роман «Защита Лужина», он писал: *«В эти дни, когда тянет оттуда трупным запахом юбилея, - отчего бы и наш юбилей не отпраздновать? <...> Десять лет презрения... Я презираю не человека, не рабочего Сидорова, честного члена какого-нибудь Ком-*

пом-пом, а ту уродливую тупую идейку, которая превращает русских простаков в коммунистических простофиль, которая из людей делает муравьев...» [Михайлов, 1998, с.75]. Позднее он с уверенностью утверждал, что под влиянием Запада, и особенно Америки, советское государство отомрет постепенно. Прогнозы писателя, чему мы являемся свидетелями, сбылись.

В свою очередь, часть русской эмиграции в Германии в противостоянии советскому тоталитарному режиму и желанию быстрее его ликвидировать способствовали становлению авторитарной нацистской идеологии и государственности в этой великой стране. Нет необходимости рассматривать весь типологический ряд русских эмигрантов, представленных в романе. Заметим лишь, что Лужин попадает в качестве жениха и мужа дочери к богатым и влиятельным русским эмигрантам. Они были состоятельны в Российской империи и подозрительно быстро разбогатели в Германии. На чьей стороне их симпатии легко увидеть из антисемитских выпадов тещи. Она и к Лужину, в этом смысле, относится с подозрением. В разговоре с дочерью не скрывает своего презрения к гроссмейстеру: «Наверное, псевдоним, – сказала мать, копаясь в несессере, какой-нибудь Рубинштейн или Абрамсон» [Набоков, 1989, с.50]. Видимо, она была осведомлена и оценивала по-своему факты, что не только Костриков (1886-1934) назывался Кировым, но и Лейб Бронштейн (1879-1940) был Троцким, Розенфельд (1883-1936) – Каменевым, Радомысльский (1883-1936) – Зиновьевым и пр. Отец девушки, крупный предприниматель, подчеркнуто говорит, что имеет дело с людьми подозрительного происхождения. Кто эти люди – остается только догадываться...

Квартира невесты Лужина была дорогая, благоустроенная, в бельэтаже громадного берлинского дома. Отделанная и обставленная в псевдорусском стиле, а потому умная и чуткая дочь была к этому лубочному творению совершенно равнодушна.

Есть в романе интересный штрих, который свидетельствует о тех простых людях, волею драматического стечения обстоятельств оказавшихся за границей, а теперь прозябающих в русском бараке под Берлином. Не случайно настоящий денщик, взятый оттуда прислуживать в этот псевдорусский дом, «ни с того, ни с чего стал необыкновенно груб и был замещен немецкой полькой» [Набоков, 1989, с.50]. Напряжение в романе постепенно нарастает в связи с болезнью Лужина и турнирной ситуацией в финальном состязании, а русский ге-

ний уходит из жизни, не доиграв последнюю партию. Кульминацией является шахматный поединок Лужина и Турати, во время которого Лужин полностью отрывается от действительности. Болезнь не только придает драматический характер схватке, но трансформирует ее в борьбу с самой судьбой. И при всем трагизме, Лужин, по воле автора только в конце романа обретая имя и отчество – Александр Иванович, достойно уходит из жизни.

Впрочем, достойно повел себя в эмиграции и сам В.В. Набоков. Пятнадцать лет он – писатель и педагог, журналист и сильный шахматист - живет в Берлине. Приезжает в 1922 году, становится известным репетитором английского языка, хотя ему приходилось давать и уроки немецкого, французского, русского. Начинает печататься в эмигрантских изданиях. Чуть не женится на Светлане Зиверт. Семья невесты оказалась против: у жениха не было постоянной работы.

Женой Набокова в 1925 году становится Вера Слоним. Из Петербурга, из еврейско-русской семьи. В 1937 году, когда нацизм окончательно подавил в Германии гражданские свободы, уезжает в США. Видимо, так мог поступить и А.И. Лужин. Его прототипами, были, согласно мнению исследователей, немецкий гроссмейстер Курт фон Барделебен, близкий друг Набокова и участник многих турниров Германского шахматного союза, и чемпион мира Александр Алехин. Курт фон Барделебен совершил смертельный прыжок из окна.

Алехин много сотрудничает с нацистами. Пишет ряд антисемитских статей о евреях в шахматах. Участвует в турнирах, организованных нацистским шахматным союзом Великой Германии, дает для офицеров вермахта сеансы одновременной игры. Я бы к прототипам Лужина добавил гроссмейстера Ефима Боголюбова, который был 8-кратным чемпионом Германии (1928-1939).

Литература

1. Михайлов А.М. Набоков // Русские писатели XX век. Биобиблиографический словарь: В 2 ч. Ч. 2. – М.: Просвещение, 1998. – С. 72-78.
2. Набоков В.В. Защита Лужина. – М.: Современник, 1989. – 126с.

Гыймранова Д.Г.

Элмәт районы, Кичүчат авылы

Р.Фәхредин мемориаль музейе житәкчесе

(Альметьевск, Татарстан)

МУЗЕЙ ХӘЗИНӘЛӘРЕНДӘ ТӘРБИЯ

ТЕМАСЫНЫҢ ЧАГЫЛЫШЫ

Ризәддин бине Фәхредингә, бу сүзләре бүгенгесе көндә дә алтын бәһасындагы иң актуаль гыйбарәләрнең берсе булып кала бирә безнең авылдашыбызга, киң сәләтлелек һәм күпъяклылык хас. Авыл мәдрәсәсендә белем алып олуг галим булып житешкән Р.Фәхрединнең ижади мирасын өйрәнгән вакытта аның олуг төрбияче икәнлегенә тагын бер кат кат инанасың.

Р.Фәхрединнең тормышын һәм ижади эшчәнлеген яктырту йөзеннән 1995 елның 25 маенда галимнең туган авылы Кичүчатта, туып үскән нигезендә Р.Фәхредин мемориаль музейе ачылды. Шул көннән “Татнефть” ачык акционерлык жәмгыятең “Елховнефть” нефть һәм газ чыгару идарәсе көче белән төзекләндерелгән һәм жиһазландырылган музей бинасы Кичүчат авылына нур сибеп, бай эчтәлеге белән төрле яшьтәгеләрне үзенә кунакка дәшәп тора башлады.

Яшь буынны, халыкны үз милләтенең шәхесләрен барларга, алар белән горурулана белергә өйрәтү – музейларның төп вазыйфаларының берсе. Шуңа күрә дә милләтебезгә, аның милли традицияләренә ихтирам уяту ниятеннән музей хезмәткәрләре зур тырышлык куялар. Кечкенә генә авыл музейе килгән һәрбер кеше, ничә яшьтә булуына карамастан, тарихка күз салып, Р.Фәхрединнең тормыш һәм ижат юлы белән танышып, үз милләте өчен горуруланып, рухи байлык алып чыга. Килгән кунаклар биредә, үзләре дә сизмәстән, галимнең замандашлары Ш.Мәржәни, Ф.Кәрим, Дәрдемәнд, Г.Тукай кебек шәхесләр яшәгән чорга аяк басалар. Республикабызның төрле төбәкләреннән килгән мәктәп һәм гимназия укучылары белән беррәттән язучылар, галимнәр, дәүләт хезмәткәрләре һәм чит илләрдән килгән кунаклар музейның фикерләре китабына истәлекләрен язып калдыралар.

Биредә Р.Фәхрединнең тормыш һәм ижат юлын өйрәнү, якин туганнарын барлау, фондларны тулыландыру буенча бик тирән эш алып барыла. Бүгенгесе көндә музей фондларында галимнең эшчәнлеген яктыртучы 4300 берәмлек экспонат саклана.

Шулар исәбәндә галимнең үзе исән вақытында бастырылган “Асар”, “Гаилә”, “Нәсыйхәт”, “Тәрбияле хатын”, “Мәшһүр хатыннар”, “Жәвәмигуль кәлим шәрхе”, “Шәкертлек әдәбе”, “Рихләтел-Мәржәни”, “Моталлага”, “Гакыйдә” кебек тирән эчтәлекле әсәрләре, Р.Фәхрәддиннең һәм яқыннарының кулъязма мирасы, төрле еллардагы “Шура” журналы басмалары, төп нәсхәдәге фотодокументлары һәм шәхси жиһазлары да кургәзмәләр залында үз урыннарын алдылар. Р.Фәхрәддиннен мемориаль музеең алтын бәясәндәге фондун тулыландыруга галимнең кызы Әсма Шәрәф, оныгы Арслан Шәрәф, яқын туганнары Альмира Аминова, Рәстәм һәм Фәрид Фәхрәддинновлар бик нык ярдәм иттеләр.

Музей фондларының күп өлешен Р.Фәхрәддиннең кызлары Зәйнәб Фәхрәдинова белән Әсма Шәрәф саклаган гаилә архивы документлары алып тора. Гаиләдә фотоларга һәм хатларга карата аеруча сак караш тәрбияләнгән, бәлки шуңа күрә генә бу кулъязмалар хәзерге көнгә кадәр сакланганнардыр. Р.Фәхрәддиннең тәрбия темасын яктырткан хезмәтләренә соңгы елларда кызыксыну артты. Аның балалары исемәнә гомерең соңгы елларында язылган хатлары барлығын һәм әлеге хатлар үз балаларына нәсыйхәтләр белән үреләп баруы бик кызыклы. Бар яктан камиллеккә омтылган галим буларак, Р.Фәхрәддин үзенең балаларына да камил тәрбия бирү өчен тырышкан. Гаиләдә балаларның һәрберсендә күңел дәфтәре булып, әлеге блокнотларның беренче битләре әти кешенең аерым шушы бала өчен генә язылган нәсыйхәтләр белән башланып китүе игътибарга лаек. Әсма Шәрәф блокнотының беренче битендә язылган сүзләргә тукталып үтик: “Сөекле кызым Әсмага. Гыйлем өйрән, гыйлем изгегә тартыр, гыйлем булган кешедә зиһен артыр. Үзеңгә кирәк булачак әйберләренә хасил кылсаң, кешеләргә ачык йөзлә булсаң, сүзеңгә йомшак сөйләсәң, шул вақыт син булырсың акыллы кыз, яхшы кешею Сөзгә догачы Р.Фәхрәддин”. Тәрбияви хезмәтләрендә жәмгыятьне гыйлемгә өндәгән кебек, кызының шәхси күңел дәфтәренә язылган фикер дә гыйлем өйрәнүгә багышланган. “Сөзгә догачы Р.Фәхрәддин” дигән юлларны укыгач, мондый сүзләренә бары тик балаларына тәрбия үрнәге булган аталар гына яза ала дигән уй сызылып үтә күңелдән. Балалары исемәнә язылган хатларны да бик мөгънәле “сөзгә догачы өткөгез” сүзләре белән тәмамлап дата куя торган булган. Димәк, ни генә булмасын ата кешенең балаларына даими рәвештә хәер-догада, бары тик изгелек теләп торганын бала үзе

дә төшенергә тиештер. 1930-еллар илебез тарихында нинди генә авыр еллар булса да Р.Фәхреддин Мәскәү, Казан шәһәрләрендә яшәүче балаларына, туганнарына Уфа шәһәрәннән даими рәвештә хат салып торган. 1936 елда Мәскәүгә улы Габделәхәд гаиләсе исеменә язылган хатта аны курку биләп алганлыгы ачык күренә: “.....сезгә хат яза алмауның сәбәбе – хатлар укылыр да, сезгә зарар килүдән курку булды...” Мондый эчтәлектәгә хатларны саклау үзе бер кыюлык сораган. Курку белмәс кызлар гомерләре дәвамында хатларны саклап киләчәк буын өчен олы мирас калдырганнар. Әсма Шәрәф саклаган документлар арасында номерлар белән тамгаланган жиде хат саклана. Дистәгә якин кульязма хат аша галимнәргә гаиләнең шатлыгын, кайгы-кичерешләрен күзалларга мөмкинлек туа.

Әсма Шәрәф беренче номер белән тамгаланган Зәйнәб Фәхрединова исеменә 1931 елның февраль аенда язылган хатта Р.Фәхреддин кызына аерым нәсыйхәтләр бирә: “...дөнья көтү өчен “гыйлем” генә житми, бәлки “гамәл” дә кирәк, “гамәл” булмаса, “гыйлем”нән күп хикмәт чыкмый...”. Бу сүзләрнең махсус аның өчен язылуын искәртеп “бу сүз синең хакта да булганлыктан яздым”, – дип тәмамлый. Бу вакытта Зәйнәб Фәхрединова 1929 елда Казан Дәүләт университетынның медицина факультетын тәмамлап “врач” дипломы алган югары белемле яшь белгеч буларак клиник хастаханәдә эшли башлаган була. Нинди генә тормыш авырлыклары кичергә туры килсә дә, Зәйнәб Фәхрединова үзе сайлаган һөнәргә тугры калып лаеклы ялга чыкканчы жәмгыять алдында үз вазыйфасын жиренә житкереп башкара. Билгеле булганча монда ата кешенең нәсыйхәтләре йогынты ясамыйча калмаган.

Икенче номер белән билгеләнгән хат Р.Фәхреддин белән Нуржамал абыстай исемәннән 1931 елның март аенда оныклары Йолдыз Шәрәф исеменә язылган. Эчтәлектән күренгәнчә, алты яшьлек оныгы бабасы исеменә үз кулы белән язып ачык хат юллаган булган. Аңа каршы Р.Фәхреддин болай дип яза: “...үз кулың белән язуың өчен бик шатландык. Яза белү, укый белү бик зур һөнәрдер. Хатыңны абзаларың вә туганнарың укыдылар вә бик шатландылар. Өстәл өстендә торадыр...” Сабыйны киләчәктә дә белем өстәсен өчен дәртсендереп язган хаты да тәрбия чарасы булып тора. Оныгының укый, яза белергә өйрәнүе аның өчен зур сөенеч икәнлегә ачык аңлашыла. Йолдызның сеңлесе Бәллүр 1930

елны туып, 1934 елда дүрт яше дә тулмыйча үлеп китә. Яшь гаилә олы кайгы кичерә. Түп-түгәрәк йөзле, сөйкемле сабийның бакый дөньяга күчү хәбәрен Р.Фәхреддингә улы Габдерәшит китереп житкерә. Өченче номер белән билгеләнгән 1934 елның октябрь аенда язылган хатта бу турыда тәфсилләп язылган. "...Аллаһы Тәгаләдән инде сабражан кыйлуны телимез, нечкәргән күңелемез берлә үзегезгә дә сабыр итү вә түзү берлә нәсыйхәт кыйламыз. Буласы эш булды, моңа һич чара юк. Моннан да олуг кайгылар вә хәсрәтләр булырга мөмкин. Аллаһы Тәгалә шудыйлардан сакласын...", дип кызлары Әсма белән Зәйнәбкә, кияүе Галимжанга, оныклары Йолдыз белән Арсланга сабыр итәргә нәсыйхәт кыла. "Балаларыгызның калганнары бәхетле вә тәүфыйклы, чын адәм булып житешсеннәр, үзегезгә һәм мөхтәрәм карындашларына вә яхшы бәндәләргә ярдәмче булып дөнья көтсеннәр!" дип теләкләр тели. Р.Фәхреддин аерым кызы Зәйнәб өчен 1934 елның ноябрәндә язылган дүртенче номер белән билгеләнгән хатта да артык кайгырмаска өнди. "Дөнья шулай инде. Рәхәтлектән генә тормый. Һич нәрсәдә дәвам юк, була да бетә, килә дә китә..." дип фәлсәфи фикерен белдерә. Шул ук көнне кызы Әсма белән кияүе Галимжан исеменә язылган хатта "Бер мәртәбә кайгыга батабыз, чумабыз, шул арада нинди рәвештә үзеңнең хәлеңне язып аңлатырлык, үз-үзеңә акыл бирерлек вә үзеңне юатырлык балаларымыз вә кызларымыз булган икән, моның өчен күзләребездән дәръялар агызып елап Аллаһы Тәгаләгә шөкер итсәк тә аз булыр дип куанабыз... үзебезне бәхетле бәндәләрдән саныйбыз.... Буласы эш булды, күреләсе мажара күрелде. Ахыры хәерле булсын. Үзегез һәммәгез сәламәт булып тынычлыкта бер-берегезгә ярдәмче, бер-берегезгә юаныч булып гомер сөрсәгез иде", дип ата кеше изге теләкләрен житкерә. (Тик киләчәктә бу гаиләне ни көткәнән бары тик Аллаһы Тәгалә үзе генә белгәндер. Бәллүрнең үлеме Әсма белән Галимжан Шәрәфләр гаиләсенең беренче югалтулары гына, беренче кайгылары гына булса икән?! Бу ачы хәсрәтнең артында тагын да зуррак сынаулар көтә бит әле Шәрәфләр гаиләсен.). Шушы ук хатта Зәйнәбнең яннарында булып, авыру балага тиешле тәрбия бирүе олы куаныч булуын да билгеләп үтә Р.Фәхреддин. Кызлар өчен язылган "Нәсыйхәт" китабында "...бөтен гомерегез – кызлык, хатынлык, аналык диелгән өч хәлдән гыйбарәт булганлыгы вә хасталарны карау хезмәте дә бу кешеләрнең хезмәте булганлыктан, бу хезмәтләрне игътибар белән

үтәгез!" дип белдерә. Авыру кешеләрне карау олы сабырлык вә түземлек сорый, шуңа күрә бу хезмәтне гүзәл холыклы кешеләр тиешенчә башкара ала. Балаларына язылган хатта да бу хакта тукталып фикер йөртүе аерым игътибарга лаек. Алтынчы номер белән билгеләнгән хат 1935 елның гыйнвар аенда Казанда яшәүче балалары исеменә юлланган. Ни дәрәжәдә сабыр булуны сораса да оныгы Бәллүрнең вафат булуы үзенә исәнлеген шактый какшаткан булып чыга. "Бер айдан артык буладыр, үзем күптөрле авырулар белән мәшәкәтләндем. Бу көннәрдә колакларым ишетмәүдән кала башкалары бетеп торалар", - дип үз исәнлеге турында хәбәр кыла. Жиденче номер белән тамгаланган Мәскәүдә яшәүче балалары исеменә 1936 елның февраль ахырында язылган хаттан күренгәнчә, сәламәтлеге әле дә ныгымаган. Киләчәк тормышына өметте сүнәп бара. "... ике ай кадәр вакытлардан бирле сәламәтлегем зәгыйфь. Дөньяда рәгъбәтем калмады... Сездән вә балаларымның һәммәсеннән камил дәрәжәдә ризамын, бәхилмен..." Бу хаттан соң Р.Фәхрәддиннең үз кулы белән язылган хаты сакланмаган. 1936 елның жан өшеткеч авыр еллар икәнлегенә шик юк. Ил өстендә булган үзгәрешләр дә борчу салган мөфти күчеленә. Ул вакытта какшаган сәламәтлекне ныгытырга һич кенә дә мөмкинлек булмаган. Гаилә әгъзалары арасында соңрак язылган хатлар да бу елларга ачыклык кертә алмыйлар. 1930-40 еллар арасында хатларның күп очракта тикшерү аша узганын исәптә тотып алар бер-берсе белән хәбәрләшүне дә вакытлыча туктатып торырга мәжбүр булганнар. 1950-еллар арасында бәйрәмнәр белән котлаган откырткалар бер-берсенә исән-саулыгын белгертә торган. Ә вакыт тәгәрмәче туктаусыз алга тәгәрәгән...

Ивыгина А.А.

*Елабужский институт КФУ
(Елабуга, Татарстан)*

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В ГОВОРАХ ВОЛГО-КАМЬЯ

Изучение человека в говорах представляет особый интерес для диалектологов, поскольку подобные номинации отражают живые языковые процессы народной речи и предоставляют широкое поле для их изучения в самых разнообразных языковых аспектах: лексическом, словообразовательном, грамматическом, стилистическом и т.д. Поэтому вполне закономерно, что многие современные иссле-

дования территориальных диалектов посвящены, в первую очередь, изучению лексики, характеризующей человека, поскольку она косвенно отражает систему ценностей, присущих той или иной территориально ограниченной общности. В связи с этим особый интерес для научного исследования представляет центральная тематическая группа «номинация человека», а также сами способы наименования мужчины и женщины в говорах.

Целью данной статьи является рассмотрение номинативов со значением лица женского и мужского пола с негативной коннотацией в словообразовательном и семантическом аспектах изучения.

Материалом для данной статьи послужила картотека лексем, извлеченная методом сплошной выборки из «Словаря русских говоров Волжско-Свияжского междуречья» М.Ф. Моисеенко.

Одним из существенных моментов при изучении дериватов со значением лица как морфемным, так и семантическим способом, в языке отдельно взятого говора, становится выявление отношения, выражаемого субъектом по отношению к называемому объекту средствами языка. В соответствии с данным обстоятельством субъект соотносит явление действительности с прошлым опытом, нормами, которые приняты в данном обществе. В результате такого осмысления явления и предметы, оцениваемые положительно, получают в речи носителей языка положительную коннотацию, в свою очередь явления и предметы, оцениваемые негативно – отрицательную.

Основой для образования номинативов женского и мужского рода с негативной оценкой послужили следующие качества человека, воспринимаемые носителями диалекта, проживающими на территории Казанского Поволжья, как отрицательные: *сварливость, склонность к ссорам: бахалка, брызга, ругательник и ругательница; неумение хранить секреты, тайны: бахолда, барма, бормотун и бормотуха, долготязычник и долготязычница, подхвостник, подхвостница; неумение вести домашнее хозяйство: бездомовец, бездомовка, неубериха; лень: блудня, неделовка, обой; неопрятность, нечистоплотность: висляй, висляиха, гуня, разгильдяй и разгильдяиха; медлительность, нерасторопность: вялун, вялуха, пыхтун, пыхтунья; высокомерие: зазнаиха, зазнайщик, ужима; неразговорчивость: мистрюк; назойливость: надоедник, надоедница, назола, наян; обидчивость: недотыга (недотыка); воровство: огородник, росомаха; плаксивость: плакус и плакуска; хитрость, двуличность: промзеля; непослушание: против-*

ник, противница; никчемность: пусташка, рвань; эгоистичность: самолюб, самолюбка; неискренность, лживость: сбрѣх, сбрѣха; невежественность: хайдук, хайдучка, халда.

Приведенные языковые единицы позволяют прийти к выводу о том, что носители данного диалекта наделяют человека отрицательными качествами, исходя из его отношения к работе, к другим людям в обществе, а также с точки зрения оценки его моральных качеств и поведения в социуме. Общее число таких лексем в «Словаре русских говоров Волжско-Свияжского междуречья», с учетом их разделения по половому признаку, а также по наличию синонимических вариантов и вариантов фонетических – 87, лексем, образованных суффиксальным способом – 49.

С точки зрения способа словопроизводства существительные можно распределить по двум группам, принимая во внимание, какой именно суффикс участвует в образовании деривата и обладает ли он семантической значимостью.

Исходя из этого, все суффиксы, участвующие в образовании дериватов со значением лица, можно разделить на 2 группы: 1. нейтральные (денотативные) суффиксы, 2. суффиксы, специализированные на производстве экспрессивной лексики [1, с.17-18]. Для имен существительных первой группы характерной особенностью является то, что «эмоционально-экспрессивная окраска их не связана с особенностями структуры, а целиком зависима от характера основ» [1, с.18], т.е. основа, от которой образуется дериват, изначально присуще нейтральное значение.

К данной группе относятся имена существительные мужского рода, образованные от основы имени существительного или глагола с использованием суффиксов -ец-, -ник-, -щик-, -ишк-, -ус-, -ун-: бездомовец, долгоязычник, огородник, плакус, пыхтун, вялун.

К этой же группе примыкают соотносимые с ними существительные женского рода, образованные при помощи суффиксов -к-, -н-, -щиц-, -иц-, -ц-, -ушк-, -ун-, -ниц-, -ј-, -ух-, например: плакуска, пыхтун, пыхтунья, вялуха.

Для слов, входящих во вторую группу, важнейшим признаком является то, что «...суффикс подчеркивает лишь высокую степень признака, чрезмерную склонность к чему-либо, что само по себе является истоком экспрессивности» [1, с.18], т.е. в основе, от которой образовался дериват уже изначально заложена отрицательная семантика,

тогда как суффикс только усиливает, передаваемое ею значение. Заметим, что этот же суффикс, присоединяемый к основе с изначально положительной семантикой, способен подчеркнуть высокую степень положительного качества субъекта. Данную особенность можно проследить на примере слов *блюди́ха* и *неубери́ха*. В обоих случаях наблюдается образование слов с помощью суффиксов *-их(а)*. Однако слово *блюди́ха* имеет значение «экономная, бережливая хозяйка», а *неубери́ха* – «женщина, у которой беспорядок в доме». Ко второй группе примыкают существительные мужского рода, образованные с помощью суффиксов *-ун-, -ук-, -ник-*: *хвастун, хайдук, надоедник*.

Данную группу пополняют также парные существительные женского рода с суффиксами *-ух-, -к-, -их-, -ниц-*: *неуберуха, хайдучка, хвастунка, разгильдяиха, надоедница*.

Подвергнув анализу все имена существительные с отрицательной коннотацией, образованные суффиксальным способом, мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, имена существительные со значением лица, имеющие отрицательную оценку, достаточно широко представлены в русском говоре Волжско-Свияжского междуречья. Для сравнения заметим, что лексем с положительной коннотацией насчитывается 9, тогда как с отрицательной – 87. И большее количество слов образовано именно морфологическим суффиксальным способом.

Во-вторых, наибольшее количество таких существительных относится к первой словообразовательной модели, основы которой в своей сущности нейтральны, а отрицательная семантика проявляется лишь в случае наличия в основе суффикса. Наиболее продуктивными для данной группы являются модели с суффиксами *-ец-, -ник-* для существительных мужского рода и *-к-, -ниц-* для существительных женского рода. Вторая группа представлена, в том числе, и диалектными суффиксами *-ун-, -ук-, -ух-, -их-*. Однако существительные с данными суффиксами представлены лишь единичными моделями: *-ун-* (2 единицы), *-ук-* (1 единица), *-ух-* (1 единица), *-их-* (3 единицы). Поэтому, на наш взгляд, здесь не представляется возможным выделение наиболее продуктивных словообразовательных моделей.

В-третьих, необходимо отметить и то, что довольно часто существительные мужского рода с отрицательной коннотацией имеют соотносительные пары с существительными женского рода. К ним относятся, например, такие, как: *бездомовец – бездомовка, бормо-*

тун – бормотуха, висляй – висляиха, вялун – вялуха, долготязычник – долготязычница и др. И, как правило, существительные, относящиеся к женскому роду, образуются от основы существительных мужского рода. Однако встречаются слова только женского и отсутствуют пары рода мужского. Таких лексем в «Словаре Волжско-Свияжского междуречья» 6: *неделовка* («лентяйка; женщина или девушка, не умеющая вести домашнее хозяйство»), *неубери́ха* («женщина, у которой беспорядок в доме»), *поганка* («нечистоплотная женщина»), *родиха* («та, которая родила до замужества»), *бахалка или хабалка* («озорница, острая на язык, сварливая женщина»). Наряду с ними существуют и лексемы мужского рода, не имеющие соотносительных пар женского рода. К ним относятся слова: *огородник* («человек, обворывающий чужие огороды»), *матерщинник*, *поматерщинник* и *поругательник* («тот, кто ругается матом»).

Данные лексемы позволяют прийти к выводу о том, что в сознании носителей говора существует четкая грань между отрицательными качествами, присущими только женщине или только мужчине. И они складываются на основе отношения женщины к ведению домашнего хозяйства и обереганию своей чести. В основу отрицательных качеств, присущим только мужчинам, взяты нравственные и моральные характеристики, одобряемые или порицаемые обществом.

Литература

1. Кашевская Ю.И. Оценочные субстантивные и адъективные наименования лиц в говоре села Кабанск (Восточное Прибайкалье): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1971. – 22 с.
 2. Моисеенко М.Ф. Словарь русских говоров Волжско-Свияжского междуречья. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 158 с.
-

Замалеева Г.Н.

*милли мәсьәлэләр буенча директор урынбасары,
Әлмәт шәһәре 1нче гомуми урта белем биру мәктәбе
(Альметьевск, Татарстан)*

ТАТАРСТАН - БӘХЕТ ЖЫРЫМ СИН!

*Күкрәгеңнән кара алтын аккан,
Илгә жырлар биргән урын син.
Беркая да китмим туган яктан,
Татарстан – бәхет жырым син!*

Клара Булатова

«Әлмәт ягы жырга, моңга, югары һөнәри дәрәжәдәге шагыйрьләр-гә, жырчы- композиторларга бай төбәк. Безнең мәкаләбез шәһәр-безнең йөзек кашы булган шагыйрәбез – Клара Гариф кызы Булато-вага багышлана.

1965 – 1969 елларда Клара Булатова В. И. Ульянов-Ленин исемен-дәге Казан дәүләт университетының татар теле һәм әдәбияты бүле-гендә укый. Уку белән бергә ижат эшен дә дәвам иттерә: 1965 елда аның шигъри бәйләме «Дуслык» исемле күмәк җыентыкта басылып чыга. Шагыйрәнең исеме тәнкыйтьтә жылы сүз белән телгә алына башлый. 1967 елда «Язлар алда» исемле мөстәкыйль китабы – ли-рик шигърьләр җыентыгы дөнья күрә. Университетны тәмамлаганнан соң Клара Булатова Әлмәт районының Яңа Кәшер урта мәктәбенә тел әдәбият укытучысы булып китә. Тәҗрибәле укытучы буларак, 1978 елда аңа РСФСР Мәгариф министрлыгы тарафыннан «Укы-тучы-методист» дигән мактаулы исем бирелә. Җитмешенче елларда шагыйрә тагын берничә шигърь җыентыгы чыгара. Аның бер бәйләм шигърьләре русчага тәржемә ителеп, Мәскәүдә «Детская литера-тура» нәшриятында чыккан «Песня, мечта и любовь» («Жыр, хыял һәм мөхәббәт») исемле күмәк җыентыкка да кертелгән. Шагыйрәнең егерме елдан артык ижат эшчәнлеген чагылдырган шигърьләре 1981 елда Татарстан китап нәшриятында дөнья күргән «Гел кояшка карап» исемле күләмле китабында урын алган.

«Клара Булатова – 1970 елдан СССР Язучылар союзы члены», дип берсен-берсе уздырып, мәктәп сәхнәсендә чыгыш ясый укучыла-рым. Укучыларның чыгышларын игътибар белән һәм гаять дәрәжәдә дулкынланып тыңлап утырган Клара ападан күземне алалмыйм. Әле кичә генә Клара апа белән якиннан танышкан идек кебек. Баксаң 30 ел тулып килә икән. 1985 ел, Клара апа җитәкчелегендә уздырыла

торган шигърият бэйрәмнәренәң берсендә, Әлмәт шәһәренәң Горький исемендәге клубында, шагыйрәнәң яттан укыган шигырьләрен тыңлау бәхетенә ирештем. Моңа кадәр китаплардан гына укып белгән шигырьләренә шагыйрәнәң үзенә генә хас аһәң белән сөйләгәнән шундый ук дулкынлану белән тыңлаган идем. Аллаһы Тәгаләгә рәхмәтем чиксез. Шул көннән алып Клара Булатова исеMLE якты Йолдыз шигърият күгендә яңа балкыш белән балкыды. Аның катнашында һәм ул үткәргән кичәләргә кешеләр бөтен дөньяларын онытып, гаиләләре белән бергәләп йөреләр иде. Олысы да, кечесе дә мәкиббән китеп, таң калып тыңлап, хисләнәп, моңланып утыра. Заллар шыгрым тулы, гөрләтеп кул чабулар, кат-кат сорап сәхнәгә чыгарулар. Бу, әлбәттә, бүген дә шулай. Бернәрсә дә үзгәрмәгән, без генә берәз үскәнбездә, әзерәк олыгаеп барабыз, бугай. Ә Клара апаның ижаты тагын да салллыланып, көчәеп, халыкның ихтирамын казанган. Ижатын яратып, зурлап Габдулла Тукай исемендәге Дәүләт бүлөгәнә берничә ел рәттән тәкъдим итәләр икән, бу инде моның ачык мисалы. 50дән артык китап авторы, халкым тормышын яктырткан ижат жимешләре: шигырьләр, поэмалар һәм проза әсәрләре язган шагыйрә – укытучы моңа лаек.

Ижатына кечкенә генә күзәтү ясыим: туган илгә, жиргә, кешеләргә булган мәхәббәт, сөйгәнәнә, хезмәтенә тугрылык, намус белән яшәү, кешеләргә ярдәмчел булу һәм игелеклелек эшләү, туры сүзлелек. Бу сыйфатлар шагыйрәнәң геройларына гына түгел, үзенә дә хас. Әйткән сүзендә тору, килешкәнчә һәм һәр эшне үз вакытында эшләү, киләчәк буын алдында жаваплылык тоеп яшәү – аның тормыш принцибы. Укучыларын да шуңа өнди, өндәп кенә дә калмый, аларны тәрбияли, үстерә. Әйе, бүгенгә көндә Рафаэль Төхфәтуллин, Сажидә Сөләймәнова исемендәге әдәби премияләр иясе, Татарстанның атказанган мәдәният хезмәткәре (һәм атказанган мәгариф хезмәткәре дисәк тө дәрәс була) Клара Гариф кызы Булатова ижатын балалар да, яшьләр дә, олылар да яратып укый, яттан өйрәнә, шигырьләренә көйләр яза. һәм үзләре дә ижатка тартыла.

Уйлап, барлап, санап утырам да: исцитмәле ич, Клара Булатова белән очрашмаган балалар бакчалары, мәктәпләр, мәдәният йортлары, техникум, институт студентлары, укытучылар коллективы, язгы чөчү һәм көзгә урып-жыю чорларында авыл хезмәтчәннәре калмагандыр, мөгаен. Әле, Әлмәт районы гына түгел, күрше Сарман, Азнакай, Зәй, Лениногорск, Яр Чаллы, Түбән Кама районнары да керә. Чөнки, кайда гына таралмаган, Клара апа күңелләренә ижат очкыны

салган укучылары. Хэзер инде шул укучыларның оныклары белән очрашуларга чакырып алалар, чиратка язылып, алдан хэбэрлэшеп көтеп торалар.

«Кызыл каурыйлар»ны оештырып, никадәр яшь иҗатчыларга канат ярдырып, аларны ныгытучы да. Мәктәпләрдә укучыларга мәгърифәт нуры чөчеп лаеклы ялга чыккач, шәһәрбездә ачылган муниципаль институтта тел һәм әдәбият укытучыларының мөгаллимәсә дә. Үзе ачкан «Жомга» тапшыруының ун ел дәвамында режиссеры да, алып баручысы да, монтажлаучысы да, оештыручысы да (сәләтле балаларны, талантлы шәхесләрне, әбиләрне, бәбиләрне, гади хезмәтченнәрне, үз эшен яратып башкаручыларны телевизор экраны аша халыкка чыгаручы). Шәһәрбездә татар телендә алып барылган телевизион тапшыруларның иң беренчесе ул, ә Клара Гариф кызы Булатова дәүләт телебезне саклау һәм хаклау үрнәге.

Мәдәният, мәгариф өлкәсендә үткәрелгән чаралар берсе дә Клара ападан башка узмый, берәр җитди сәбәп белән булалмаса, аны бар да юксына. Ел әйләнәсендә иҗат кешеләре белән очрашуларда, бәйгеләрдә, фәнни-гамәли конференцияләрдә – һәркайда кадерле кунак һәм актив катнашучы, яраткан шагыйрәбез Клара Булатова. Чын мәгънәсендә халык шагыйре, нинди генә милләт вәкиле булмасын, бар да аны якын итә, иҗатына хөрмәт белән баш ия.

Халкым гәме җыр булып,

Телемә күчкән җирем син,

ТАТАРСТАН! (Клара Булатова)

Соңгы бишьеллыкта елына икешәр китап бастырып чыгарган “Чичән” шагыйрәбезнең шигырьләрендә ватанпәрвәрлек тагын да көчле, җитлегеп яңгырый:

...

Татар иле!

Балаларың бүген

Тугрылыкта сиңа ант итә.

Безнең рухта бүген яшәп килә

Сөембикә атлы ханбикә. (“Сөембикә” шигырендә).

25 ел шәһәрдән авылга, 35 елдан артык авылдан шәһәргә йөрәп укыткан мөгаллимә – шагыйрә иҗатында туган телгә, илгә, халкына булган мөхәббәт таң калырлык:

... Ялгышмыйм, хезмәт юлымда

Туган тел терәк дисәм:

Тел яшәсә – милләт исән,

Милләт сауда – тел исән! (“Бишек жыры гына түгел” шигыре)

Кан кардәшләрәбез керәшеннәрне зурлап, балачакта кичергән хатирәләрне саклап, аларга рәхмәт юллап язылган ижаты жыр булып күңелләргә уела, күз яшьләрен керфекләргә элө:

...Сугыштан соңгы елларда,

Ачлы-туклы чорларда,

Кеше жаны жылылыгын

Күпме жыйдым мин анда.

...Матур бәйрәм булып тусын

Һәр таң аткан көннәре.

Бәйрәмнәрдә бәйгә тотсын

Үз керәшен көйләре:

“Ләкеләрдә жиде күпер,

Күпер саен бәкеләр”...

Үзе үстергән шагыйрәсен

Хәтерлиме Ләкеләр?

Ә мин, кайчан күзем йомылып,

Бу тәнем гүргә иңәр –

Шунда гына, бәлки, сезне

Оныта алырмын, Ләкеләр! (“Ләкелеләргә” шигыре).

Якташыбыз Гәрәй Рәхим “Келәү” китабына язган кереш сүзендә шагыйрә ижатына бик дәрәс һәм төгәл бәя бирә: “Мин Клара Булатованың бу китапка тупланган әсәрләрен халкыбызга, тормышка, яшәешкә изге теләкләре дип кабул иттем. Шагыйрә үзенең халыкчан, үзенчәлекле, кешелекле шигырьләре, керәшеннәр тормышына багышланган повесте белән якты дөньяга, дус-ишләренә изге теләк тели – келәү итә!...”

Мин халыкның бәйрәмнәрен барлыйм:

Керәшеннәрдә жыен-бәйгеләр,

Асылына төшсәң, эш-хезмәткә,

Табигатькә, жиргә бәйлиләр. (“Бәйрәмнәрен барлыйм” шигыре)

“Сәяхәтнамәләр” китабындагы шигырьләре дә туган якны сагыну, горурлану хисләре белән сугарылган:

...Ә туган як – ул диңгезсез иде,

Кыр – басулар диңгездәй киң иде,

Кайда гына йөрмик, шул якларда

Сагынуыбыз диңгезгә тиң иде.

Диңгездә гөжпи акчарлаklar,

Бездә гөрли энә күгәрченнәр.

*Акчарлаклар күчкән жирдәгеләр
Безнең яктан әле көнләшерләр. (“Безнең яктан әле көнләшерләр”
шигыре)*

Туган ягында, үз илендә бәхет тапкан шагыйрә – халкымның чая, батыр кызы үз фикерен “Башта бер көй йәри” шигырендә ачык итеп, өзеп әйтә:

*Көнне төнгә ялгый – ялгый эшләдек без,
Арганда да зарлануны белмәдек.
Туган илне ташлап чыгып китмәдек без,
Җиңел яшәү юлы эзләп йөрмәдек.
Күңелләрдә чиста дуслык хисе иде,
Беркемгә дә беркем ташлар атмады.
Бер байракка табынулар көчле иде,
Бер аяктан бер жыр белән атладык.
Нигә бүген бөтенесен җимерергә?
Ник таптарга бар тарихын буынның?
Безнең буын – гадел хезмәт иткән буын –
Ышаналмый хаклыгына бу юлның.
Бар тарихның астын өскә китерүдән
Ни алырбыз, ни табарбыз, илдәшләр?
Айнымасак дөррәү кубып бәрелүләрдән,
Иминлекне күктән төшеп бирмәсләр...*

Әлеге шигырь юллары көн үзәгендә торган мәсьәләләргә аваздаш һәм барыбызны да яхшыдан үрнәк, яманнан гыйбрәт алып яшәргә чакыра.

*“Кабатла – белемнең анасы” –
Күптәннән галимнәр телендә.
Кешелек!
Кабатла, кабатла
Үзең кирәген бүген дә!
Яз көне чөчүне кабатла,
Кабатла көз уңыш жыюны,
Тик, зинһар кабатлап яңартма
Сугышны –*

Җирдә кан коюны. (“Кабатлап яңартма Сугышны” шигыре)

Сугыш чоры баласының, ир хатыны, әни, әби кешенең жан авазы бу! Кешеләр ишетик, аң булуйк, ут – күз белән сак булуйк.

Әдәбият

1. Булатова К. Гел кояшка карап. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1981.
2. Булатова К. Хәтер тәрәзәләре. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1989.
3. Булатова К. Миләш кагы. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1991.
4. Булатова К. Келәү. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2011.
5. Булатова К. Сәяхәтнамәләр. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2013.
6. Булатова К. Күрдәңме син. – Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2014.

Зеленина Т.И., Аулина М.В.

*Удмуртский университет
(Ижевск, Удмуртия)*

АЛФАВИТ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

В данной статье мы рассмотрим становление алфавита в истории азербайджанского языка. Находясь на стыке Европы и Азии, Азербайджан всегда занимал важное геополитическое положение, окруженный тремя государственными образованиями – Россией, Турцией и Ираном. В ходе истории Азербайджан поочередно являлся объектом экспансии каждого из них. И как результат такая экспансия не прошла бесследно для азербайджанского языка.

Каждый из языков этих трех стран внес свою лепту в азербайджанский язык, в основном в его словарный состав и грамматику. (Естественно, что влияние на язык общества повлекло за собой и некоторые изменения в культурной жизни общества.) Однако, если языки Турции и Ирана, существенно пополнившие словарный состав азербайджанского языка, имеют много общего и связаны многовековой историей с Азербайджаном, то русский язык не похож на азербайджанский и принадлежит к другой языковой группе. Тем не менее, русский язык оказал определенное влияние на азербайджанский язык, а через язык – на уровень культуры и развития общества. Развитие азербайджанского языка обусловлено его происхожде-

нием. Известно, что историю языка невозможно рассматривать в отрыве от истории самого народа, говорящего на этом языке. В целом становление азербайджанского языка как такового относится к XII в. В развитии литературного азербайджанского языка исследователи выделяют четыре основных периода:

1) XI–XIII по XVI вв. – характеризуется началом развития староазербайджанского языка, когда литература создавалась также на персидском языке, а азербайджанский язык был насыщен арабскими и персидскими словами;

2) XVI по XIX вв. – развитие староазербайджанского языка, но уже освобождающегося от влияния персидского языка и приближающегося к нормам народного языка;

3) со 2-й половины XIX в. до Октябрьской революции – литературный язык сближается с народным;

4) после распада Российской империи в 1917 г. и возникновения в 1918 г. первой независимой Азербайджанской Республики, когда азербайджанский язык был объявлен государственным в Постановлении Совета министров Азербайджанской Республики: «Государственным языком признать тюркский язык, впредь до наступления момента, когда можно будет все судебные, административные и прочие должности заместить лицами, грамотными на этом языке, допустить в правительственных учреждениях употребление и русского языка [6].

С этого момента было начато преподавание, в том числе истории страны на родном языке в университете и школах, стали издаваться учебники либо их привозили из Турции. Об этом свидетельствует Постановление Совета министров Азербайджанской Республики о национализации низших и высших начальных школ, а также средних учебных заведений [7].

После распространения исламской религии в течение приблизительно одного тысячелетия на территории Азербайджана использовались исключительно арабская письменность и арабский алфавит, вплоть до 1918 г.

Хотя арабская графика и способствовала становлению культурных связей между различными народами, но она не отражала особенности азербайджанского языка, формирование ясных представлений о его структуре и характере. Все это привело к проблеме реформирования азербайджанского алфавита и письменности.

Возможность внесения целенаправленных изменений в алфавит и письменность азербайджанского языка появилась лишь в 1920-х гг. В 1919 г. была создана при Министерстве просвещения Азербайджанской Республики специальная комиссия по разработке нового алфавита. Был одобрен и опубликован проект А.Эфиндизаде, направленный на латинизацию. Но его реализации помешала Гражданская война.

Провозглашение Азербайджанской Советской Социалистической республики способствовало тому, что вопрос о латинизации азербайджанской письменности вновь стал актуальным. После долгих дискуссий в 1922 г. новый алфавит был утвержден, а в 1925 г. он был введен в официальное употребление параллельно с арабским.

Начиная с 1926 г. вновь начинаются дискуссии об усовершенствовании нового алфавита. Большую роль в этом сыграл первый Всесоюзный съезд тюркологов, проходивший в Баку с 26 февраля по 5 марта. В 1928 г. ЦИК Азербайджана и Правительство республики приняли решение о принудительном переходе к применению нового алфавита. В частности, всем народам было рекомендовано изучить опыт Азербайджана для возможного проведения у себя подобной реформы. В результате с 1 января 1929 г. арабская графика была заменена латиницей [9] – так называемым яналифом на основе латиницы, существенно отличавшейся от современной. Таким образом, Азербайджан первым из союзных республик отказался от арабской письменности. Однако это не решало многих проблем и стало причиной многочисленных споров и обсуждений. В результате чего в течение только последующего десятилетия в алфавит вносились изменения трижды.

В итоге 15 ноября 1939 г. был утвержден новый алфавит на основе кириллицы. В период с 1940 по 1991 гг. использовались два варианта кириллицы: первый (принятый по личному указанию И.В. Сталина) с 1939 по 1958 гг.; и второй – с 1958 (связанный с процессом так называемой дестанилизации) по 1991 г. В последний вариант алфавита были введены новые буквы, что делало его более соответствующим азербайджанскому языку [3, с. 84].

После того, как Россия восстановила свою власть в Азербайджанской Республике в 1920 г., параллельно с процессами изменения азербайджанской письменности, начался процесс русификации населения. (Уже второй этап. Первый имел место во времена царской

России). В советские времена русский язык являлся родным для более чем 150 тысяч граждан Азербайджана, в большинстве своём – этнических русских, а также русскоговорящих азербайджанцев, лезгин, аварцев, украинцев, евреев и др. На 1994 год на русском языке в качестве второго языка свободно говорило 38 % жителей Азербайджана [8, с. 103].

В период СССР в Азербайджане был один государственный язык – азербайджанский [1, с.175–177], а русский, согласно Конституции СССР (1978 г.), имел официально статус «языка межнационального общения». Фактически он был вторым государственным языком. Существовали сектора с азербайджанским и русским языками обучения. До 20–30-х гг. XX в. вместо современного термина «азербайджанский язык» употреблялся термин «тюрко-татарский язык» [5]. В 1936 г., после закрепления этнонима «азербайджанцы», термин «тюрко-татарский» был официально заменен на употреблявшийся различными авторами с середины XIX в. (в разных фонетических вариантах) «азербайджанский язык» [2, с.126]. Азербайджанский язык был объявлен государственным, и юридически не имелось преград для развития языка и национальной культуры. В реальности в советский период сфера использования государственного языка в республике была ограниченной, а в некоторых областях его роль была практически сведена к нулю. В частности, делопроизводство в органах высшей государственной власти и местного самоуправления, в бюджетных, общественных организациях и профсоюзах велось в основном на русском языке, что было связано с ролью русского языка как государственного в СССР. Соответственно, хорошее знание русского языка во многом являлось не только престижным, но и определяющим для будущей карьеры человека. Речь шла о политике русификации, которая оказывала влияние на многие стороны жизни нерусского населения республики и приводила к росту так называемых «русскоязычных» граждан.

Возвращаясь к теме преобразований азербайджанской письменности в советские времена, следует отметить ее положительные и отрицательные черты. Переход на кириллицу имел определенное преимущество. Это давало возможность русскоязычному населению быстрее осваивать азербайджанский язык, так как расхождения в алфавите сводились лишь к небольшому количеству букв, которые отсутствовали в русском алфавите, но были необходимы в азербайдж-

жанском. Поскольку кириллица не обладала подобными буквами, то были внесены ряд букв, не существующих в кириллице. Но это не решило проблем передачи звукового облика слов азербайджанского языка. В то же время переход на кириллицу упрощал процесс обучения русскому языку азербайджанцев.

Таким образом, языковая ситуация в Азербайджанской ССР складывалась следующим образом: государственным языком был азербайджанский, однако ведущим популярным языком являлся русский, на котором велось в основном все делопроизводство. Распространение языков национальных меньшинств ограничивалось зонами их компактного проживания.

Языковая ситуация в Азербайджане, связанная с распадом СССР, начинает стремительно меняться. Отношения с Евросоюзом и США стали носить приоритетный характер. После принятия конституции Азербайджанской Республики в современной истории Азербайджана наступил новый период: азербайджанский язык получил статус единственного официального языка независимого государства. В республике с самого начала развернулись дискуссии о необходимости изменения алфавита и принятия закона о языке. 25 декабря 1991 г. парламент страны принял закон «О восстановлении азербайджанского алфавита на основе латинской графики». При этом закон устанавливал двухгодичный период для поэтапного внедрения нового алфавита [9]. Однако стало ясно, что это нереально. С одной стороны, в Азербайджане выросло поколение, привыкшее к кириллице и им, представителям старшего поколения, крайне сложно было адаптироваться и принять новый алфавит. С другой, требовались многомиллионные средства для замены полиграфического оборудования, перевода основного книжного фонда на латиницу и, главное, обучению населения новому алфавиту. Процесс перехода на латиницу в Азербайджане затянулся и занял 10 лет. Окончательная точка в этом вопросе была поставлена указом президента Азербайджана Гейдара Алиева от 18 июня 2001 г., который обязывал до 1 августа 2001 г. «обеспечить перевод на латинскую графику производство всех издаваемых в стране на азербайджанском языке газет, журналов, бюллетеней, книг и другой печатной продукции, а также перевод делопроизводства на латинскую графику в центральных и местных органах власти». Указом президента республики от 9 августа 2001 г. был учреждён «День азербайджанского алфавита и языка». Данный

Указ законодательно оформил следующую модель: 1) азербайджанский язык – один из тюркских языков; 2) азербайджанский народ – один из тюркских народов. После этого начались серьезные изменения и на сегодня азербайджанский язык играет доминирующую роль в республике. В 2002 г. появился закон «О государственном языке Азербайджанской Республики», согласно которому всё делопроизводство должно вестись на азербайджанском языке [4].

Итак, в истории письменности азербайджанского языка использовались разные варианты алфавитов: 1) арабский (XI в. по 1925 г.); 2) латиница параллельно с арабским (1925-1928 гг.); 3) латиница (1929-1939 гг.); 4) кириллица (1940-1991 гг.); 5) кириллица параллельно с латиницей (1991-2001 гг.); 6) переход от кириллицы на латинский алфавит (с 2002 г.).

Таким образом, анализ алфавита азербайджанского языка в диакронии свидетельствует об отражении языковой ситуации в Азербайджане в тот или иной период его истории.

Литература

1. Гасанлы Дж.П., Хрущевская «оттепель» и национальный вопрос в Азербайджане (1954–1959). – М.: Флинта, 2009.
2. Гусейнов А. Азербайджано-русские отношения XV–XVII веков. Глава 3: Торгово-экономические и дипломатические отношения Азербайджана с Русским государством в XVI в. / Академия наук Азербайджанской ССР. Музей Истории Азербайджана. – Баку: Изд-во Академии Наук Азербайджана, 1963. – 165 с.
3. Джафаров С. Современный Азербайджанский язык. – Ч. 2. – Баку: Изд-во «Шарг-Гарб», 2007. – 192 с.
4. Закон Азербайджанской Республики «О государственном языке в Азербайджанской Республике» (от 30 сентября 2002 года, № 5247).
5. Мурадалиев С. Еще раз о национальной идее // Зеркало: газета. 13–14 августа 2009.
6. Постановление, 27 июня 1918 – Постановление Совета Министров Азербайджанской Республики о признании тюркского языка государственным и временном допущении в правительственных учреждениях употребления русского языка (27 августа 1918 г.)
7. Постановление, 28 августа 1918 – Постановление Совета ми-

нистров Азербайджанской Республики о национализации низших и высших начальных школ, а также средних учебных заведений (28 августа 1918 г.).

8. Сюни, Рональд и др. «Армения, Азербайджан и Грузия». DIANE Publishing, 1996.

9. Языковая политика в сфере образования и национальные меньшинства Азербайджана, 2014. – Режим доступа: URL:azeridil.ru/jazykovaja-politika-v-sfere-obrazovaniya-i-natsionalnye-menshinstva-azerbajdzhana

Камаева Р.Б.

*Казан федераль университетының Алабуга институты
(Елабуга, Татарстан)*

**ФРАЗЕОЛОГИЗМНАРНЫ РУСЧАГА ТӘРЖЕМӘ ИТҮ
ҮЗЕНЧӘЛЕКЛӘРЕ (Н.ФӘТТАХНЫҢ
“ИТЕЛ СУЫ АКА ТОРУР”
 (“ИТИЛЬ-РЕКА ТЕЧЕТ”) РОМАНЫ БУЕНЧА)**

Һәр телнең фразеологик системасы күләмле һәм катлаулы була. Тотрыклы әйтелмәләр мәгънәләре, образлары, төзелеше, сәнгатьлелек-сурәтлелек чаралары буенча күптөрле. Аларның бер телдән икенче телгә күчү мөмкинлекләре дә бертөрле генә түгел. Тикшеренүләрдән күренгәнчә, кайберләрен, мәгънәләрен дә сәнгатьлелек сыйфатларын да тулысынча саклап, икенче телгә күчереп була. Кайберләренең исә тәржемә иткәндә мәгънәләре бирелә, сурәтлелек бизәкләре югала. Ә кайбер фразеологизмнарга икенче телдә бердәй күчәрелмә мәгънә белдерә торган образлы-сурәтле тәңгәллек тә табып булмый. Бу аның күпмәгънәлелеге һәм составында теге яки бу халыкның үз тормыш-көнчүрешен чагылдыра торган специфик сүзләрнең саклануы, борынгы грамматик формаларның яшәп килүе белән бәйле. Шулай да тәржемәчеләр, төрле чаралар кулланып, әйтелмәләрне төрле ысуллар, төрле юллар белән тәржемә итеп, әсәренең шулай ук эмоциональ яңгырашлы булып калуына ирешәләр.

Тәржемәче образларны, вакыйгаларны, күренешләрне, фикерләрне укучыга икенче бер телдә җиткерү өчен телнең барлык чараларыннан: сүзләрдән, сүзтөзмәләрдән, төрле әйтелмәләрдән һәм грамматик формалардан файдалана. Иң мөһиме шул: әдип аларны дәрәс, төгәл, тулы һәм оригиналга мөмкин кадәр якын булырлык итеп тәржемә итәргә тиеш.

Бу мәкаләдә без язучы Н. Фәттаһның “Ител суы ага торур” романының русчага тәржемәсендә (“Итиль-река течет”, М. Зарипов тәржемәсе) компоненты “йөрәк” лексемасы булган фразеологизмнарны тәржемә итү ысулларын ачыклауны максат итеп куйдык. Язучының “Ител суы ага торур” романында “йөрәк” лексемасы булган фразеологизмнар аерым бер әһәмияткә ия. “Йөрәк” сүзе әдәби әсәрләрдә образ-символ буларак кулланыла. Бу сүз ярдәмендә бик күп фразеологизмнар ясалган. Мәсәлән: йөрәк ачыну, йөрәк телгәләнү, йөрәк әрнү, йөрәк өзелү, йөрәккә кан саву, йөрәккә боз булып утыру, йөрәккә төшү, йөрәк туктап калу һәм башкалар. Язучы Н. Фәттаһ “Ител суы ага торур” романында “йөрәк” лексемасы булган фразеологизмнарны еш кулланган. Бигрәк тә автор аларны геройларның эчке хис-кичерешләрен чагылдырганда уңышлы файдаланган. Бу фразеологизмнар тәржемәче тарафыннан төрле юллар белән бирелгән.

1. Калькалаштыру. Бу очракта фразеологизм составына кергән сүзләр төп номинатив мәгънәдәге тәңгәллекләре белән күчәрелә һәм оригиналның мәгънәсе, образлылыгы тулысынча саклана: йөрәк суга башлый – начинает колотить сердце, йөрәк түрәннән чыккан бер өн белән – голосом, который казалось, шел из глубины ее сердца, йөрәкне учка йомарлап утыру – сидеть зажав в кулаке сердце, йөрәкләре туктап калгандай булды – перестали биться сердца, йөрәгем урынында түгел – сердце не на месте.

Күрән би яшь чакларындагы шикелле озак карый алмавына, башы әйләнүенә, йөрәге сугуына эче пошып, көрсенеп куйды [1, б.14]. Предводитель с сожалением подумал о том, что уже не молод, в глазах нет прежней зоркости и стоит чуть лишнего понаблюдать за горизонтом, как не хватает дыхания, начинает колотить сердце, кружится голова [2, с.13]. Углым! – диде ул, йөрәк түрәннән чыккан бер өн белән [1,б.93]. – Сын мой! – произнесла она голосом, который казалось, шел из глубины ее сердца. Тынны кысып, йөрәкне учка йомарлап утыру шактый озакка сузылды [1, б.119]. Молчание затянулось, сидеть зажав в кулаке сердце и волю, было трудно [2, с.118].

2. Ярымкалька юлы белән тәржемә итү. Ярымкалькалаштырылганда фразеологизмның бер компоненты гына калькалаштырыла, ягъни беренче тел фразеологизмы компонентларының тотрыклы әйтелмәне төзүдә иң әһәмиятле роль уйнаганнары икенче телгә күбесенчә төп тәңгәллекләре белән бирелә, калган сүзләре үзгәртелә. Бу очракта кайбер сүзләр төшереп калдырыла, чыганак тел әйтелмәсен-

дә булмаган кайбер сүзләр өстәлә. Мондый үзгәреш нәтижәсендә төзелгән фразеологизмның күчәрелмә мәгънәсе чыганак телдәге белән бертөрле була. Бер тел әйләнмәсен икенче телгә болай үзгәртеп күчәргәндә тәржемәчеләр оригиналның мәгънәсе белән образлылыгын, шулай ук сурәтлелек-бизәклелеген саклауга ирешәләр.

Мәсәлән: йөрәге житкән – сердце столь закоснело в грехе, йөрәге дә бушап калды – пусто и неприятно стало на сердце, йөрәге куркып-өркеп тибәргә тотынды – сердце то вдруг замирало в груди, то колотилось сильно и гулко, йөрәге атылып чыгардай булып тибә башлады – сердце колотилось сильно, часто, будто собиралось выскочить из груди, йөрәген искиткеч бер куаныч биләде – чувство огромной радости охватило, йөрәген кузгата алмады – не тронуло его сердца, ярыган өзгәләнгән йөрәгенә жир йөзә кысан иде – сердцу было тесно во всем неоглядном мире, йөрәк яну – сердца обратились в черные уголья. Әсәрдән мисаллар: – Кемнең йөрәге житкән моңа?! – диде ул, шаккатып [1, б.35].– Чье сердце столь закоснело в грехе?! – ахал и стонал предводитель, взывая к милости неба. – Как такого человека носит земля?! [2, с.39]. Амбарлар белән бергә Күрән бинең йөрәге дә бушап калган иде [1, б.104]. Опустели хранилища, пусто и неприятно стало на сердце предводителя рода Курен-бия [2, с.103]. Тиктомалга аның аяклары карышты, куллары авырайды, йөрәге никтер куркып-өркеп тибәргә тотынды [1, б.131]. Тело почему-то отяжелело, обмякло, сердце то вдруг замирало в груди, то колотилось сильно и гулко. [2, с.129].

3. Тәржемә итүче телдән параллель фразеологик әйтелмәләр эзләү. Кайбер фразеологизмнарны бер телдән икенче телгә тәржемә иткәндә төп тәңгәлләкләре, ягъни чыганак телдәге мәгънәсе һәм образлылыгы белән күчәрәп була, кайберләрен тәржемә итү мөмкин түгел. Шулай ук күп кенә очрактарда тәржемәчеләр тәржемә итүче телдән оригиналга тәңгәл булырлык фразеологик әйтелмәләр эзлиләр. “Ител суы ака торур” романының тәржемәсендә дә бу юл белән бирелгән фразеологик әйтелмәләр еш кулланылган.

Мәсәлән: йөрәген тырнап торды – теснило грудь, йөрәген икеләнү корты кимерде – душу его терзали противоречивые мысли, йөрәгендә ышаныч чаткылары кабызып жибәргән иде – в их сердцах возникла какая-то надежда, йөрәк ачысы – горькое раскаяние, йөрәгенә ут үрләтеп жибәрде – ослепило пламенем, бөтен йөрәге белән яратмады – остался в сердце занозой. Бу аның туктаусыз йөрәген тырнап торды. [1, б.12]. К весне здоровье ухудшилось еще более: мало того,

что не проходила слева в паху, так еще теснило грудь, не хватало дыхания [2, с.13]. Аның йөрәген икеләнү корты кимерде [1, б.19]. Душу его терзали противоречивые мысли [2, с.23]. Яшь егетнең йөрәгенә ут үрләтеп жибәрде [1, б.166]. Тотыш-углана словно ослепило пламенем [2, с.160]. Ул аны бөтен йөрәге белән яратмады [1, б.213]. – Чэчэн остался в сердце злой занозой, ядовитой стрелой [2, с.200].

4. Аңлатып биру юлы белән тәржемә итү. Аңлатып биру юлы белән тәржемә иткәндә оригиналь әсәрдәге сүзнең лексик мәгънәсе аңлатылып бирелә. Әлеге ысул белән тәржемә итү шулай ук авторның отышлы ягы, чөнки монда әсәрнең гадилеге, шул ук вакытта үзенчәлекле яңгырашы сакланган.

Мәсәлән: йөрәкне эретә – быстрее текли мысли, произносились речи, йөрәгендә кара кан укмашты – мучился, переживал, йөрәге ярысып – в бессильной ярости, бүлдерергә йөрәге житмәде – не смели пойти против, тынгысыз йөрәк – отчаянный и бесстрашный человек, который продолжал стоять над бездной, йөрәк өзгеч тавышы – ее возгласом, полным горя и страдания.

Әсәрдән мисаллар: Шулай үсә-үсә бала йөрәгенә кара кан укмашты [1, б.59]. Тотыш углан по прежнему никого не слушал, сверстники, старейшины-аксакалы рода продолжали смотреть на него словно на чужого, он чувствовал это, оттого мучился и переживал [2, с.61]. Шулай ул йөрәге ярысып йөрәнде дә йөрәнде [1, б.70]. Куренбий метался из угла в угол, в бессильной ярости [2, с.71]. Утташ камның бөтенләй кирәкмәгән юлдан китүен аңласалар да, аның сүзен бүлдерергә беркемнең дә йөрәге житмәде [1, б.87]. Однако пойти против шамана не смели [2, с.71].

5. Тәржемәдә төшереп калдыру.

Кайбер вакытта тәржемәчеләр теге яки бу сүзләргә, фразеологик әйтелмәләргә тәржемә итүдән баш тарталар. Моның максатлары төрле булырга мөмкин. Мәсәлән, кайвакыт тәржемәчеләр семантик яктан артык булган сүзләргә һәм әйтелмәләргә, ә кайвакыт тәржемәгә авыр бирелә торган сүзләргә тәржемә вариантларында төшереп калдыралар. Тикшеренүләргә күрсәткәнчә, Н.Фәттаһның “Ител суы ака торур” романында “йөрәк” лексемасы белән бәйлә фразеологизмнар кайбер оракларда тәржемәдән читтә калган. Мәсәлән, Койтымбикә улы Тотышка “йөрәк маем” дип эндәшә. Бу сүзтезмәне автор романда берничә урында кулланган, ләкин бу сүзтезмә тәржемәчә тарафыннан игътибарга алынмаган.

–Углым! – диде ул, йөрәк түреннән чыккан бер өн белән. – Мин

барысын да күреп, ишетеп тордым. Углым, күземнең яругы... бавыр итем, йөрәк маем! [1, б.93]. – Сын мой! – произнесла она голосом, который казалось, шел из глубины ее сердца. – Я все видела, все слышала. Ступай, бейся, я стану молиться за тебя [2, с.93]. Кызым чирле, өч яшьлек, сабыем, балакаем! Аягы йөрми, Шуны уйласам йөрәкләрем өзелә! [1, б.285]. Дочка у меня слабая, ей уже три года, а она не ходит, мучается ногами. Оживи ее несчастную, сделай здоровой! [2, с.265]. Аның йөрәген мачы булып, бер сорау тырнады: “Минекеме, түгелме?” – дип уйлады ул [1, б.233]. “Мой или не мой?.. – спрашивал себя Алмыш хан [2, с.213]. Үзенең чолганышта калуын күреп, Тотыш бинең йөрәге жу итеп китте [1, б.296]. Увидев, что его каики в кольце чужих судов, Тотыш-бий велел всем держаться вместе [2, с.279].

Романның тәржемә вариантында кайбер урыннарында фразеологизмнарның өлешчә тәржемәсе генә бирелгән, “йөрәк” сүзе тәржемәче тарафыннан төшереп калдырылгын. Мәсәлән: йөрәген уйлар борчыды – мысли одолевали, йөрәк ярасы – рана, йөрәк өзгеч иләмсез тавыш – плач и стенания, йөрәкне жылкендергеч бер гөрелте – гул огромного торга.

Бикәнең йөрәген менә шундый уйлар борчыды [1, б.281]. Вот какие мысли одолевали Койтым-хатын на празднике скорби и памяти Курэн-бия [2, с.261]. Эреле-ваклы өйләр, куралар, чатырлар ягыннан йөрәкне жылкендергеч бер гөрелте – бары базарларда гына була торган тынгысыз гөрелдек ишетелеп тора иде [1, б.206]. Со стороны больших построек, мелких лачугов, загонов неся гул огромного торга [2, с.194]. Бөтен катау тизрәк соңгы көн, соңгы кайгы көне тууын, кайгы байракларының алынуын, йөрәк өзгеч иләмсез тавышларның тынып калуын көттә [1, б.279]. Поэтому на Земле Белого Волка все с нетерпением ждали последнего дня поминок, праздника скорби и горя, на котором люди уберут знаки траура, прекратятся плач и стенания [2, с.258].

Инде килеп ханның кызын яратканмын икән, чынлап торып... йөрәгем тәңре салган барлык ут-ялкыным белән, бөтен күңелем белән яратканмын икән, бу тагын да сезгә тилелек булып, балалык, кыргыйлык булып тоела. Күкрәгемдә утлы куздай дөрләп янган йөрәгем булуына, башымда – уем, кулымда көчем барлыгына ышанмыйсыз. Тәңре мине яратканда матурлыкны, гүзәллекне күрә торган күзләр биргән, тәмлене, таталыны аерырыга сизгер тойгы биргән, үзем теләгәнчә яшәргә миңа канатлы йөрәк биргән [1, б.386]. Алда күрсәтелгән

абзац тулысынча тәржемәдән төшөп калган, тәржемәче әсәрнең төп героe Тотышның эчке хисләрeн чагылдырган урыннарны тәржемәдә укучыга житкерә алмаган. Бу жөмлөләрнең барысында да диярлек “йөрәк” лексемасы белән ясалган фразеологизмнар кулланылган (йөрәгемә тәңре салган барлык ут-ялкыным, канатлы йөрәк, күкрәгемдә утлы куздай дөрлөп янган йөрәгем), ләкин аларның берсе дә тәржемәдә бирелмәгән.

Тикшеренүләр күрсәткәнчә, романда фразеологизмнарны тәржемә итүдә аңлатып биру ысулы һәм ярымкалькалаштыру ысулы өстенлек итә.

ӘДӘБИЯТ

1. Фәттахов Н.С. Ител суы ака торур: Тарихи роман. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. – 398 б.
2. Фаттахов Н.С. Итиль-река течет. Роман. Переводчик Зарипов М. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1978. – 367 с.
3. Юсупов Р.А. Тәржемә һәм сөйләм культурасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. – 240 б.

Крылов В.Н.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
(Казань, Татарстан)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ В ПРОБЛЕМНОМ ИЗУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Известно, что для сегодняшнего общества очень важен вопрос инновационного потенциала. Современные философы, культурологи полагают, что «гуманитарное образование развивает воображение и независимое мышление, а эти навыки остаются ключевыми для поддержания эффективной культуры инноваций» [Нуссбаум, 2014, с.76]. Для развития критического мышления «ученики должны научиться анализировать, выявлять факты, писать структурированные тексты и приводить доводы, а также изучать доводы, предложенные им в других текстах» [Там же с.78]. В этой связи литературно-критические статьи предоставляют богатые возможности для творческого изучения литературы (и шире – словесности). Литературно-критическая статья несет на себе отпечаток времени ее создания, это некий «документ» эпохи, отражающий уровень знаний

о литературном творчестве, общественные позиции критика, развитие литературного языка и т.д. Критика может быть профессиональной, писательской, читательской (в широком смысле). Наибольшей познавательной ценностью обладает критика профессиональная, т.е. критика тех, для кого она является основным видом деятельности (в русской культуре первым профессиональным критиком был Белинский). С другой стороны, не меньшее значение имеют высказывания о литературе самих писателей (А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова, А.А. Блока, А. Белого, И.Ф. Анненского, М.И. Цветаевой), философов (такова религиозно-философская критика Серебряного века – статьи В. Соловьева, В. Розанова, Н. Бердяева, Л.Шестова и других), историков (например, литературные портреты и очерки о русских писателях В.О. Ключевского) и т.д.

Критика позволяет ввести в процесс изучения художественного произведения сведения о социально-историческом, историко-литературном контексте этого произведения и, что особенно важно, – о живом, непосредственном восприятии произведения современниками. Ведь критики говорили о многих писателях не как о классиках, а как о своих современниках. Использование статей позволяет ввести учащихся в “живую жизнь” прошлого литературы. Например, роман «Евгений Онегин» – ныне признанное классическое произведение, но обращение к “живому голосу” критиков показывает, что далеко не всеми современниками Пушкина роман был воспринят единодушно: «постижение творчества Пушкина оказалось для русской критики делом мучительно трудным» [Гуревич, 2005, с.8]. Критик-декабрист К.Ф. Рылеев считал, что «Евгений Онегин» ниже и «Бахчисарайского фонтана», и «Кавказского пленника» [Декабристы, 1991, с.427]. Для критика-любомудра И. Киреевского «Онегин есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное», а «эта пустота главного героя была ... одной из причин пустоты содержания первых пяти глав романа» [Гуревич, 2005, с.28]. А критик Н.И. Надеждин осуждал то, что позднее в науке о Пушкине получит определение «принцип противоречия», роль литературы и «литературности» в романе [Лотман, 1988].

Обращение к статьям, положения которых даже заведомо отвержены современным литературоведением, тем не менее, оказывается полезным. Часто бывает так: то, что вызывало неприятие критики, затем оценивалось как новаторство, как вклад писателя в литературу-

ру. Подобные суждения критиков-современников могут стать отправной точкой для создания проблемной ситуации на уроке, для размышлений (в данном конкретном примере) о реализме романа, реалистическом герое, "свободной" композиции и т.д.). При изучении «Героя нашего времени» Лермонтова можно обратиться к «отрицательным» статьям Ф.Б. Булгарина, С.О. Бурачка, С.П. Шевырева; «Мертвых душ» Н.В. Гоголя – к статье О.И. Сенковского «Похождения Чичикова, или Мертвые души»; «Грозы» А.Н. Островского – к статье Д.И. Писарева «Мотивы русской драмы»; «Отцов и детей» И.С. Тургенева – к «Асмодею нашего времени» М.А. Антоновича и т.д.

Наиболее эффективно сопоставление статей, в которых выражены различные, нередко даже противоположные точки зрения их авторов на творчество писателя. Это способствует созданию атмосферы дискуссии, создает ситуацию, где учащийся может не только воспринять позицию критика, но и вступить в полемику, предложить собственные доводы.

Во многих литературно-критических статьях предложена определенная интерпретация художественного произведения. Каждое значительное произведение в силу присущей художественному образу сложности, многозначности, проблемности порождает различные интерпретации. На проблемы, поднятые писателем, разные слои общества смотрят по-разному. «Критики – пишущие представители этих слоев, и они пытаются пояснить нам, читателям, истинную, по их мнению, суть замысла автора, верность его позиции» [Пархомовский, 1990, с. 57]. Феномен интерпретации состоит и в том, что воспринимающий может даже лучше понять произведение, чем сам автор, или не так, как автор. С этим связана и особенность автокритики, т.е. разъяснение автором смысла своего произведения. В этой связи интересны неоднократные признания писателей о том, что они сами не до конца понимают созданных ими героев. Поэтому интересно использование автокритики и статей критиков разных направлений об одном произведении, о творчестве одного писателя (Письмо И.С. Тургенева к К.К. Случевскому по поводу «Отцов и детей» и статей М.Ф. Антоновича, Н.Н. Страхова, Д.И. Писарева; статья И.А. Гончарова «Лучше поздно, чем никогда» и статьи Н.А. Добролюбова, А.В. Дружинина, Д.С. Мережковского; Письмо Ф.М. Достоевского к М.Н. Каткову и статьи Д.И. Писарева, Г.З. Елисеева, Н.Н. Страхова,

Д.С. Мережковского, В.С. Соловьева и т.д.). Сопоставление различных интерпретаций в синхронном и диахронном аспекте демонстрирует сложность восприятия произведения современниками, постепенное постижение его глубин, а также способность классического произведения раскрываться новыми гранями в восприятии читателей других эпох. Изучение литературно-критических статей может стать основой и для обучения различным репродуктивным (воспроизводящие и творческие пересказы) и продуктивным монологическим высказываниям (в том числе обучения различным литературно-критическим жанрам – рецензии, эссе, портрету, обзору, проблемной статье и т.д.) [Леонов, 1999, с. 31-32].

В классах гуманитарного профиля, предполагающих углубленное изучение литературы, может быть сделан акцент на специфике литературно-критического текста, постижение его поэтики, т.е. средств и приемов постижения критиком художественного мира писателя. Критические статьи дают дополнительный материал для постижения лингвистических признаков текста, риторических приемов научного, публицистического и художественного стиля, литературного языка. Использование критики на уроке литературы формирует индивидуальный взгляд на культуру в целом и литературу в частности. Современные методисты выдвигают идеи введения в классах гуманитарной направленности элективного курса «Критика как интерпретация художественных произведений». «Идея этого элективного курса – обучение проблемному прочтению литературной критики и публицистики XIX и XX веков. Оно дает возможность учащимся понимать многомерность настоящего художественного произведения, причины обращения к нему читателей других поколений» [Свирина, 2010, с. 39]. Выдвигаются, например, такие направления проблемного изучения: критика как свидетельство мировоззрения, критическая статья – обзор литературных тенденций и оценка состояния современной литературы, критика как свежий взгляд на устоявшиеся в культуре ценности, критика продолжение жизни художественного образа, критические статьи как воплощение потребности в новой интерпретации для каждого следующего поколения, критика в диалоге с философской мыслью, литературные произведения как реакция на критику и т. д. [Там же. с.39]. Хотелось бы подчеркнуть, что мы ни в коем случае не рассматриваем критическую статью на уроке литературы лишь как источник готовых знаний о литературе, неких

прописных истин, которые нужно механически усвоить. Наоборот, все рассмотренные формы использования критики направлены на то, чтобы формировать активное отношение читателя к произведениям, чтобы, постигая логику и красоту мысли критика, он и сам учился аргументированно отстаивать свою, читательскую, интерпретацию произведения.

Литература

1. Гуревич А. Гармонии таинственная власть // Русская критика о Пушкине. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2005. – С. 5-11.
2. Декабристы: эстетика и критика. – М.: Искусство, 1991. – 491с.
3. Леонов С.А. Речевая деятельность на уроках литературы в старших классах. – М.: Флинта: Наука, 1999. – 224 с.
4. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М.: Просвещение, 1988. – 352 с.
5. Нуссбаум М. Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки / пер. с англ. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 192 с.
6. Пархомовский Я.М. Беседы о третьем слагаемом (об искусстве быть читателем). – М.: Знание, 1990. – 64 с.
7. Свирина Н. Способы построения и содержание интересного урока литературы. Лекция 7. Критические этюды на уроках – утверждение нелинейности литературных образов // Литература. – 2010. – №16. – С. 38-41.

Мартинкова А.А.

*Университет им. Масарика
(Брно, Чехия)*

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ В АСПЕКТЕ СИНХРОНИИ

Языковая интернационализация в славянских языках как одна из современных универсальных языковых тенденций представляет весьма динамичную область исследования современной славистики. Проблемами интернационализации в славянских языках активно занимаются такие ученые, как В.Акуленко, Л.Крысин, Г.Нещименко (Россия), И.Боздехова, Й.Газда, О.Мравинацова, Д.Свободова (Чехия), К.Вашакова, Е.Коряковцева (Польша), Ц.Аврамова (Бол-

гария), Е.Карпиловская (Украина), А.Лукашанец (Беларусь) и др. Культурно-историческое развитие славянских языков способствует разграничению понятий тенденция к интернационализации и процессы интернационализации: «Динамика современных славянских языков определяется в значительной степени тенденцией интернационализации. ...Ее рождение наблюдается уже со времен античности, а также в средние века и в период становления национальных литературных языков, но в настоящее время, несомненно, языковые процессы, направляемые этой тенденцией, заметно ускорились» [Гутшмидт, 1999, с.9]. Как считает Е. Коряковцева, «тенденция к интернационализации зародилась ...по меньшей мере 300 лет назад, в связи с евроглобализацией», которая, начавшись приблизительно в сер. XV в., сопровождалась распространением латинской культуры в Западной Европе...и византийской культуры в восточнославянском мире» [Коряковцева, 2009, с.184]. Процессами же интернационализации можно назвать конкретные проявления тенденции к интернационализации на разных языковых уровнях. Интенсивность интернационализационных процессов на сегодняшний день обусловлена совокупностью как экстралингвистических факторов (социолингвокультурные факторы, в т.ч. искусственное поддержание моды на «англоамериканизмы» усилиями СМИ), так и собственно интралингвистических (принцип языковой экономии, тенденции генерализации и дифференциации, языковая симметрия) [Gazda, 2010, с.37-40].

Языковая интернационализация в современных славянских языках имеет ряд характерных особенностей; в данной статье укажем лишь на самые основные, сквозь призму которых изучается данное явление:

1. Смена источника интернациональной лексики. Существование в славянских языках этимологически разных пластов интернациональной лексики связано с разными типами глобализации. Если ранее источником интернациональной лексики, в частности, в европейском ареале были латинский и греческий языки (и основная масса интернационализмов имеет греко-латинское происхождение), то сегодня в связи «глобализацией американского типа» происходит смена источника интернациональной лексики – «в последние десятилетия XX века вследствие «амероглобализации» английский язык становится глобальным источником интернационализмов, состоя-

щих как из греко-латинских, так и собственно английских словообразовательных элементов» [Коряковцева, 2009, с.184].

Влияние тенденции к интернационализации в славянских языках начинается уже в период «евроглобализации» (в терминологии Е. Коряковцевой). На современном этапе тенденцию к языковой интернационализации рассматривают в связи с экономической, политической и культурной «амероглобализацией», в результате чего характерной чертой интернациональной лексики в славянских языках в кон. XX – нач. XXI вв. является их однородность по отношению к языку-источнику (английский язык). Таким образом, тенденция к интернационализации обусловила существование в славянских языках разных пластов интернациональной лексики: во-первых, уже вошедшие в язык греко-латинские элементы (анти-, де-, гипер-, макро-; био-, эко-; -мани (я), -фоби(я) и др.), во-вторых, инновационные заимствования непосредственно из английского языка и активизировавшиеся под влиянием английского языка греко-латинские морфемы (-инг, е-, wiki-/вики- и др.).

2. Универсальность проявления тенденции. Интернационализация как тенденция проявляется на всех языковых уровнях: графико-фонетическом (графически неадаптированные тексты в СМИ), лексическом (к основным типам лексических инноваций относят: качественные изменения, изменения в области словоупотребления, инновации в способах номинации [Gazda, 2010, с.11]), морфемно-словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. Нагляднее всего данные проявления можно проследить в области графики, морфемики и словообразования, так как о вычленении лексических интернационализмов из английских заимствований в условиях «потока» заимствованных слов говорить на сегодняшний момент достаточно затруднительно в силу сложности разграничения интернационализмов и заимствований в условиях интенсивного притока англицизмов.

Значимыми являются исследования интенсивных процессов интернационализации в области морфемики и словообразования (Ц.Аврамова, Е.Коряковцева, Й.Мравинацова, И.Онхайзер, Л.Рацибурская и др.): «...Лингвистическим последствием евроглобализации стало образование в развитых европейских языках (английском, немецком, французском) двух сравнительно самостоятельных словообразовательных подсистем, одна из которых формируется на базе

исконных, национальных словообразовательных элементов, друга же связана с деривацией на т.н. неолатинской базе» [Коряковцева, 2009, с.186]. В 70-е гг. XX в. лингвистами (Я.И. Порецкий, Й.Йирачек) была высказана мысль о выделении и в русском языке неолатинской системы. Е.В. Коряковцева говорит о логичности выделения во всех славянских языках национальной и интернациональной словообразовательной подсистемы, что обосновано существованием достаточно обширного общеславянского фонда интернациональных морфем [Коряковцева, 2009, с.186]. Словообразовательная активность подобных компонентов способствует росту агглютинации и аналитизма в морфолого-синтаксическом строе славянских языков, что приводит к развитию явления аффиксидности во флексийных славянских языках [Русакова, 2013, с.18].

3. Тенденция к национализации. Процессы интернационализации рассматриваются с учетом антиномии «международное» и «национальное»; в противовес интернационационной тенденции в разных языках наблюдается активация национальных элементов, т.е. тенденция к национализации. На современном этапе, в свете экспансии английского языка, под процессом национализации понимают прежде всего активизацию исконных элементов языка, а также использование синонимичных исконных элементов языка наряду с заимствованными (ср. примеры из русского и чешского языков: city – град; псевдо- – лже-, pseudo- – jakoby-, lži; -ман, -фил/-люб (планшетолуб), -man, -fil/-mil, -miles (экспрес. čajomil). «Изучение проявлений интернационализации в современных славянских языках важно не только как отражение открытости общества, вовлечения той или иной славянской страны в процессы евроинтеграции и глобализации, но и как показатель реакции национального языка на приток иноязычных ресурсов, действия его защитных механизмов на разных уровнях организации его языковой системы в общественной практике» [Карпиловская, 2009, с. 43].

Хотя степень процессов интернационализации в отдельных языках в силу комплекса причин неодинакова, исследователями, опирающимися на социолингвистический и ареальный подходы, отмечается общее сходство их протекания во всех группах славянских языков: «...при сравнении современных инновационных процессов в языках генетически и географически близких мы находим множество сходств, потому что обоюдные языковые влияния реализуются

чаще всего внутри какого-либо культурного ареала» [Лотко, 2002, с.9]. Так, например, языки западнославянского ареала становятся объектом отдельного исследования, и даже в таких близких по своему генезису и расположению языках обнаруживаются отличия.

В дальнейшем представляются перспективными углубленные исследования интернационализационных процессов в области билингвологии, ареальной лингвистики и георусистики, а также в методике преподавания иностранных языков.

Литература

1. Гутшмидт К. Тенденция интернационализации в современных славянских языках – отражения поверхностные и глубинные// *Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch: za a proti.* – Bratislava, 1999. – С. 9-17.

2. Карпиловская Е.А. Интернационализация явная и скрытая в современном украинском лексиконе // *Prezjawy internacjonalizacji w językach słowiańskich.* – Siedlce, 2009. – С. 43-53.

3. Коряковцева Е.И. Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса. // *Prezjawy internacjonalizacji w językach słowiańskich.* – Siedlce, 2009. – С. 179-201.

4. Рацибурская Л.В., Тимофеева А.А. Современные тенденции в словообразовании русского и чешского языков // *Язык, литература, культура на рубеже XX–XXI веков.* – Нижний Новгород, 2011. – С. 574-578.

5. Русакова О.В. Аффиксоиды в деривационной системе русского языка: Автореф... дис. канд. фил. наук. – Орел: Орловский государственный университет, 2013. – 20 с.

6. Тимофеева А.А. Тенденция к интернационализации: сопоставительный аспект (на материале русских и чешских СМИ). – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 73 с.

7. Gazda J. *Dynamika a internacionalizace slovní zásoby současné ruštiny.* – Brno: Masarykova univerzita, 2010. – 121 с.

8. Lotko E. *O některých vývojových tendencích v současné slovní zásobě a jejich příčinách (na materiálu češtiny, slovenštiny a polštiny)* // *Slovanské Studie V Studia Slavica V.* – Ostrava, 2002. – С. 7-23.

Молодец И.И.

Владимирский государственный университет

(Владимир, Россия)

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ «КУЛЬТУРА РЕЧИ» НА ФАКУЛЬТЕТЕ ДОШКОЛЬНОГО И НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования курс «Культура речи» входит в базовую часть гуманитарного, социально- и экономического цикла и является обязательным для изучения на всех факультетах высших учебных заведений.

Впервые в число обязательных дисциплин федерального компонента государственного образовательного стандарта ВПО базовый курс «Русский язык и культура речи» был включен в 2000 году. Данный курс был направлен на формирование у студентов всех факультетов и всех форм обучения языковой, коммуникативной и общекультурной компетенций, Основная задача данного курса формулировалась, как знакомство студентов с основными сведениями о родном языке, его особенностях и правильном использовании. На факультете, занимающемся подготовкой специалистов для дошкольных образовательных учреждений и начальной школы, курс изучался и ранее, но входил в число дисциплин регионального компонента.

Культура речи – понятие многозначное. За последние десятилетия в отечественной лингвистике было опубликовано более 800 статей и монографий по вопросам культуры речи, в которых нашли отражение разные подходы к предмету культуры речи и даны разные определения данного понятия. Мы будем исходить из того, что культура речи – «это область лингвистических знаний о системе коммуникативных качеств речи, об учении о культуре речи» [Соколова, 1995, с.16], базирующаяся на достижениях таких научных дисциплин, как ортология, риторика, стилистика. Подготовка любого специалиста начинается с четкого определения совокупности знаний, умений и навыков, которыми должен обладать. Выбрав своей будущей профессией педагогику, студенты факультета дошкольного и начального образования, безусловно, осознают, что она связана с активной речью. Речь педагога является образцом для детей, поэтому к ней

предъявляются высокие требования: содержательность, точность, логичность; лексическая, фонетическая, грамматическая, орфоэпическая правильность; образность, смысловая выразительность; эмоциональная насыщенность, богатство интонаций, неторопливость, достаточная громкость; хорошая дикция, соблюдение правил речевого этикета. Большую роль в речь педагога играет умелое использование и невербальных средств общения.

Проблема речевой культуры в профессиональной деятельности разрабатывалась психологами и педагогами Л.С. Выготским, Л.А. Введенской, П.Я. Гальпериным, И.А. Зимней, В.В. Ильиным, В.В. Краевским, А.Н. Ксенофонтовой, В.И. Максимовым, Л.И. Скворцовым, Л.В. Соколовой и другими. Однако на сегодняшний день проблемы профессиональной культуры вообще и профессиональной культуры речи педагога еще не решены. «Ни общее понятие профессиональной культуры речи, ни составляющие ее компоненты не стали еще предметом специального рассмотрения, не получили четких определений, что, естественно, затрудняет ее целенаправленное воспитание в вузе», пишут В.Ф. Ильина и О.Б. Сиротинина в статье «О профессиональной культуре учителя-словесника». [Ильина, Сиротинина, 1979, с. 150]. При выстраивании курса «Культура речи» на факультете дошкольного и начального образования нами учитывался характер аудитории (студенты очной или заочной форм обучения), профессиональная ориентация студентов (профили «Начальное образование» и «Дошкольное образование») и степень их языковой подготовки. Обширность тематики курса «Культура речи» допускает возможность выбора тем, их варьирования. Некоторые из них могут рассматриваться подробно, другие могут привлекаться в качестве сопоставительного материала.

Курс «Культура речи» читается на 2 курсе. Аудиторная работа по курсу складывается из лекционных (18 часов) и практических занятий (18 часов). В течение года студенты выполняют контрольную работу. По завершении курса сдается зачет.

Обучение культуре речи предполагает два основных направления:

1. Изучение теоретических основ культуры речи – вводная часть курса.

2. Практическое овладение литературными нормами, совершенствование индивидуальной речевой культуры – основная часть курса. Рассмотрим, какова структура курса «Культура речи» для подго-

товки студентов по профилю «Дошкольное образование». Вводная часть курса включает определение предмета, целей и задач культуры речи, этапы становления культуры речи как научной дисциплины, знакомство с нормативным, этическим и коммуникативным аспектами, углубление понятия языковой нормы и вариантности, рассмотрение общей характеристики коммуникативных качеств речи, типологии функциональных разновидностей языка. Основная часть курса распадается на четыре основных раздела, отражающих логику изучения русского литературного языка (фонетика, морфология, лексикология, синтаксис). В этих разделах вопросы, связанные с изучением языкового материала, группируются по темам, вызывающим наибольший интерес в плане кодификации языка, отклонений от литературной нормы, ошибочного употребления и наличия языковых вариантов, приводятся нормативные и стилистические оценки языковых явлений с точки зрения их соответствия нормам литературного языка. Параллельно проводится работа с различными типами современных словарей. Преподавание культуры речи имеет практическую направленность и направлено на выработку умений и навыков, необходимых для создания текстов определенной функциональной направленности, а также публичного выступления.

Такая структура курса обусловлена тем, что «культура речи» – единственная дисциплина лингвистической подготовки по данному профилю. Поскольку студенты не имеют четких представлений о системном характере русского языка, а в учебных курсах русского языка основное внимание уделяется формированию навыков письменной речи, необходима четкая систематизация знаний о языке и формирование навыков устной речи. Устная речь и невербальные средства общения занимают главное место в профессиональной коммуникации педагога дошкольного образовательного учреждения, который несет социальную ответственность и за содержание, и за качество своей речи, и за ее последствия. Например, мимика передает эмоции, подчеркивает мысль, позволяет установить визуальный контакт между педагогом и ребенком; жесты могут заменять речь или сопровождать ее. Мимика и жесты способны передать самые разные чувства человека: одобрение/неодобрение, согласие/несогласие, сочувствие/равнодушие, терпимость/нетерпимость. И это хорошо чувствует ребенок. Очень велика в воспитании детей до-

школьного возраста роль интонации, других акустических составляющих речи (высота, сила, темп, паузы, логическое ударение). По голосу человека можно определить физическое и психоэмоциональное состояние, его намерение и некоторые черты характера. Именно поэтому изучению фонетического уровня языка отводится особое место в курсе «Культура речи» для подготовки по профилю «Дошкольное образование».

Содержание курса	Профиль ДО	Профиль НО
Языка как универсальная знаковая система	+	-
Современный русский язык и его формы	+	-
Языковая норма. Классификация языковых норм	+	+
Речевое общение. Речевой этикет	+	+
Функциональные стили	+	-
Деловая речь	+	+
Ораторская речь	+	++
Культура речи	+	+++
Лексикография	+	+

Данная дисциплина является не единственной дисциплиной лингвистической подготовки по профилю «Начальное образование». С первого курса студенты изучают «русский язык», дисциплину, которая формирует теоретическую основу для изучения сразу двух дисциплин: «Методики обучения русскому языку» и «Культуры речи», поэтому нет никакой необходимости начинать изучение курса с вопросов теории русского языка. Целесообразно перераспределить часы, отводимые на изучение данной дисциплины. Это может быть изучение собственно ортологии или ораторской речи. Бесспорно, основное место в изучении курса должен занимать нормативный аспект, ведь речь учителя – образец для учащихся, но и умение строить свою речь по законам риторики просто необходимо для учителя. Так может выглядеть примерное содержание курса «Культура речи» для подготовки студентов профиля «Начальное образование» и про-

филя «Дошкольное образование». Человек не обязан владеть культурой речи во всех видах, жанрах разновидностях общения, но он должен овладевать ею во всех объективно актуальных областях, именно на это и направлен курс «Культура речи» на факультете дошкольного и начального образования.

Литература

1. Соколова В.В. Культура речи и культура общения. – М.: Просвещение, 1995. – 192 с.
2. Ильина В.Ф., Сиротинина О.Б. О профессиональной культуре речи учителя-словесника // Школьная и научная грамматика. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1979. – С. 150-158.

Осипова Л.Ф.

*Альметьевский государственный институт
муниципальной службы
(Альметьевск, Татарстан)*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Фразеологическая система любого языка образна и выразительна, она привлекает своей экспрессивностью, возможностью положительно или отрицательно оценивать явления, выражать одобрение или осуждение, придает речи эмоциональность. Фразеологизмы играют важную роль в познании самого языка и языковой картины мира. В них отражаются исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей, а также особенности мировосприятия.

В условиях двуязычия взаимопроникновение устойчивых выражений в лексико-семантическую структуру языка способствует обогащению общего фразеологического фонда или помогает определить лингвокультурологическую специфику. Исходя из структурно-типологического и функционально-смыслового подхода, ученые выделяют следующие межъязыковые соотношения: 1) полные эквиваленты; 2) частичные эквиваленты; 3) аналоги; 4) безэквивалентные единицы [Салимова, 2012, с. 120].

Наличие полных межъязыковых фразеологических эквивалентов свидетельствует о том, что разные народы обозначают сходные

явления реальной действительности, используя одинаковые образы. В этом случае перевод фразеологических единиц не вызывает затруднений, например, ломать голову – *баш вату, акка кара белэн язылган* – написано черным по белому, *сай йөзү* – мелко плавать, *жиңел кулдан* – с легкой руки, *жылы урын* – тепленькое местечко и т.п.

Фразеологизмы, представляющие собой частичные эквиваленты, совпадают по значению, но отличаются некоторыми компонентами. Например, *жир йоткан кебек* – как сквозь землю провалился, *авызыңа бал да май* – твоими устами да мед пить, *ашыккан ашка пешкән* – поспешишь – людей насмешишь, *балтасы суга төшкәндәй* – как в воду опущенный, *үз казаныңда кайнау* – вариться в собственном соку.

По мнению профессора Д.А. Салимовой, эквивалентное соответствие должно обязательно воспроизводить переносный смысл переводимого фразеологизма, выражать то же эмоциональное отношение (положительное, отрицательное или нейтральное) и иметь такую же (или хотя бы нейтральную) стилистическую характеристику [Салимова, 2012, с. 122-123].

Полные или частичные эквиваленты свидетельствуют о наличии общих черт у русских и татар в представлениях и принципах отображения действительности. Однако не всегда возможно передать посредством дословного перевода или полукалькированием фразеологических оборотов устойчивые сочетания, которые в одном языке выражают реалии мира, национальный колорит, не свойственные другому языку. В таких случаях подбираются фразеологические модели, семантика и стилистическая окраска которых отражают национально специфические образы. Так, например, русский фразеологический оборот *это тебе не фунт изюму* употребляют в речи, когда говорят о чрезвычайно важной вещи или вдруг показавшейся таковой. Изюм, или винная ягода, как его ранее называли, был с давних времён любимым лакомством обычного народа. Его добавляли в обрядовые кушанья, такие как кулич, сыпали в тесто для пряников. А так как в средней полосе России виноград не растёт, весь изюм был привозным и стоил в те времена достаточно дорого. Оттого не пудами покупалась винная ягода, а фунтами, и такую покупку не очень богатый человек должен был заранее планировать. Впрочем, пасхальный кулич можно было делать без изюма, его присутствие

в доме было желательно, но не обязательно. По сравнению с вещью действительно важной в хозяйстве изюм отходил на второй план. Данному фразеологизму в татарском языке соответствует фразеологическая модель *бу сиңа бәрәңге ашау түгел*, отражающая особенности быта носителей языка.

К данной группе фразеологизмов можно отнести также следующие: каков поп, таков и приход – *көтүче нинди, көтүе шундый*; бить баклуши – *корыны бушка аудару*; к черту на кулички – *жәһәннәм астына* и др.

К безэквивалентным единицам относятся устойчивые сочетания, которые не имеют соответствия в другом языке. Как отмечает профессор Р.А. Юсупов, смысл таких фразеологических единиц передается описательным путем, при котором теряется образность. Например, наломать дров – *әллә ниләр эшләп ташлау*; это дело десятое – *анысы вак мәсьәлә* и др. [Юсупов, 2005, с. 52].

Разные принципы отображения действительности объясняют невозможность дословного перевода, но при этом значение словосочетания передает полный смысл фразеологического оборота.

Таким образом, межъязыковые соотношения, основанные на структурно-типологических и функционально-смысловых особенностях фразеологических единиц, являются способом концептуализации действительности и отображает обиходно-эмпирический, культурный или исторический опыт определенного языкового коллектива.

Литература

1. Салимова Д.А., Тимерханов А.А. Двуязычие и перевод: теория и опыт исследования: монография. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 280 с.
 2. Юсупов Р.А. Вопросы перевода, сопоставительной типологии и культуры речи. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 383 с.
-

Пикулева Ю.Б.**Нгуен Тхе Хунг**

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА**СЛОВА «ЧЕСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ****(ПО ДАННЫМ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ)**

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: грант 15-04-00239а
«Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном
пространстве провинциального города: традиции и динамика»*

Честь – одно из важнейших морально-нравственных понятий, которое было и остается значимым для россиян на протяжении многих веков. Однако представление о том, что же такое честь, для современного носителя русского языка весьма размыто.

Данная статья отражает начальный этап исследования информационного содержания концепта честь, связанный с изучением семантики имени концепта в опоре на лексикографические источники. Для анализа дефиниций слова честь были привлечены 12 толковых словарей русского языка разных лет: «Словарь Академии Российской, 1789-1794» [САР 2006], «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 [СЦРЯ 1847], «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [Даль 2007], «Полный церковно-славянский словарь: (Со внесением в него важнейших древн.-рус. слов и выражений)» [ПЦЦС 1993]; «Словарь современного русского литературного языка» [БАС 1965]; «Словарь русского языка в 4 томах» [МАС 1961]; «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова [Ушаков 2000]; «Толковый словарь русского языка» под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [СОШ 2006]; «Русский толковый словарь» В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной [Лопатин, Лопатина 2004]; «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой [Шведова 2008]; «Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова [Кузнецов 2000]; «Полузабытые слова и значения: словарь русской культуры XVIII – XIX вв» А.Байбурина, Л.Беловинского, Б.Конта [Полузабытые слова 2004]. Словарный материал был подвергнут нескольким процедурам анализа, первой из которых было выявление динамики значений по толковым сло-

варям. На основе анализа внутрисловной парадигмы лексемы *честь* нами была описана специфика семантической структуры слова. Данная языковая единица была многозначной на протяжении всего времени лексикографической фиксации (начиная с XVIII века). Количество значений, представленных в разных словарях, колеблется от 3 до 5. Во всех представленных словарях отражено такое значение слова *честь*, как ‘почтение, уважение’. Однако в дореволюционных лексикографических источниках и словарях середины XX века это значение занимает преимущественно первое место, в конце же XX – начале XXI века оно опускается на одно из последних мест в парадигме значений. Очевидна семантическая динамика: при описании понятия *честь* представление об особом почтительном отношении к кому-либо остается значимым для носителей языка, но на его основе появляются новые значения, которые теперь чаще актуализируются в речи.

Основное из таких значений – *честь* как ‘совокупность морально-этических качеств человека’ – впервые включается в парадигму ЛСВ лексемы *честь* В.И. Далем (причем сразу же на первом месте в списке толкований), однако в некоторых советских словарях (например, в БАС) ещё не признается основным значением. Данное значение формируется на основе метонимического переноса: ‘почтение, уважение’ – ‘моральные качества, заслуживающие уважения’. Во всех постсоветских словарях данное значение становится ведущим, что показывает на перенос акцента в понимании слова *честь* с положительной общественной оценки на сущностные характеристики человека, которые получают одобрение. Обращает на себя внимание, что в толкованиях лексемы *честь* в качестве самостоятельных ЛСВ могут появляться номинации отдельных одобряемых моральных качеств. Так, в «Словаре Академии Российской» пятым значением фиксируется значением ‘честность’ В.И. Даль упомянул *честность* в своём толковании, но она была включена в ряд других моральных качеств (‘Внутреннее нравственное достоинство человека, честность, благородство души и чистая совесть’ [Даль 2007: 396]), а потому это качество осознается как составляющая чести, но не приравнивается к ней. Очевидно, что слова *честь* и *честность* являются однокоренными: *честность* – слово, входящее в словообразовательное гнездо слова *честь*. Однако в русском языке произошел семантический сдвиг: *честный* не понимается как ‘обладающий честью’, а интерпретиру-

ется как 'проникнутый искренностью и прямотой, добросовестный' [Шведова 2011: 1090]. Таким образом, честность понимается как одно из многих нравственных достоинств, которые в совокупности дают качество чести. Очевидно, именно поэтому честность не проявляется в остальных, имеющих обобщенный характер толкованиях, данных в других словарях советского и постсоветского времени.

Важной составляющей некоторых толкований чести становится номинация достоинство. Она появляется в «Словаре академии Российской» и основных словарях XX века. Достоинство как 'совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе' [Шведова 2011: 212] приобретает в этих толкованиях социальную маркированность: составители словарей указывают на сословное, гражданское, профессиональное достоинство. Иллюстративный материал отсылает к представлениям о дворянской, воинской чести, чести рабочего. Интересно, что словари в этом отношении отражают изменения в социальной структуре российского общества, демонстрируя, какая группа лиц в период создания словаря обладает самым высоким социальным статусом и задает нравственный образец поведения.

Лексема честь толкуется как 'чин, высокое звание, должность' только в дореволюционных лексикографических источниках и словарях середины XX века [САР 2006: 725-726; СЦСРЯ 1847: 456; Даль 2007: 396; МАС 1961: 918-919; БАС 1965: 983-991], причем в последних с пометой устар. В постсоветских словарях это значение не фиксируется, что указывает, видимо, на уменьшение значимости социального статуса для описания человека чести в современном российском обществе.

Представление о чести как о хорошей репутации появляется в «Словаре академии Российской», последовательно фиксируется в словарях советского и постсоветского периода в качестве одно из основных значений. ЛСВ 'уважение, почет' и 'репутация, доброе имя' связаны причинно-следственными отношениями. Хорошая, незапятнанная репутация формируется на основе уважительного отношения к человеку.

Такое значение лексемы честь, как 'целомудрие, непорочность', отражено в советских словарях [МАС 1961: 918-919; БАС 1965: 983-991; Евгеньева 1984: 672] и фиксирует один из важных морально-этических принципов жизни женщины. Несмотря на то, что в более

раннем словаре под ред. Д.Н. Ушакова это значение фиксируется как устаревшее [Ушаков 2000: 1267-1268], в более поздних словарях оно утрачивает данную помету. Отсутствие данного ЛСВ в дореволюционных словарях, появление его в советских изданиях с пометой, указывающей на пассивный запас словаря, выделение этого значения в отдельное стилистически немаркированное в современных словарях, как нам кажется, отражает процессы трансформации общественного сознания в России. Открытая неочечная фиксация ранее табуированной темы телесного низа в современных лексикографических источниках свидетельствует о либерализации сознания российского общества.

Словарные дефиниции дореволюционных словарей содержат такое понимание чести, как 'отличие, превосходство'. В более поздних словарях эта идея реализована в других формулировках: 'то, чем гордятся' [МАС 1961: 918-919], 'тот, кто (или то, что) является гордостью' [БАС 1965: 983-991], 'о том, кем или чем гордятся' [Евгеньева 1984: 672; Кузнецов 2000: 1477]. В современных словарях это значение не отмечается.

Анализируя динамику значений лексемы честь, мы заметили, что значения слова честь почти всегда содержат указание на положительную коннотацию. Лишь в одном словаре (словаре В.И. Даля) было обнаружено толкование, содержащее негативно оценочное представление о чести ('условное, светское, житейское благородство, нередко ложное, мнимое' [Даль 2007: 396]). Таким образом, отражается представление о том, что общественные представления о моральных качествах, вынесенные на основе сословных стереотипов, могут носить не совсем корректный характер.

Особого упоминания достоин «Полный церковно-славянский словарь: (Со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений)», изданный в 1900 году, в котором отражено понимание лексемы честь в церковных текстах: такие данные в этом словаре значения, как 'цена', 'помоществование и всякая услуга', 'особое попечение', 'богатство' [ПЦЦС 1993: 818], не находят своего отражения в словарях светского характера.

Таким образом, лексикографическое описание слова честь в России за последние несколько веков значительно изменились. Представление о чести как об уважении и почёте перестаёт быть основным, значимость внешней оценки со стороны общества снижается. Поч-

тительное отношение к человеку фиксируется как следствие наличия у человека высоких нравственных качеств, которые он сам осознает в себе. В современных словарях редко встречается уточнение, каковы же эти качества, таким образом, формируется представление о чести как о родовой номинации для всех высоких моральных качеств.

Литература

1. Байбурин А., Беловинский Л., Конт Б. Полузабытые слова и значения: словарь русской культуры XVIII – XIX вв. – СПб.: Европ. Дом. М.: Знак, 2004. – 680 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 576 с.
4. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 928 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеол. выражений; Рос. акад. наук. – 4-е изд., доп. – М.: ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.
6. Полный церковно-славянский словарь: Около 30000 слов / Сост. священник Г.Дьяченко // Репр. воспроизв. изд. 1900 г. – М.: Моск. патриархат: Посад, 1993. – 1120 с.
7. Словарь Академии Российской, 1789-1794: в 6 т. Т. 6 / РАН, Отд-ние лит. и яз., Моск. гуманитар. ин-т им. Е.Р. Дашковой. – [Переизд.]. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2006. – 728 с.
8. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. – М.: Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. – 1088 с.
9. Словарь современного русского литературного языка. Т. 17, Х-Я / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Ред. Л.С. Ковтун, В.П. Петушков. – М.; Л.: Наука, 1965. – 2126 с.
10. Словарь церковнославянского и русского языка: в 4 т. / Сост. Втор. отдел. Импер. Акад. Наук. – Санкт-Петербург: [б.и.], 1847.
11. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. – М.: ООО «Издательство Астраль», 2000. – 752 с.
12. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Инст. рус. яз. им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2008: Изд. Центр «Азбуковник». – 1175 с.

*Набережночелнинский институт КФУ
(Набережные Челны, Татарстан)*

ОЦЕНОЧНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Язык отражает мир с разных сторон. В нем представлены объекты, действительность, имеющиеся в мире предметы, свойства, действия, включая человека с его мыслями, чувствами, поступками, и их соотношения. Одним из аспектов взаимодействия действительности и человека является оценочный аспект.

Оценка является одной из важнейших лингвистических категорий, которая принимает непосредственное участие в организации языкового общения. Одной стороной она обращена к мышлению человека, его когнитивной деятельности, другой к его практической деятельности, социальной и культурной реальности.

Исследованием этой темы занимались как зарубежные (Фабело Корсо Х.Р., Хэар Р.М. и др.), так и отечественные лингвисты (Арутюнова Н.Д., Вольф Е.М., Ивин А.А. и др.). Исследователи едины в том, что оценка является универсальной категорией практически для всех языков. Однако в способах выражения оценочных значений языки проявляют свою уникальность. Это объясняется принадлежностью оценки к интенциональному аспекту языка, где огромную роль играет преломление картины мира в сознании говорящего, т.е. здесь можно говорить о субъективном факторе оценки. По мнению Е.М. Вольф, объективно-оценочные смыслы «хорошо/плохо» располагаются по шкале оценок, на которой есть зоны положительного и отрицательного. Между ними расположена зона нейтрального, где эти признаки находятся в известном равновесии. Все «хорошее» ориентировано на норму, а все «плохое» – отклонение от нее. Но существуют такие оценочные слова, которые группируются вокруг понятия «средний», указывая на нейтральную зону на шкале. Эти слова легко сдвигаются в сторону «плохого» со значением «средний, посредственный, заурядный». Как можно видеть, оценочная шкала не любит положения равновесия; в самом ее устройстве, подчеркивает Е.М. Вольф, заключена асимметрия. Как было замечено ранее, «норма» и «среднее» не совпадают, «норма» сдвинута к положительной части шкалы [2, с. 27]. Асимметричность оценки усиливается, если оценочная шкала рассматривается не в статике, допускающей пря-

мое противопоставление «хорошо \ плохо», а в динамике. Движение по шкале происходит по разным параметрам: индивидуальная оценка субъекта очень подвижна. Субъективный фактор является основой аффективных оценок.

Оценки типа «великолепный», «потрясающий» относятся к зоне положительного, а «дрянной», «скверный» – к зоне отрицательного. Как отмечает Е.М. Вольф, некоторые аффективные слова нейтрализуют знаки +/- («потрясающее» событие может быть хорошим и плохим), а также могут выступать в роли интенсификаторов в сочетании со словами, которые сами по себе не несут оценочной семы: он потрясающий умница; он потрясающий дурак [2, с. 35]. Сочетание аффективных слов со словами, которые не несут оценочной семы, обозначают оценку со знаком «+»: *он потрясающий учитель*. Так, в экспрессивных высказываниях, где эффективность является основным семантическим свойством, возможна инверсия оценочного знака от «+» к «-»: *Хорош мальчик! Хорошенькая история!* Интенсификация отражает движение оценки по шкале в сторону «положительного» и в сторону «отрицательного». Сравним: талантливый, очень талантливый, необыкновенно талантливый (в зоне «положительного») и плохой, очень плохой, ужасно плохой (в зоне «отрицательного»).

Анализ фактического материала дает основание говорить, что интенсификация и эффективность препятствуют классификации. Так, например, предметы и события не делятся на очень плохие и очень хорошие. Еще заметнее несоответствие зоны «положительного» и зоны «отрицательного» там, где речь идет о пределах признака. Положительные признаки во многих случаях трактуются как беспредельные, а отрицательные – как предельные. Отрицательная часть шкалы, по мнению Е.М. Вольф, подразумевает, скорее всего, не предел отрицательного, не присутствие глупости, бестактности и т. п., а абсолютный ноль, отсутствие положительного признака (ума, трудолюбия и т.д.). Наречия крайней степени могут отражать и отношение к норме: *он совершенно здоров*. Известно, что распределение значений со знаком «+» или «-» неодинаково. Имеются предположения, что обозначение плохого более дифференцировано, чем обозначение хорошего, иными словами, в языке существует больше разнообразных средств для детальной классификации плохих поступков, чем хороших, плохих черт характера, чем хороших. Такая гипотеза опирается

на представления когнитивной психологии, в соответствии с которой знания, связанные с неприятными для человека отрицательными эмоциями, болевыми ощущениями, опасностью и т.д., более дифференцированы, чем знания, имеющие положительные коннотации. Но существует также и другая гипотеза, предложенная американскими психолингвистами Дж.Буше и Г.Осгудом. Эта гипотеза носит название «Полианна» (по имени героини популярного в начале XX века романа Э.Портера «Полианна»). Гипотеза гласит, что в естественных языках существует универсальная тенденция употреблять оценочные слова позитивного характера [E+] чаще и с большей легкостью, чем оценочные слова [E-] негативного характера. Иначе говоря, люди стараются видеть светлые стороны жизни и говорить о них позитивно. Пример этому: при равных условиях слова с [E+] появляются в речи детей гораздо раньше. Такие слова легче запоминаются, чем слова с [E-], и порог узнаваемости у слов с положительной оценкой гораздо ниже. Таким образом, всеобщим является тот факт, что человек ориентирован на позитивное восприятие жизни, хотя наряду с этим в языке слов с отрицательной оценкой гораздо больше, чем с положительной.

Важнейшей особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, который взаимодействует с объективным. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, все равно подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом.

Всякое оценочное суждение предполагает субъект суждения, т.е. лицо (индивидуум, социум), от которого исходит оценка, и его объект, т. е. тот предмет или явление, к которому оценка относится. Выражение или приписывание ценностей (оценивание) является установлением определенного отношения между субъектом или субъектами и объектами [3, с. 25; 1, с. 35]. Взаимодействие субъекта оценки с ее объектами лежит в основе классификации, так называемых частотноценностных значений, предложенной Н.Д.Арутюновой: «Оценка создает совершенно особую, отличную от природной, аксиологию объектов и событий» [1, с. 26]. Всего она выделяет три группы, которые включают (7) разрядов.

I группа – сенсорные оценки. Они делятся на: гедонистические (приятно/неприятно); психологические, среди которых различаются интеллектуальные и эмоциональные.

II группа – абсолютные оценки: эстетические, основанные на синтезе сенсорных и психологических; этические, подразумевающие нормы.

III группа – рационалистические, связанные с практической деятельностью: утилитарные, нормативные, телеологические.

Другую классификацию предложил Х. фон Вригт. Его классификация основана на видах объектов и семантики сочетаний со словом «хороший». Он предложил 6 форм «добра»: добро инструментальное, добро техническое, добро утилитарное, добро медицинское, добро гедонистическое, добро человека.

Как можно видеть, анализ оценки в лингвистическом плане также опирается на понимание субъективного и объективного аспекта значений оценочных слов и высказываний в их соотношении. Общая оценка представляет собой своего рода баланс положительных и отрицательных качеств, как и всякий баланс, она достигается соотношением количеств. Чтобы вывести общую оценку, нужно перевести количество в качество, т. е. приписать разным свойствам, отношениям, фактам, обстоятельствам то или иное число очков или баллов в соотношении с прецедентом принятым в данной системе [1, с. 30].

Общая положительная оценка объекта может быть снижена дефектами: *Klein aber fein* (мал, да удал) – удал, да уж очень мал. Положительная оценка снижена дефектом размера. Однако общая отрицательная оценка объекта не исключает плюсов. *Мал, да уда; хоть и мал, да удал.*

Нередко оценивание человека происходит на уровне обыденного сознания. Обыденное сознание, так же, как и научное знание, направлено на осмысление реальной действительности и является ее отражением. Однако это отражение специфично. Оно строится не столько на рационально-логической основе, сколько на эмоциональном восприятии действительности. Будучи одним из аспектов национальной культуры, это отражение носит интегральный характер, является способом приобщения члена данной общности к национальной культуре. В обыденном сознании универсальные оценочные категории реализуются вместе с проявлениями национальной психологии, национального видения мира. Посредством преломления через национальную психологию и культуру они приобретают ценностную значимость и эмоциональную окрашенность. Названная специфика преломления этих категорий находит отражение и

выражение в языке оценочных классах его лексики. При изучении языковой оценки человека осуществляется попытка осмысления и описания фактов обыденного сознания и национально-образного мышления в универсальных категориях познания. Все они представлены в языке в значениях лексических единиц и воссоздают фрагмент картины мира в сознании языковой личности. На основе сопоставления языковых фактов уточняются системные отношения оценочной лексики.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка События. Факт. – М., 1988.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.
3. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М., 1970.

Пивоварчик Т.А.

*Гродненский государственный университет
имени Я. Купалы
(Гродно, Беларусь)*

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРСОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Статья посвящена явлению избыточной манифестации персональных значений формами личных окончаний глаголов и личных местоимений. Такая избыточность может стать причиной специализации местоимений на выражении вторичных коммуникативных функций.

Категория лица местоимений и глаголов при ее реализации в высказывании отражает коммуникативный тип семантики персональных отношений – ‘лицо с точки зрения его роли в речевом акте’. На этом типе семантики основано выделение в лингвистических исследованиях функционально-семантической и коммуникативной категорий персональности, проявляющихся на морфологическом и синтаксическом языковых уровнях.

Речь прежде всего идет о словоизменительной категории лица глагола, обозначающей «отнесенность действия к его субъекту (действующему лицу) в одной из коммуникативных позиций: говорящего, адресата или объекта речи» [Химик, 1990, с. 19]. Объективная

сторона категории лица глагола позволяет обозначать ее как категорию синтаксическую, предикативную, а субъективная сторона определяет ее локативный, дейктический характер – способность «стратифицировать денотат предложения относительно говорящего» [Мартынов, 1982, с. 116-117]: «в высказывании совершается соотнесение, своего рода приспособление, «подгонка» двух миров: мира объективной действительности и субъективного мира участников коммуникации» [Норман, 1999, с. 204]. Та же субъективность свойственна и классифицирующей категории лица местоимений, в силу чего описать достаточно точно категорию лица у глаголов и местоимений с точки зрения только когнитивного подхода оказывается невозможным: в ней первично коммуникативное значение, как более важное, чем когнитивное, поскольку формулировка значений большей части местоимений будет неполной вне фиксации отношения между говорящим и конкретным высказыванием с этой языковой единицей [Ревзин, 1978, с. 138].

Личные местоимения по отношению к личным формам глагола занимают менее важную позицию в выражении персональных значений, так как «в сочетании личных местоимений с соответствующими формами глагола ... мы фактически имеем дело с глагольной категорией лица, которая избыточно манифестируется формами личных окончаний и личных местоимений» [Мартынов, 1982, с. 115], однако роль местоимений возрастает при формах прошедшего времени и сослагательного наклонения.

Существует и противоположная точка зрения на соотносимость личных местоимений и личных форм глаголов: «Глагольное лицо... является не доминирующей, а подчиненной синтагматически выявляемой категорией, в обычном случае лишь дублирующей информацию, передаваемую местоименной или же субстантивной лексемой <...> Господствует не глагол, а имя» [Клобуков, 2001, с. 109]. Наш языковой материал показал, что избыточность нередко становится причиной специализации местоимений на выражении не первичных, а вторичных коммуникативных функций.

Вероятно, следует говорить о распределении между личными формами глаголов и личными местоимениями функционально-смысловой нагрузки в высказывании. В значениях личных местоимений (прежде всего я и ты) коммуникативная семантика – информация о их соотнесенности с говорящим или слушающим – оттесняется

на задний план, а центральное место занимает специфичная денотативная отнесенность местоимений, различающихся уровнем характеристики актанта ситуации: они «сами не раскрывают заданной характеристики, а только отсылают к тому элементу ситуации или контекста, через который можно получить недостающие сведения, либо указывают на отсутствие необходимых сведений у говорящего или на то, что по той или иной причине они не будут сообщены слушателю» [Елисеева, 1987, с. 80]. С такой точки зрения в местоимениях я и ты представлен высший уровень характеристики – информация об индивидуализированном представлении актанта ситуации: актант как индивидуальность, личность (в ее единичности), хотя при этом и не раскрываются какие бы то ни было свойства личности.

А.М. Пешковский присутствие я при личных глаголах рассматривал как норму для русского языка, хотя и указывал на их «ненужность» и на то, что, вставляя их, мы получаем речь более вялую, «разжиженную», спокойную [Пешковский, 1956, с. 184-187]. В.В. Виноградов подчеркивал, что в книжных стилях сочетание глагольной формы 1-го лица и личного местоимения нейтрально и нормативно, в то время как в разговорной речи преобладают предложения без местоимений [Виноградов, 1986, с. 374-375]. Пропуск я вносит в русские высказывания разговорного стиля динамизм, делового стиля – категоричность. Лингвисты отмечают связь употребления я не только со стилевой принадлежностью высказывания, но и с его модальной перспективой: «Появление местоимений при глагольных формах 1-го лица определяется модальными характеристиками высказывания <...> связано с большей или меньшей степенью уверенности говорящего в истинности/неистинности высказывания с сопутствующим модальным значением огорчения, иронии...» [Вольф, 1974, с. 30].

В то же время употребление «я» вызывает и прагматические эффекты, так как на первый план выдвигается говорящий с его интенциями. Избыточная манифестация значения 1-го лица личными окончаниями и личными местоимениями в русских и белорусских формулах приводит к перераспределению функциональной нагрузки «тождественных» форм. И если глагольная форма сохраняет «прагматический нейтралитет» и продолжает выполнять свою основную семантико-синтаксическую функцию, то местоимение «я» оказывается более чувствительным к речевой ситуации и становит-

ся активным в своих вторичных функциях: «подчеркивание личности говорящего», «нескромное самовосхваление», «акцентирование внимания на информации о говорящем», «противопоставление действиям других лиц» [Шелякин 1986, с. 21].

Противоположное явление – отсутствие личного местоимения – делает речевое действие как бы «обезличенным», в меньшей степени соотносимым с личностью адресанта, позволяет говорящему избежать нескромности, в ситуации неравенства ролей собеседников – нивелировать различия, если они не в пользу адресата. Систематическая элиминация агентивного местоимения, затушевывание «я» в высказываниях может рассматриваться как тактический прием говорящего, чтобы представить себя и адресата как равных субъектов. Употребление местоимения «я» в значении ‘тот, кто говорит; субъект речевой деятельности’ оказывается связанным с той ситуационной ролью, которую в каждом случае выполняет говорящий, и с наложением иерархии коммуникативных ролей на иерархию ролей ситуационных.

Таким образом, несмотря на то, что с точки зрения языковой системы наиболее удачный (экономный, ясный) способ самообозначения говорящего – личное местоимение «я» (т.к. оно прямо предназначено для референции адресанта), в высказываниях говорящий часто отказывается от местоимения я и выбирает языковые средства, указывающие на него (говорящего) опосредованно: личные глаголы, лексемы с референцией к говорящему, притяжательные местоимения и т.д.

Такой выбор объясняется тем, что, хотя в языке местоимение «я» не имеет субъективно-модального значения, в речи оно становится центром субъективности: «я» в формуле актуализирует индивидуально-личностные свойства говорящего (указывает на человека не в общем, а в частном значении, подчеркивает субъективность высказываемого мнения и во многих контекстах оказывается каузально связанным с высокой степенью личной ответственности адресанта за его речевые поступки.

Литература

1. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
2. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. – М.: Наука, 1974. – 224 с.

3. Елисеева А.Г., Селиверстова О.Н. Семантическая структура местоименного значения // Вопросы языкознания. – 1987. – № 1. – С. 79-92.

4. Клобуков Е.В. О соотношении центра и периферии в функционально-семантическом поле персональности // Традиционное и новое в русской грамматике. – М.: Изд-во «Индрик», 2001. – С. 107-118.

5. Мартынов В.В. Категории языка. – М.: Наука, 1982. – 192 с.

6. Норман Б.Ю. Лицо и другие грамматические категории глагола // Personalität und Person. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1999. – P. 203-233.

7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

8. Ревзин И.И. Структура языка как моделирующей системы. – М.: Наука, 1978. – 214 с.

9. Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 182 с.

10. Шелякин М.А. Русские местоимения (Значение, грамматические формы, употребление). – Тарту, 1986. – 99 с.

Пупышева Е.Л.

Елабужский институт КФУ

Родионова А.П.

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1»

(Елабуга, Татарстан)

МЕТАПРЕДМЕТНЫЙ ПОДХОД НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АСПЕКТ

В современной системе образования широкое распространение получили такие понятия, как метапредмет, метапредметное обучение, метапредметный подход и т.д. в связи с существенными изменениями в образовательном процессе и введением Федерального государственного образовательного стандарта (далее ФГОС). Вопросы метапредметного содержания стандартов второго поколения обозначены в работах Н.И. Аксеновой «Метапредметное содержание образовательных стандартов», А.Г. Асмолова «Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли», Н.В. Громыко «Мыследеятельностная педагогика и новое со-

держание образования. Метапредметы как средство формирования рефлексивного мышления у школьников», А.В. Хуторского «Метапредметное содержание и результаты образования: как реализовать федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС)» и др.

«Метапредметные образовательные результаты учеников теперь предлагается обеспечивать, проверять и оценивать каждому учителю, начиная с начальной школы. Но как это делать, стандарты не сообщают» [Хуторской, 2012]. Все это свидетельствует о том, что анализ сущности метапредметного подхода сегодня рассматривается как одна из основных проблем науки, изучение которой далеко не закончено. Под метапредметным подходом мы понимаем универсальный подход, обеспечивающий переход от существующей практики дробления знаний на предметы к целостному образному восприятию мира, к метадеятельности. Следовательно, метапредметный подход, во-первых, предполагает, что ребенок не только овладевает системой знаний, но и осваивает универсальные способы действий и с их помощью сможет сам добывать информацию о мире. Во-вторых, метапредметный подход ориентирован на метапредметные (компетентностные) результаты образовательной деятельности, т.е. такие способы деятельности, которые применяются как в рамках образовательного процесса, так и при решении проблем в реальных жизненных ситуациях, освоенных обучающимися на базе одного, нескольких или всех учебных предметов.

Безусловно, особое место отводится русской словесности как метапредмету, ибо русский язык как школьный предмет выполняет особую роль, являясь не только объектом изучения, но и средством обучения всем школьным дисциплинам. Родной язык – это основной канал социализации личности, приобщения ее к культурно-историческому опыту человечества. Метапредметные образовательные функции родного языка определяют универсальный, обобщающий характер воздействия предмета «Русский (родной) язык» на формирование личности ребёнка в процессе его обучения в школе. Основная проблема, стоящая перед учителями русского языка и литературы на современном этапе, заключается в следующем: как развивать метапредметные универсальные учебные действия (УУД) у учащихся? Как достичь необходимых метапредметных результатов?

Для формирования метапредметных УУД на уроках русского язы-

ка необходимо, по нашему мнению, применять такой вид работы, как групповая форма обучения. Примером групповой работы может служить «Мозаичная группа». Так, тему «Правописание гласных в корне», повторяемую в 10 классе в процессе подготовки к ЕГЭ по русскому языку, можно разбить на следующие части: безударные проверяемые гласные, безударные непроверяемые гласные, чередующиеся гласные, буквы *ё* после шипящих, буквы *и, а, у* после шипящих, буквы *и\ы* после *ц*. Соответственно каждая из групп получает свою подтему для ознакомления и изучения.

Проектная и исследовательская деятельности – действенное средство формирования универсальных учебных действий. В процессе этих видов деятельности у учащихся формируется весь спектр метапредметных УУД: коммуникативные (развитие навыков работы в группе, воспитание толерантности, формирование культуры публичных выступлений), регулятивные (овладение навыками самоорганизации, умение ставить перед собой цели, планировать и корректировать деятельность, принимать решения; нести личную ответственность за результат), познавательные (познание объектов окружающей реальности; изучение способов решения проблем, овладение навыками работы с источниками информации, инструментами и технологиями). Реализация метода проектов ведет к изменению позиции учителя: из носителя готовых знаний он превращается в организатора познавательной, исследовательской деятельности учеников.

Например, в 6 классе после изучения темы «Лексическое и грамматическое значение слова» (раздел «Словообразование») можно учащимся предложить проект: «Дети создают слова». Ученики вспоминают и записывают свои детские слова (помогают родители) или слова своих младших братьев и сестер, или находят такие примеры в интернете. Цель работы состоит в том, чтобы осознать, что все слова в нашем языке строятся по законам русского словообразования, что малыши, придумывая слова, используют «родные» приставки и суффиксы.

Важнейшую роль в формировании метапредметных УУД имеет комплексная работа с текстом. Особое внимание в этом случае следует обратить на составление граф-схем, сводных таблиц. Систематически на уроках русского языка в 5-6 классах целесообразно использовать такое средство формирования УУД, как создание учащимися

литературных произведений (сказок, рассказов, басен, баллад), в том числе и лингвистических. Например, ребятам можно предложить следующие виды лингвистических сказок: сказка-спор («Служебные слова»), сказка о добром помощнике («Сказка о девочке Люсе и безударных гласных»), сказка-проделка («Проделки наречий»). В методическом журнале для учителей-словесников «Русский язык в школе» представлены примеры лингвистических сказок, сочиненных учащимися [Снытко, 2013, с. 37].

К средствам, формирующим универсальные учебные действия на стадии рефлексии, помогающим творчески интерпретировать информацию, относятся: написание эссе, составление телеграммы, памятки, инструкции, стихотворение по алгоритму, письмо по кругу, синквейн.

А.И. Хрущева приводит пример синквейна по сюжетным рисункам на тему «Как я однажды помогал маме» из учебника русского языка для 6 класса под редакцией М.Т. Баранова, Т.А. Ладыженской и др.:

Кот.

Приставучий, надоедливый.

Вертится, мяукает, выпрашивает еду.

Кто виноват, что банка разбилась?

Я не виноват [Хрущева, 2006].

Таким образом, реализация метапредметного подхода на уроках русского языка можно осуществить на основе групповой формы работы, проектной деятельности, комплексной работы с тестом, способствующих формированию метапредметных знаний по русскому языку и развитию метаумений самостоятельно приобретать знания, применять их на практике для решения разнообразных задач, работать с различной информацией, анализировать, обобщать, аргументировать, самостоятельно критически мыслить, искать рациональные пути в решении проблем, возникающих в процессе обучения русскому языку.

Литература

1. Аксенова Н.И. Метапредметное содержание образовательных стандартов // Педагогика: традиции и инновации: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, октябрь 2011 г.). Т.1.– Челябинск: Два комсомольца, 2011. – С. 104-107.

2. Асмолов А.Г. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя / Под ред. А.Г. Асмолова. – М.: Просвещение, 2008. – 151 с.

3. Громыко Н. \В. Мыследеятельностная педагогика и новое содержание образования. Метапредметы как средство формирования рефлексивного мышления у школьников. [Электронный ресурс]. – URL: <http://1314.ru/node/24> (дата обращения 15.10.2014).

4. Снытко Г.М. Дети сочиняют лингвистические сказки // Русский язык в школе. – 2013. – № 6. – С. 65.

5. Хрущева А.И. Освоение синквейна // Русский язык. – 2006. – № 18. [Электронный ресурс] – URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200601805> (дата обращения 4.10. 2014).

6. Хуторской А.В. Метапредметное содержание и результаты образования: как реализовать федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) // Интернет-журнал «Эйдос». – 2012. – №1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eidos.ru/journal/2012/0229-10.htm> (дата обращения 20.10.2014).

Разживин А.И.

*Елабужский институт КФУ
(Елабуга, Татарстан)*

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА И ПРЕДРОМАНТИЗМА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII-НАЧАЛА XIX ВЕКА

Историко-литературный процесс России последней четверти XVIII – начала XIX веков определяют в своем взаимодействии сентиментализм и предромантизм.

Оба эти направления связаны, каждое по-своему, с преобразующей ролью философии сенсуализма (в системе «человеческая личность – человеческое чувство»), и, как определил в свое время В.А. Западов, со складывающимися новыми представлениями об «объективной чувственности» мира [Западов, 1995]. Именно благодаря этим представлениям становится возможным и развитие иных представлений о соотношении рационального и эмоционального начал в искусстве, словесности и познании мира. В основе системы сентиментализма лежит понятие «чувствительности» как основы и познания мира и

его преобразования через искусство. «Чувствительность» через традиции европейского литературного движения понимается при этом как «возбужденное внешним миром движение души к сострадательности» [Кочеткова, 1994, с.18-20]. С этим связано новое понимание Природы и феномена Добродетели во внутреннем мире человека.

В предромантизме центром системы становится понятие «личностной рефлексии» (на языке философской лирики – «священная меланхолия», как ее определяет в одноименном стихотворении (1802) Николай Карамзин). Это как бы промежуточное звено между «чувствительностью» сентиментализма и «психологизмом» романтизма. Комплекс тем и мотивов оказывается связан, прежде всего, с культивированием «мечты» и «гения». Символический образ мечты обуславливает в предромантизме отличный от романтизма оптимистический гуманистический пафос («мир как Чудо»); через превознесение личности как Гения намечается новый интересный выход к философско-эстетическим представлениям о «беспредельности» мира.

Сентиментализм и предромантизм связаны (в т.ч. и в интересующей нас литературно-культурной ситуации России) с новыми представлениями об историческом процессе и решающей роли духовно-нравственной его составляющей. В журнальных эссе 1770-1800-х годов частотны размышления о национальной истории как истоке «пленительной унылости» и средоточии «чувствительной добродетели». Зачинателями складывающейся традиции нового историзма выступают в это время именно писатели сентименталистско-предромантической ориентации: М.М. Херасков («Россияда»), М.Н. Муравьев («Разговоры в царстве мертвых»), Н.М. Карамзин (от «чувствительных» повестей образца «Натальи, боярской дочери» – к «Истории Государства Российского»). Весьма велико было при всем этом значение вновь открытой древнерусской житийной традиции и фольклора.

Наконец, сентиментализм и предромантизм в русской словесности объединены рядом смежных, «переходных» явлений. Одним из ярких примеров может служить так называемая «меланхолическая школа» в русской философской лирике рубежа XVIII – XIX веков, школа, благодаря которой во многом сложился первый русский романтик (равно как и один из последних предромантиков) – В.А. Жуковский.

Говоря о единой системе взаимодействующих сентиментализма и предромантизма, принципиально важно также иметь представления и о вариантах их соотношения с точки зрения различных концепций научной мысли XIX – начала XXI веков.

К настоящему времени научная мысль располагает следующими основными концепциями:

1) Смешение понятий «сентиментализма», «предромантизма» (а зачастую и «романтизма») вследствие теоретической непроясненности их сути – особенно в литературоведении конца XIX – начала XX веков [Веселовский, 1999];

2) Рассмотрение европейского предромантизма как общеродового явления, одним из видов которого выступает сентиментализм, в частности – в России (истоки – в исследованиях Поля ван Тигема [Tieghem van P., 1924]). Примечательно суждение Г.Грасгоффа: «Сентиментализм – своеобразная «составляющая часть» романтизма и, в первую очередь, так называемого преромантизма» [Grasshoff, 1963, p.558-559]). В отечественной науке рубежа XX-XXI веков заслуживает в этом плане внимания гипотеза А.С. Курилова, согласно которой классицизм (еще в середине XVII века – в Европе) «взламывается» изнутри фольклорными изысками готовящегося романтизма, а затем уже «...сентиментализм [...] возникает после романтизма» [Курилов, 2001, с.53-54], причем вначале формируется на предшествующей базе так называемый «сентиментальный классицизм»;

3) Признание фактической тождественности сентиментализма и предромантизма в литературном процессе (в первой половине XX века – работы: Г.А. Гуковского, Д.Д. Благого, Л.В. Пумпянского; в Европе – Х.Небель [Nebel, 1967]; одна из «иллюстраций» – гипотеза о «сентименталистской» (равно «(пред)романтической») природе учения Руссо);

4) Утверждение переходного и кризисного характера феномена предромантизма, выступающего неким «антидотом» на пути движения историко-литературного процесса от сентиментализма к реализму (при склонности к декадансу, эпатированию идей Просвещения и становящихся романтических мотивов и пр.) [Тураев, 1983]).

5) Идея о «суверенном бытии» предромантизма, при одновременном признании его ведущей роли на переходе:

а) от барокко и классицизма [Западов, 1995; Сазонова, 1991; Шарыпкин, 1972];

б) от Просвещения (как и при «отталкивании» от него) [Schröder, 1996];

в) к неоклассицизму и в переплетении с последним [Drage, 1978; Кузьмина, 2001];

г) к романтизму и далее – к реализму [Архипова, 1978].

К настоящему времени все более актуализируется и активизируется русло научных гипотез, связанное с представлением о параллельном сосуществовании сентиментализма и предромантизма, при более четко намечающейся тенденции влияния первого на второй.

Более чем убедительными примерами могут служить работы отечественных и зарубежных исследователей [Вацуро, 1994; Вершинин, Луков, 2002; Западов, 1995; Кочеткова, 1994; Кулакова, 1968; Лазарчук, 2000; Левин, 1980, 1990; Назаретская, 1969; Сионова, 1999; Пашкуров, 2004; Суханек, 1990]. Полную библиографию проблемы по состоянию на 1990-е годы дает во введении к своей монографии «Литература русского сентиментализма» (1994) Н.Д. Кочеткова [Кочеткова, 1994].

Достаточно интересно проявляется проблема «со-влияний» сентиментализма и предромантизма и на жанровом уровне. Некоторые общие закономерности картины интересно прослежены у Ч.-Л. Дрейдж: «В периоды сентиментализма и предромантизма содержание поэзии приобрело большее значение, чем ее форма <...>, а сами жанры, трансформируясь, имея тенденцию к «упрощению» <...> и психологизации одновременно, значительно отходят от регламентированных устоев <...>. Песня, «отрывок», анакреонтея, элегия – вот наиболее значимые из «удержавшихся на плаву» и успешно «модернизировавшихся»...» [Drage, p.1978]. Тем не менее, в жанровой картине сентиментализма и предромантизма можно увидеть существенные различия. В сентиментализме сохраняется «чистота» жанра, распространение получает путешествие, чувствительная повесть, пастораль, элегия, идиллия. У предромантиков доминируют баллады, сказки, богатырские повести, «народные» песни, комические оперы, романы ужасов. Намечается смешение родовых и жанровых признаков, поэзии и прозы.

Сентиментализм остается тесно связанным с просветительским движением и составляет его поздний этап. Предромантики не порывают с просветительством, но порой в их творчестве возникают сомнения в достижимости просветительских идеалов, отсюда на-

мечается двоemiрие, критическое осмысление нравственно-этических проблем современности. Бесспорны факты влияния на сентименталистско-предромантическую область предшествующих литературно-философских традиций (например, отражение в сентименталистском культе «высокой Добродетели» просветительской идеологии или реликты барокко в предромантической философии Гения). Учитывая все это, мы придерживаемся точки зрения о взаимодополняющем сосуществовании сентиментализма и предромантизма как современных друг другу, но и самостоятельных явлений историко-литературного процесса.

В отношении к «русскому материалу» большинство ученых склонно утверждать несколько более поздний приход предромантизма в отечественную словесность: если сентиментализм зарождался уже в 1760-е годы, то предромантизм – не ранее конца 1770-х – начала 1780-х годов.

Литература

1. Западов В.А. Литературные направления в русской литературе XVIII века. – СПб., 1995.
2. Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. – СПб., 1994.
3. Tieghem van P. Le preromantisme. Etudes d'histoire litteraire Europeene. – Paris, 1924.
4. Grasshoff H. Zur Rolle des Sentimentalismus in der historischen Entwicklung der russischen und der westeuropäischen Literatur / H.Grasshoff // Zeitschrift für Slavistik. – Berlin, 1963. – Bd. VIII.
5. Курилов А.С. Классицизм, романтизм и сентиментализм (К вопросу о концепциях и хронологии литературно-художественного развития) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. – Самара, 2001.
6. Nebel H.M. N.M.Karamzin: A Russian sentimentalist. – The Hague, Paris, 1967.
7. Тураев С.В. От Просвещения к реализму (Трансформация героя и изменение жанровых структур в западноевропейской литературе конца XVIII – начала XIX веков). – М., 1983.
8. Западов В.А. Литературные направления в русской литературе XVIII века. – СПб., 1995.

9. Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII вв.). – М., 1991.
10. Шарыпкин Д.М. Скандинавская тема в русской романтической литературе // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. – Л., 1972.
11. Schröder W. Die Präromantiktheorie – eine Etappe in der Geschichte der Literaturwissenschaft? // Weimarer Beiträge. – 1966.
12. Drage C.L. Russian Literature in the Eighteenth Century. Introduction for University Courses. – London, 1978.
13. Кузьмина Е.И. Неоклассицизм как литературно-эстетическое явление рубежа XVIII – XIX веков: Дис. ... канд. филол. наук. – Оренбург, 2001.
14. Архипова А.В. О русском предромантизме // Русская литература. – 1978. – № 1.
15. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». – СПб., 1994.
16. Вершинин И.В., Луков В.А. Предромантизм в Англии. – Самара, 2002.
17. Кулакова Л.И. Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века. – Л., 1968.
18. Лазарчук Р.М. Литературная культура последней трети XVIII века. – СПб., 2000.
19. Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе: конец XVIII – первая треть XIX веков. – Л., 1980.
20. Левин Ю.Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма // Восприятие английской литературы в России. – Л., 1990.
21. Назаретская К.А. Литературно-художественные взгляды и творчество масонов в их значении для формирования сентиментализма и предромантизма // Вопросы романтизма. – Казань, 1969. – Вып. IV.
22. Suchanek L. Preromantyzm w Rossji. – Krakow, 1990.
23. Сионова С.А. Поэзия М.Н. Муравьева (К проблеме становления предромантизма в русской литературе второй половины XVIII века). – Елец, 1995.
24. Пашкуров А.Н. Категория возвышенного в поэзии русского сентиментализма и предромантизма: эволюция и типология. – Казань, 2004.

25. Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика: моногр. / Федосеева Т.В., Моторин А.В., Разживин А.И., Пашкуров А.Н. и др. – Рязань: РГУ, 2012.

26. Еременко Л.И. Поэзия И.И. Дмитриева. – Л., 1983.

27. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». – М., 1999).

Разживина А.А.

*Елабужский институт КФУ
(Елабуга, Татарстан)*

МОДА СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В РАССКАЗЕ А.А. ФЕТА «СЕМЕЙСТВО ГОЛЬЦ»

Костюм во все времена – одно из важнейших средств характеристики литературных персонажей. Он определяет не только эпоху и социальное положение, но и характер, вкусы, привычки. Художественные тексты изобилуют предметами, вышедшими из обихода, характерными только для определенной культуры или определенной эпохи. Вещи, неизменно присутствующие в человеческой реальности, становятся одной из составных частей реальности художественно претворенной.

Вещи становятся косвенными знаками эволюции или же деградации персонажа. Деградация фетовского персонажа – ветеринара Гольца («Семейство Гольц»), дается в числе прочего и через образ его платья: *«Зимой и летом неизменным костюмом знакомого незнакомца была камлотовая, когда-то коричневая, теперь совершенно серая, под цвет заборов, шинель и грязным блином лежащая на голове фуражка, из-под которой дикими, нечесаными завитками вырывались черные, с легкой проседью, волосы»* [Фет, 1982, с.562]. Камлотовая шинель – это верхняя, уличная одежда мужчины. Если сегодня шинель – непременно форменное пальто, то в старину она могла быть и обычной суконной верхней одеждой, не связанной с военной или гражданской службой. В русской литературе мы замечаем шинели не только на военных и чиновниках. В шинели одеты и Евгений Базаров, и художник Чертков в «Портрете» Гоголя, и даже на Чичикове «шинель, как на больших медведях».

Понятия «шинель» и «пальто» (как верхняя уличная одежда) в русской дореволюционной литературе четко не разграничиваются.

В шинелях ходили торговцы, в пальто – офицеры, в частности у Куприна. Камлотовая шинель означает шинель, сшитую из камлота – дешевой, грубой хлопчатобумажной или шерстяной ткани, чаще из черных и коричневых нитей. Из камлота шили мужскую крестьянскую одежду.

Именно выцветшую камлотовую шинель упоминает Фет в рассказе «Семейство Гольц», тем самым показывая социальный и духовный уровень Гольца, не способного на развитие, загубившего своей невозмутимой статичностью жизнь молодой супруги. Герой обезличен, поэтому автор так часто использует приём сравнения, сопоставляя героя вещи. Пьянство и равнодушие превращают «черного, как смоль господина» в «серую, под цвет заборов шинель».

Фет, подобно Гофману, «расчеловечивает» Гольца, низводит его до вещи. Эту мысль подтверждает и портретное описание персонажа: *«Широкое, скулистое лицо с черными нависшими бровями, носом пуговицей, широкими плоскими губами, крепко сложенным ртом и худо выбритым подбородком, постоянно выражало какое-то презрительное неудовольствие. Кроме этого выражения, лицо это представляло сплюснутость каучуковой кукольной головки, которую придавили пальцами»* [там же, с.564]. Все в нем неживое искусственное: нос-пуговица, каучуковая кукольная головка вместо лица. Нет описания деталей портрета (глаз, выражения лица, жестов), которые бы говорили о духовности человека, его индивидуальности.

Рассказ А.А. Фета контрастен: в противоположность Гольцу предстаёт описание его жены Луизы – это динамичный, развивающийся персонаж. Всё в ней удивляет: и воздушное белое платье на балу, и ветка плюща, которая служит олицетворением жизненной силы растений, выступает воплощением верности, любви и дружбы. Основными значениями плюща в словаре символов являются бессмертие, постоянное возрождение, вечная жизнь, воскресение из мёртвых; а также жизнь, развитие, рост, жизненная радость [Тресиддер]. Луиза как будто человек из будущего, это проявляется и в том, что она одна из первых шьет белье по модным выкройкам, ходит в узком платье, «не соответствующем тогдашней моде». Мода на узкие платья появится значительно позже, Луизу же можно назвать новатором данного стиля. Даже в старости она стремится к обновлению: *«Старушка сразу бросилась в глаза своей щепетильной опрятностью. Такая она была чистенькая, начиная с белоснежного тюлевого чепца до серень-*

кого платья, обрамленного безукоризненно свежими воротничком и рукавичками. Крайняя худощавость старушки, резко обозначенная узким, вопреки тогдашней моде, платьем» [Фет, 1982, с.570]. Однако стоит отметить тот факт, что в середине XIX века большую роль в женском туалете играли детали. Платья дополнялись шальями, тюлями, муфтами, накладными воротничками, боа из перьев меха, веточками растений.

Важную роль в произведении играет описание аксессуаров, головных уборов, которые как ничто иное, могут охарактеризовать своих обладателей.

В портретном описании Луизы просматриваются тонкий лиризм, яркая неожиданная образность, обыкновенно отличающие поэзию Фета: «На голове была тоже легкая ветка плюща, спускавшая подвижные концы свои на плечи маленькой феи» [там же, с.572]. Эта нежность, трепетность сохранилась и в облике уже замужней героини: «Такая она была чистенькая, начиная с белоснежного тюлевого чепца до серенького платья...» [там же, с.602]. Чепчик становится в определенной степени символом нового положения женщины в обществе – замужней дамы. Дело в том, что замужество в конце XVIII начале XIX веков сопровождалось некоторыми изменениями в гардеробе. Примером этому может служить выдержка из письма современницы Пушкина М. А. Волковой: «У матушек страсть выдавать замуж дочерей, хорошо ли, худо ли – лишь бы только пристроить, а дочки всячески стараются надеть чепчик, что зачастую дорого им обходится» [Фарино, 2004, с.89]. В пушкинской графике часто встречаются рисунки, изображающие знакомых поэту женщин в чепчиках: это либо пожилые дамы, либо молодые – в интимном утреннем наряде. Когда в деревню приехал Онегин, на матушке Татьяны Лариной мог быть надет парадный чепец а lavielle – «старушечий» – обычной круглой формы, с оборочками, большим бантом под подбородком. Несколько по-иному выглядел головной убор «тетушки княжны Елены». Ее тюлевый чепец – это и дань модам молодости и свидетельство уже немолодого возраста.

Тюлевый чепец Луизы, можно было бы принять за свидетельство немолодого возраста («Старушка сразу бросилась в глаза своей щепетильной опрятностью...»), если бы не рассказ Рыбниковой: «Вы не знаете, какая примерная женщина эта, как вы ее называете, старушка Гольц. Сколько я выстрадала, глядя на ее безотрадную жизнь.

<...> Мне сорок пять, а *madame* Гольц тридцать пять, потому что она ровно на десять лет моложе меня» [Фет, 1982, с.605]. Раннее старение героини отнюдь не связано с физиологическим процессом, напротив, – с тяжёлым супружеством и постоянными стрессами. Однако Луиза, утратив молодость и свежесть, продлила свою жизнь любованием за модницей дочерью: «Густые, золотистые волосы, с едва заметным отблеском красноты, двумя тяжелыми косами падали ей за плеча. Едва ли не вся прическа была совершена без помощи зеркала, а между тем можно было сказать без преувеличения, что сами грации убирали эту головку. Видно было, что волосы, по густоте своей, противясь действию гребня, сначала пышно поднимались на лбу и прозрачных висках и затем уже следовали по указанному пути, оставляя у корней своих воздушные, едва заметные колечки. Всю головку девушки окружал какой-то светящийся нимб, и мне никогда не случалось видеть такого живого воплощения перуджиновского идеала» [Фет, 1982, с.603]. Образ Лизы «под единственным итальянским окном комнаты» казался автору чистым воплощением искусства в стиле Рафаэля, в перуджиновском стиле (Перуджиновский принцип упрощения и закономерности был важным фактором накануне классического искусства, картины художника, по определению Вёльфлина, – это «полное спокойствие, тихие линии, благородная архитектура с широким видом вдаль, красивая линия гор на горизонте, чистое небо, безмолвие ...» [Федосюк, 2001, с.76]).

Лиза произвела неизгладимое впечатление на рассказчика, после встречи «Перуджиновская головка постоянно носилась предо мной на золотом фоне», прелесть «прически» состояла в том, что это не было нагроможденной конструкцией, не сооружением из волос и цветов, или же неестественных локонов, замысловатых буклей и т.д. Автор также отмечает естественную густоту волос, отсутствие шиньона, неприсущее моде того времени (например, отец Кити в «Анне Карениной» говорит о шиньоне: «Она, краснея, потянулась к нему, ожидая поцелуя, но он только потрепал ее по волосам и проговорил: Эти глупые шиньоны! До настоящей дочери и не доберешься, а ласкаешь волосы дохлых баб» [Толстой, 2013, с.175]).

Контрастны дамским предпочтения Гольца – грязная блинообразная фуражка. Еще в начале прошлого века офицеры стали носить фуражки. Прослеживается некоторая связь с фуражом, то есть кормом для коней. Первоначально фуражки, или фуражные шапки, носили

фуражиры – военнослужащие, ведавшие заготовкой фуража. Потом они показались удобными и для других и были введены для всех офицеров. Кавалергарды вне строя носили более простую форму, тяжелую каску заменяла бескозырка. Кутузов во время Бородинского сражения изображен в «Войне и мире», как и на всех исторических картинах, «в белой кавалергардской, с красным околышем и без козырька фуражке», а не в положенной ему по чину шляпе. Это объяснялось старыми ранениями головы. У дворян была особая, форменная фуражка с красным околышем [Фарино, 2004, с.80].

Итак, в рассказе «Семейство Гольц» А.А. Фет, пророчествуя будущее, сообщает о «расчеловечивании» человека. Вещь в произведении занимает более активную позицию, она не только позволяет точнее определить характер персонажей и почувствовать движение сюжета, но и закрывает и без того скудную духовность. Нельзя не заметить симпатии автора к женским образам с созвучными именами (Луиза, Лиза). Фет любит их «чистотой», естественностью, образцовым вкусом; они противопоставлены практичным, «грязным» героям. Однако дамам удаётся оживить вещи, а не сердца «черствеющих» людей.

Литература

1. Толстой Л.Н. Анна Каренина. – М.: Астрель, 2013. – 797 с.
 2. Тресиддер Д. Словарь символов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/16.htm (дата обращения: 07.02.2015).
 3. Фарино Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие. – СПб., 2004. – 375 с.
 4. Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века – М.: Флинта, Наука, 2001. – 264 с.
 5. Фет А.А. Сочинения: в 2-х томах. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1982. – 575 с.
-

Сабирова А.М.*Институт языка, литературы и
искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ
(Казань, Татарстан)***О НАИМЕНОВАНИЯХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ
ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО
ПОЛЯ «НЕЧИСТАЯ СИЛА»**

Исследование фольклорного материала, в частности мифологических персонажей, образов нечистой силы, занимает значительное место в трудах современных филологов. Однако к моменту, когда мифологические образы стали объектом научных исследований, их история насчитывала уже не одно тысячелетие, в течение которой они так или иначе были связаны с жизнедеятельностью человека. Многовековое взаимодействие мира людей и мира мифологических существ на фоне различных социальных, исторических и культурных событий в жизни целых народов и государств вызвало к жизни большое разнообразие терминов – наименований мифологических образов.

Помимо неотъемлемой связи с мифами, легендами, сказками, в которых мифологические образы, так или иначе, находят отражение (данная связь показана, например, в таких наименованиях как: баснословные существа [Коблов, 1910: 2], мифологические существа [Ахметьянов, 1981: 100], мифологема [Питина, 2002: 5], мифологический персонаж [Виноградова, 1995: 86 – 89]), в названиях мифологических существ показана также их принадлежность к миру тёмных сил, враждебных человеку. К таким наименованиям относятся, например, следующие лексические единицы: тат. кара кӧчләр ‘тёмные силы’, тискәре энергия ‘отрицательная энергия’ [Гыйльманов, 1999: 5-7], рус. нечистая сила, злой дух [Зеленин, 1995: 432], демонологема [Кириллова, 2011: 22], представители / существа низшего демонария [Питина, 2002: 25]. В названиях мифологических персонажей указывается время их появления и их связь с миром сверхъестественного, выходящего за рамки обычных явлений. Примерами являются наименования *тәңге рухлар* ‘ночные духи’, *Айтуган* ‘Рождённый при луне’, *тәһлә туган Айтуган* ‘Рождённый ночью при луне’, *сверхъестественное существо* [Коблов, 1910: 2; Ойноткинова, 2012: 46]. Однако одним из наиболее часто встречающихся и привычных вариантов

наименования является термин нечистая сила (далее НС). Причиной широкого распространения данного сочетания является, очевидно, то, что оно наиболее полно отражает отношение человека к феномену сверхъестественных существ, описывает его безотчётный страх, недоверие и отрицательное отношение ко всему необычному и необъяснимому. Таким образом, наличие данного наименования является ключевым при определении лексических единиц (далее – ЛЕ), обозначающих мифологических существ, в лексико-семантическом поле «Нечистая сила» (далее – ЛСП «НС»).

В рамках сравнительно-сопоставительного исследования мифологических образов в татарском и английском языках анализ ЛЕ НС выявил дополнительные наименования, позволяющие существенно расширить набор ЛЕ в анализируемом поле. Согласно определениям в русско-татарских словарях, НС является синонимичным термину «нечистый дух» и определяется как *жен*, *шайтан*, *пәри*. Практически во всех лексикографических справочниках татарского языка данные лексические единицы имеют общую сему *явыз рух / зат* 'злой дух / существо'. В английском языке термин НС определяется как *evil spirit*, который является прямым эквивалентом вышеотмеченного татарского *явыз рух*. Дальнейший анализ семного состава различных образов мифологических персонажей показал, что сема злой дух является общим в большинстве определений. Таким образом, при построении ЛСП «НС», для выделения ядерной и периферийной областей данного поля, общими и ключевыми для объединения лексических единиц являются семы «злой дух, нечистая сила» (в татарском языке – *явыз рух*, в английском – *evil spirit*).

Анализ лексического состава поля по вышеотмеченным параметрам показал, что в исследуемых языках количество ЛЕ, характеризующих данным набором сем, ограничено или незначительно. Однако, согласно последним исследованиям в рамках сравнительно-сопоставительного направления в области мифологии и фольклора татарского, русского, английского и других языков, группа ЛЕ, описывающих нечистую силу, также существенно расширяется за счёт добавления ЛЕ, описывающих сверхъестественных мифических существ, связанных с различными мифологиями, древними религиозными верованиями. Кроме этого, в группу НС также включаются наименования персонажей арабской и других демонологий, сказочных героев, мифических существ, фигурирующих в народных

представлениях, суевериях, предрассудках. Причиной выбора столь широкого круга наименований в рамках исследования ЛСП «НС» послужили результаты исследований, согласно которым в большинстве своём мифологические существа, вера в которых появилась задолго до современных верований, причисляются к злым существами, злым духам, единственной целью которых является причинить вред здоровью человека, его близких, его имуществу. Так, согласно исследованию Ф.И. Урманче, в группу нечистой силы входят наименования божеств, обладающих необычной силой и способностями [Урманче, 2008: 20].

В работе С.А. Питиной к образам «низшего демонария» относятся как обобщающие образы сверхъестественных существ (таких, как «бесы, черти, нежить, нечисть, хозяева, духи, ведьмы, колдуны» в русском языке и «фэйры, эльфы» в английском языке), так и частные образы. К последним относится широкий спектр мифологических персонажей, которые классифицируются по своим локальным признакам. Например, к «духам ближнего пространства», находящимся рядом с человеком, относятся «домашние духи» и «household spirits», привидения, призраки, сверхъестественные существа, выполняющие определенные действия. А «духами дальнего пространства» являются существа, обитающие на природе, например, в воде (водяные, русалки и mermaids 'русалки, сирены', kelru 'келпи, злой дух'), в лесу, на полях, в горах (например, леший, баба-яга и Bigfoot 'большеногий', Dwarfs 'карлики'). К данной группе автор исследования также относит сезонных и временных духов [Питина, 2002: 89-132].

И.В. Кириллова к демонологической лексике помимо общепринятых «языковых единиц, называющих нечистую силу» (например, «чёрт, бес, домовый, леший» и т.д.) относит также слова, называющие антропоморфизированные болезни; номинации людей, связанных с нечистой силой; обозначения магико-ритуальных действий, обрядовых атрибутов, народных названий растений и т.д. [Кириллова, 2011: 22].

Критерии отбора ЛЕ в вышеотмеченных работах позволяет выделить значительное количество наименований, которые объединяются в области «Демонологических существ», «Мифологических персонажей», «Сказочных персонажей», «Языческих божеств», «Магических, мифические животные». Однако анализ семного состава ЛЕ, образующих данные области, выявил, что не все они имеют отношение к

ЛСП «НС». Таким образом, принадлежность к древней мифологии ещё не означает, что мифологические существа, вера в которых появилась во времена язычества, в последующем стали восприниматься нечистой силой и злыми духами. Например, к таким наименованиям относятся Тулпар 'крылатый конь' [Татарско-русский словарь, 2007: 433], Жан 'душа' [Татарско-русский словарь, 2007: 381], Имра 'эльф' [Татарско-русский словарь, 2007: 446] и т.д., в определении которых, помимо сем «мифология, сказки, древние верования», присутствуют и семы «доброе существо; сказочный конь; частичка человека, дающая жизнь; существо, благожелательное к людям».

Таким образом, осуществлённый анализ языкового материала на основе лексикографических и фольклорных источников указывает на то, что определение «злой дух, нечистая сила, злое существо» является ключевым при включении ЛЕ в ЛСП «НС», в частности, к ядерной области поля. Однако данное определение не отражает всю полноту и богатство мифологической системы, в которую также входят образы существ и людей, так или иначе, косвенно связанные с НС или причисляемые к ней. Данные образы могут и не определяться как НС, однако при более глубоком анализе выявляется их сходство с образами НС во внешних чертах, характерных действиях, локативных характеристиках.

Литература

1. Ахметьянов Р.Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1981. – 144 с.
2. Виноградова Л.Н. Словарная форма изучения славянских демонологических поверий // Словарь и культура. – М., 1995. – С. 86-89.
3. Гыйльманов Г. Татар мифлары: иялэр, ышанулар, ырымнар, фаллар, им-томнар, сынамышлар, йолалар. – Казан.: Татар. кит. нәшр., 1999. – 432 б.
4. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.
5. Кириллова И.В. Семантическое поле 'Нечистая сила': лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2011. – 22 с.

6. Коблов Я. Мифология казанских татар. – Казань: Типо-литография Императорского университета, 1910. – 49 с.
7. Ойноткинова Н.Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров: автореф. дис. ... доктора филол. наук: 10.01.09. – Казань, 2012. – 46 с.
8. Питина С.А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. – 191 с.
9. Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 1 (А – Л). – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.
10. Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. 2 (М – Я). – Казань: Магариф, 2007. – 726 с.
11. Урманче Ф.И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сузлек: 3 томда: 1 т. (А – Г) – Казан: Мәгариф, 2008. – 303 б.

Фадеева В.С.

*Елабужский институт КФУ
(Елабуга, Татарстан)*

ЖЕСТ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОРТРЕТА В РОМАНЕ А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»

Внешность человека (портрет) – одно из ключевых понятий в любой культуре: это первый, едва ли не самый знаковый уровень восприятия одним индивидом другого, определяющий возможность вскрыть внутренний потенциал иной личности. Портрет в литературном произведении включает в себя не только описание цвета глаз, формы носа и губ, но и позы, костюма, поведения и психоэмоциональных действий. Все эти элементы дают возможность толковать их, как *«отражение характера данного человека, как отражение его внутреннего состояния в данный момент, как отражение отношения к самому себе, как реакцию на окружающую социальную или естественную среду»* [Фарино, 2004, с.166].

В литературоведении существуют различные виды портретов: портрет-штрих – описание кратких портретных характеристик персонажа (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»), оценочный – содержит авторские оценки (А. Дюма «Три мушкетера»), ситуативный – признаки, которые становятся характерны для персонажа в различных ситуациях (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»), объемный – описание

портрета со всеми его мельчайшими деталями (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»), сравнительный – сравнение портретов друг с другом (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»), статический – стабильное описание внешности в конкретный момент художественного времени (И.С. Тургенев «Ася»), динамический – меняющийся, развивающийся портрет (Л.Н. Толстой «Война и мир») [Малетина, 2006, с.122].

Цель данной статьи – проанализировать особенности динамического портрета в романе А. Белого «Петербург». Белый как модернист обращает внимание на нюансы внешности, которые он передает через жест – это не просто движение, это механизм раскрытия качеств, определяющих тягу человека к тем или иным жизненным ориентирам. Итак, в романе А. Белого «Петербург» возникает динамический (жестовый) портрет, рассматривающий походку, характерные движения, жесты, улыбку изменчивость выражения лица. Язык жестов как неотъемлемую структурно-знаковую часть портрета в данном случае можно рассмотреть как ключ к пониманию психологического состояния литературного героя, реализующуюся в единстве внутреннего и внешнего и предающую динамику поведения, чувств, эмоций и манер.

В романе Андрея Белого «Петербург» динамизм портретирования чувствуется с первых строк романа, где автор практически не использует статичности особенно в отношении описания главных героев. Писатель открыто не показывает внешности персонажей: он умело и точно «раскидал» детали портрета по тексту, не давая их прямого и полного описания. Одного из главных героев романа Аполлона Аполлоновича Аблеухова автор наделил разными видами портретов: детальный, сравнительный, динамичный, оценочный, ситуативный, расположив портреты по всему роману, сохраняя конкретные детали и их смысловую основу. В начале романа мы видим детальную портретную характеристику Аполлона Аполлоновича: «...сенатору только что исполнилось шестьдесят восемь лет; и лицо его, бледное, напоминало и серое пресс-папье (в минуту торжественную), и – папье-маше (в час досуга); каменные сенаторские глаза, окруженные черно-зеленым провалом, в минуты усталости казались синей и громадней» [Белый, 1994, с.10].

Данный портрет создан с помощью деталей и сравнений, которые на протяжении всего романа будут возникать всегда при упомина-

нии об Аблеухове («Аполлон Аполлонович Аблеухов в сером пальто и в высоком черном цилиндре, с каменным лицом, напоминающим пресс-папье, быстро выбежал из кареты и вбежал на ступени подъезда, на ходу снимая черную замшевую перчатку») [Там же, 1994, с. 15]. Изменчивость лица героя (мимика) и характерные жесты позволяют глубже осмыслить психологическое содержание образа. Лицо сенатора – это маска, которая состоит из металла (пресс-папье), бумаги (папье-маше) и камня. Сравнивая маску сенатора с пресс-папье и папье-маше, автор указывает детальные временные рамки, когда лицо Аполлона Аполлоновича похоже на металл и камень, что говорит о непостоянности сенатора, о его жизни по настроению, о его умении приспособливаться к обстоятельствам. Автор, используя в основном мимические жесты, наглядно показывает, что его герой от всех стремится скрыть свои внутренние переживания. Поэтому в большей степени здесь представлены театральные жесты, рассчитанные лишь на публику, так как для сенатора самым важным становится общественное мнение. Герой настолько вошел в роль, что уже и сам, и его близкие не понимают, где настоящий Аполлон Аполлонович.

Герой представлен с очевидной стороны как немолодой, зрелый мужчина и бледность, и провал глаз все это подтверждает, но автор также указывает на каменные глаза сенатора, показывает их тусклость, бесчувственность, безразличие к себе, окружающим, своей семье. Автор сравнивает его глаза с камнем, тем самым приписывая сенатору твердость характера, замкнутость и одиночество. Как известно, глаза – это зеркало души. Но каменные глаза Аполлона Аполлоновича не способны вызвать жалость, любовь, доброту, они не позволяют заглянуть в его душу, делая его отстраненным от окружающих, неспособным чувствовать и сострадать.

В зависимости от душевного состояния героя меняются и жесты: они становятся все менее театральными, хотя, конечно, и не исчезают полностью. Разговаривая с сыном Николаем, Аполлон Аполлонович смягчается, забывает о «приличиях», дает волю эмоциям: «Аполлон Аполлонович, видно, хотел что-то выразить, вероятно, дать словесное объяснение о причинах его появления в этой форме; и еще он хотел задать один вопрос о причине неестественной бледности сына, или хотя бы осведомиться, почему появился сын в столь несвойственный час. Но слова его как-то в горле застряли, и

Аполлон Аполлонович только раскашлялся» [там же, с.109]. Однако подобное пробуждение настоящего, живого, родительского чувства мимолетно, через один миг сенатор устыдился собственных эмоций, о чем свидетельствует напряженно-эмоциональный жест – «раскашлялся». Портретные характеристики и жесты свидетельствуют о том, что Аполлон Аполлонович пытается продемонстрировать окружающими стойкость, равнодушие, абсолютное безразличие к окружающим.

Смятение, жалость и любовь свойственны сенатору. Наглядно это демонстрирует портретная характеристика героя, когда он понимает, что ему грозит смерть: *«лицо его сморщилось и передернулось тиком; судорожно закатились каменные глаза, обведенные синевой; кисти рук, одетые в черную замшу, подлетели на уровень груди, будто он защищался руками. И корпус откинулся, а цилиндр, стукнувшись в стенку, упал на колени под оголенную головой...»* [Там же, 1994, с.21]. Его жесты становятся динамичными эмоционально-напряженными: герой сам становится воплощением ужаса и беспорядка. Центральный жест данного эпизода, демонстрирующий смятение, безусловно, вскинутые руки, выражающие крайнюю степень духовного напряжения, когда чувства и нервы накалены до предела и движущим становится лишь инстинкт самосохранения, желание защитить себя от боли. Вторичность словесного языка проявляется в этом фрагменте, в частности, в том, что отдельная часть человеческого тела (руки) подаётся *«крупным планом, все внимание, весь смысл коммуникативного акта в определенный момент сосредоточивается на них»* [Байбурин, Топорков, 1990, с.26]. Именно в этот момент с героя «слетает» маска заносчивого безразличия и мы понимаем, что у Аполлона Аполлоновича есть шанс на возрождение.

В финале романа перед читателем уже не сановный чиновник, сделанный из камня и металла, а обыкновенный человек, характеристика внутреннего состояния которого вновь передана писателем через интонационный жест *«Аполлон Аполлонович говорил надтреснутым голосом; сына брал иногда двумя пальцами за сюртучную пуговицу: прямо к уху тянулся губами»* [Белый, 1994, с.418]. Именно голос и стремление уже не к официальной близости с сыном, ради приличия, подводит итог семейной истории Абреуховых.

Таким образом, обращая внимание на определенные части тела: руки, спину, голос, изменения лица (мимика), Андрей Белый создает

особый тип динамического (жестового) портрета, жестовые детали в котором служат раскрытию не только внешних качеств героев, но и внутреннего психоэмоционального содержания образа.

Литература

1. Байбурин А., Топорков А. У истоков этикета. – Л.: Наука, 1990. – 165 с.
2. Белый А. Петербург. – М.: Республика, 1994. – 559 с.
3. Малетина О.А. Типология портрета в художественном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2006. – № 5. – С. 122-124.
4. Фарино Е. Введение в литературоведение: Учебное пособие. – СПб.: Издательство РГПУ им.

Фаткулина Р.Ф.

*Удмуртский государственный университет
(Ижевск, Удмуртия)*

ДУХОВНЫЕ АСПЕКТЫ НАШЕГО БЫТИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ И ЯЗЫКОВОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Наибольшее зло сегодняшнего дня – это кризис духовности, кризис сознания, разрушающий личность. Не случайно в русском языке слова «лицо» и «личность» являются однокоренными: лицо есть проекция личности [1; 2; 3]. Именно на личность в наше время обрушился антикультурный натиск с целью переформатировать сознание современного человечества в духе воцаряющегося по всему миру глобализма и постмодернизма с присущими им тенденциями к унификации и обезличиванию всего и вся.

По сути, против человека ведется настоящая информационная и духовная война с подменой христианских понятий и ценностей на антихристианские, с пропагандой либеральных «свобод» и культа телесности: здоровья, достатка, культа еды и культа развлечений. Все это именуют «качеством жизни», намеренно искажая смысл понятий, в сущности, – навязывая идолопоклонство. На самом деле, все перечисленное, к чему неореформаторы так усиленно пытаются приучить современное человечество, является всего лишь «уровнем жизни», но никак не качеством [1]. Настоящее качество жизни для православного христианина – это крепкая, дружная семья, в которой

младшие чтят старших, это хранение веры, любовь к Богу и ближним. Глобалисты-неореформаторы объявляют семью и традиции как нечто отжившее и устаревшее, на их место приходят личное лидерство, необходимость дерзать, быть первым, лучшим. Христианская скромность и послушание высмеиваются, взамен этому через прессу, телевидение, киноиндустрию, рекламу внушается иная модель поведения: дерзкая и бесстыдная. Заметим, что общеславянское слово «стыд» восходит к той же основе, что и «студить». Значение «холод, околечение» перешло в «чувство срама» [2; 7]. В наше время, к сожалению, «околечено» само чувство срама, а понятие «стыд» перешло в разряд атавизмов. Вместо христианской соборности, милосердия и сострадания прививаются конкуренция, погоня за сверхприбылью, за постоянными новыми впечатлениями, новыми вкусами [1; 6]. Добродетель уничижается и возвеличивается грех; служение Богу подменяется служением Мамоне. Между тем, нарушение духовных законов не проходит бесследно: «даже если ребенок дерзнет чуть бесстыдно поговорить с родителями или старшими, – предупредил святой старец Паисий Святогорец, – то его оставляет Благодать Божия, и он принимает бесовские воздействия! А что тогда говорить, если человек делает наглость своим типиконом!» [8]. Из сказанного становится очевидным, какому духовному повреждению подверглось современное человечество и каков должен быть путь его исцеления – восстановление утраченной или разрушенной целостности. Для уврачевания духовных недугов – для изменения порочного образа жизни, человек и человечество в целом должно обратиться к Богу и к Таинствам Православной Церкви. Каково православное понимание духовности? Будучи существом духовно-телесным, человек живет не только телесной, но и духовной жизнью; он живет ей ежедневно, ежеминутно. Другой вопрос, правильную или неправильную духовную жизнь ведет человек. Духовность вообще – это жизнь в некотором духе; православная духовность – это жизнь во Святом Духе. Иными словами, в каком духе живет человек, такую духовность и имеет. Истинная духовность близка Богу, о котором «слово изреченное есть ложь» [9]. Собственная душа открывается человеку, когда он начинает понуждать себя к молитве, то есть устанавливает связь и общение с Богом, и старается жить по Заповедям Божиим. В результате – у него спадает пелена с глаз и человек понимает, что без Бога он бессилен и от этого смиряется. Со смирением возника-

ет способность любить. Речь идет не о том искаженном понимании любви, которое распространено в наши дни, но о любви бесстрастной, без желания обладания, без упреков, – любви молчаливой, страдающей, сопереживающей, всепрощающей, живущей не собой и для себя, а другим и для других. Истинная любовь возможна только тогда, когда она вырастает из познания себя, из осознания своей немощи, своей поврежденности, греховности – «Без Бога я ничто», из осознания, неспособности на самостоятельное добро: «Без Мене не можете творить ничесоже» – сказал Христос – и в этих словах заключается очень важный смысл: человеку, желающему спасения не следует надеяться на себя и на собственные силы, поскольку, – по мнению святого старца Паисия Святогорца, – «я» приносит человеку все духовное несчастье» [8]. Но, напротив, необходимо уверовать в силу Божию и по примеру духоносных старцев возложить всю свою надежду на Бога: «Все упование мое на Тя возлагаю». Нет истинной любви без истинного смирения. Духовная жизнь ведет человека к способности любить, к той любви, которая угодна Богу. Жизнь по заповедям Божиим дает познание себя, познание того, кто человек есть на самом деле, это познания в свою очередь рождает смирение [9]. Смирением стяжается Святой Дух и любовь: «Радость моя! Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся» – повторял преподобный Серафим Саровский.

Западный человек верит, прежде всего, в себя самого, в свои силы, он безразличен к религии, воспитан в духе гуманизма, обожествляющем тело и ставящем его потребности и желания превыше всего, он прагматичен, и действует эгоистично из соображений выгоды. Верящий в себя, – он низвергает Творца, себя делает богом. Этим и объясняются все беснования, происходящие в современном мире: свержение авторитетов, отмена базовых ценностей человечества: семьи как основы общества, связи поколений – хранителя и носителей традиций, культуры, языка, рода и нации, разрушение института церкви и государства. XXI век – это век антихристианских псевдоценностей, антикультуры и антидуховности, характеризующийся переходом от гуманизма к трансгуманизму со всевозможными античеловечными нано-технологиями и евгеническими постмодернистскими проектами, нацеленными на биологическое, генное и духовное изменение самой сущности человека, и наконец, – вера в возможный прогресс человечества без Творца. Западный путь – это путь тупиковый, ве-

душий к пропасти, к гибели цивилизации. Об этом красноречиво свидетельствуют те духовные пороки, которые поразили западный мир, к тому же узаконенные на государственном уровне: эвтаназия, ювенальный фашизм, содомия и прочие.

Святитель Николай Сербский писал, что существует четыре основных импульса, движущих людьми: 1) личное благосостояние и собственные удовольствия; 2) семейные и кровные узы; 3) общественные законы; 4) совесть и чувство присутствия Бога живого [4, с. 36]. «Четвертый импульс, – по образному выражению В.И. Слободчикова, – это первая линия обороны. Если человек не удерживает бастионы совести, теряет Страх Божий – он отступает на вторую линию – пытается защититься общественными законами. Не удержав вторую линию, отступает на третью (мой дом – моя крепость), и так – до последней линии. Именно в такой последовательности происходит деградация человека» [5, с. 37].

Имея с западной цивилизацией разный вектор развития и генетическую память, не следует нам идти по западному пути. Наш моральный код – совесть. Русский человек часто повторяет: «В этой жизни нам с совестью не разминуться». Само слово «совесть» в западных языках звучит как «сознание» или «внутренне чувство» (*conscience* – в англ. и фр. яз; *consciencia* – в исп. яз.; *consienza* – в ит. яз). В русском же языке это слово сохранило свой сакральный смысл: со-весть как весть от Бога, как моральный ориентир наших помыслов, слов и поступков, – существует постоянно, она в нашем сердце. «Совесть, – по мнению Т.Л. Мироновой, – может угнетать, угрызать, давить. От нее можно отмахнуться. Ее можно усыпить, даже сжечь; человек с сожженной совестью – самая страшная беда, которая может случиться с человеком. Но при всем том, – с совестью никак не разминуться» [2; 7]. Утрата истинных духовных, национальных и культурных ценностей, понятий гражданственности и патриотизма, ставка на укрепление общества потребителей ориентирует это общество на атрибуты массовой, преимущественно западной культуры. Последнее влечет за собой отказ от структурности жизни, от прежней ее иерархичности и устоев, от привычного уклада и обычаев, и, – по мнению протоирея о. Олега Стеняева, – отказ от иконографического мировосприятия: Царствие Небесное – царство земное; Царь Небесный (Господь Бог) – царь земной (государь); Воинство Небесное – войско земное. Прежде, у наших предков не было разделения жизни

на светскую и на религиозную, как это принято сейчас: ткань жизни воспринималась абсолютно цельно. Иконографичность сознания со свойственным ей принципом неслиянности и нераздельности, при всей схожести приведенных выше понятий, обеспечивала нашим предкам цельное восприятие жизни, не смешивая эти понятия: Господь правит на Небе, а царь – помазанник Божий – на земле, – то есть все строилось в соответствии с первообразом [6]. «Коренные стихии жизни русской – предупреждал Святитель Феофан Затворник, – выражаются привычными словами: Православие, Самодержавие, Народность (то есть Церковь, Царь и Царство). Вот что надобно сохранять! И когда изменяются сии начала, русский народ перестает быть русским. Он потеряет тогда священное трехцветное знамя» [4, с. 175]. Понятно, что под триколором святитель имел в виду вовсе не современный бело-сине-красный, а прежний: бело-золото-черный – стяг, единственный в истории России государственный флаг, символизирующий вековую православную русскую идеологию: Бог, Царь, Россия. Золото благодати Святого Духа, почивающего на главе богопомазанника, изображается на флаге между непостижимым Творцом и русским белым царством. От Господа подаются Царю власть, сила, мужество и мудрость. Отсюда следует, что установленные людьми формы власти Богу не угодны. Законная, Богом установленная власть есть Православное Самодержавие. Царь, на ком пребывает Дух Святой через Таинство помазания на царство и на ком Божья благодать – охранитель пути восхождения от царства земного к Царству Небесному для всех верных. Таков наш русский путь.

Литература

1. Медведева И.Я. Ювенальная система: Родителей – в отставку? Разрушение семьи под видом борьбы за права детей. – М.: Даниловский благовестник, 2010. – 384 с.
2. Миронова Т.Л. Броня генетической памяти. М.: Алгоритм, 2010. – 352 с.
3. Миронова Т.Л. Язык живой и мертвый (аудиокнига МР3). Изд.: Техинвест-3, Благословение, 2005.
4. Святитель Феофан Затворник. Путь ко спасению. – М.: Отчий дом, 2009. – 408 с.
5. Слободчиков В.И. Духовные проблемы человека в современном мире. // Педагогика. – 2008. – № 9. – С. 33-39.

6. Фаткулина Р.Ф. О проблемах духовно-нравственного воспитания в системе российского и европейского образования в условиях глобального мира. // Дидактика межкультурной коммуникации в иноязычной образовании: Материалы всерос. конф. с междуна. участием. – Ижевск: Удмуртский университет, 2013. – Ч. 1: Педагогика. – С. 225-231.

7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.slovoblog.ru/dal/>

8. Старец Паисий Святогорец. О вере в Бога и доверии Ему. [Электронный ресурс] – URL: <http://mihail-arhangel-hram.ru/index.php/en/poucheniya/297-bez-mene-ne-mozhete-tvoriti-nichesoze>

9. Осипов А.И. Духовность и нравственность. г. Переславль, 2007, 02.04. видеолекции/ [Электронный ресурс] – URL: http://alexey-osipov.ru/video/chto-takoe-pravoslavie/2007_02_04_Duhovnost_i_nravstvennost_Pereslavl/

Фаткулина Ф.Г.

*Башкирский государственный университет
(Уфа, Башкортостан)*

МЕДИАТЕКСТ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Сегодня средства массовой информации, следовательно, и создаваемые ими продукты «(медиатексты) приобретают огромное значение в жизни обществ» [9: 230]. Реальность сегодня конструируется именно средствами массовой информации, и почти все, что мы знаем о мире, мы получаем из средств массовой информации. Таким образом, СМИ выступают и как инструмент власти, и как орудие осуществления информационного диктата, и как способ когнитивной обработки социума и индивида с целью формирования особой картины мира [7; 9; 10]. Все медиатексты доступны для любого человека, в действительности же, каждый медиатекст адресован вполне конкретной аудитории (дети, молодежь, взрослые, банкиры, журналисты, автолюбители, мусульмане, индуисты). Согласно Дж.Маккарти, «информация – предмет потребления столь же неосязаемый, как и энергия, однако едва ли не самый распространенный во всех сферах человеческой деятельности» [3: 7]. Действительно, как показывает анализ литературы, информации в современном обществе отводится значимое место. Развивающееся общество требует усиления всех ин-

формационных процессов при широком использовании средств массовой информации (далее СМИ). Информировав человека о состоянии мира и заполняя его досуг, СМИ, благодаря своим возрастающим возможностям, оказывают влияние на весь строй мышления человека, на стиль его мировосприятия и на тип культуры сегодняшнего дня [10]. Согласно Б. Расселу, «передача информации может происходить только в том случае, если эта информация интересует вас или если предполагается, что она может влиять на поведение людей» [6].

Человеческое восприятие постоянно испытывает влияние современных средств массовой информации. Это тот модус, который обнаруживает свое воздействие во всех сферах жизни. Широчайшее распространение СМИ обуславливает появление, распространение и господство так называемого «одномерного сознания». Это понятие и соответствующий термин возникли по аналогии с названием известной, вышедшей в 1964 г. книги немецкого социолога Г.Маркузе «Одномерный человек» [4], где показаны возможности и следствия манипулирования массовым сознанием с помощью самых современных СМИ.

На сегодняшний день имеется большое количество работ, посвященных исследованию скрытого воздействия СМИ на сознание масс, описанию манипулятивных возможностей: В.Артемов, Э.Багиров, В.Вильчек, А.Власов, В.Житенев, Я.Засурский, Г.Лазутина, Е.Ножин, Ю.Орлов, Е.Прохоров, В.Симатова, В.Ученова, И.Федякин, О.Феофанов, Б.Фирсов, И.Фомичева, Ю.Шерковин и др. В последнее время активизировались исследования проблемы манипулирования сознанием как на теоретическом, так и на практическом уровне. В работах Ю.Ермакова, Е.Доценко, С.Кара-Мурзы, О.Карпущина, Г.Почепцова, Э.Макаревича, Г.Грачева, И.Мельника анализируются особенности современного информационного противоборства на внутрисударственном и на межгосударственном уровне, описывается манипуляционный потенциал мегаинформационного пространства, подробно рассматриваются суггестивные и психотронные методы воздействия на сознание и подсознание реципиентов [5: 8].

Одной из важнейших функций публицистического стиля является воздействующая, поскольку текст, опубликованный в СМИ, не просто передает информацию, но и оказывает желательное для автора влияние на разум и чувства читателя, слушателя, настраивает его определенным образом. Не случайно СМИ называют четвертой вла-

стью: их влияние на взгляды и поведение людей достаточно очевидно, особенно в периоды так называемых инверсионных изменений общества или во время проведения массовых социально-политических акций, например, в ходе всеобщих выборов главы государства.

Таким образом, благодаря СМИ формируется общественное мнение – состояние массового сознания, заключающее в себе скрытое или явное отношение различных социальных общностей к проблемам, событиям действительности. СМИ традиционно рассматривается как один из «трансляторов социального опыта», важнейшего (наряду с семьей и школой) института социализации, посредством которого ценности того или иного общества передаются личности.

В последние десятилетия все большее влияние социально-культурной среды на формирование системы ценностей личности опосредуется СМИ. В работах К.Ховланда, А.Маслоу, Оллпорта, Ю.А. Шерковина, А.В. Шарикова и Е.А. Барановой рассматриваются вопросы, связанные с влиянием на формирование системы ценностей личности электронных СМИ – телевидения, радио и Интернета. Основной акцент делается ими на пассивности и некритичности принятия личностью ценностей так называемой «массовой культуры» [8]. Так, в необихевиористской модели «убеждающей коммуникации» К. Ховланда ценности и социальные установки аудитории являются производными от СМИ, «приобретенной реакцией» на влияние «убеждающего сообщения», выступающего в качестве внешнего стимула [8]. Однако, как было показано в исследовании М.О. Мдивани и Э.В. Лидской [2], информационная среда воздействует скорее на более изменчивые стереотипы поведения, чем на ценностные ориентиры, которые являются более жесткими образованиями.

Очевидно, что рассматривать причинно-следственные отношения между ценностями, транслируемыми СМИ и ценностными ориентирами потребителя информации как односторонние, где последний выступает исключительно в качестве пассивного реципиента, правомерно только применительно к тоталитарному обществу, при отсутствии свободы СМИ. Как пишет Г.М. Андреева, сегодня и в нашей стране «для рядового потребителя информации открылась возможность совершать выбор предпочитаемой картины мира: либо принять то, что предлагают СМИ (зачастую по-разному в разных программах), либо отвергнуть предложенные представления. При

всех условиях возникает необходимость совершить выбор» [1: 194]. Сказанное определяет активную роль аудитории во взаимобмене ценностными предпочтениями со СМИ. Однако согласно концепции «использования и удовлетворения» (Дж.Блумер, Э.Кац, А.М. Рубин), человек сам выбирает СМИ, отвечающее его ценностям и потребностям, создавая спрос, который удовлетворяется подстраивающимся под потребителя рынком информационных услуг. Сторонники этой концепции полагают, что «скорее люди приспособливают средства массовой коммуникации к своим потребностям, чем средства массовой коммуникации подчиняют себе людей» [2: 225].

По мнению М.С. Яницкого [11], современные СМИ не столько формируют, сколько лишь закрепляют ценностные предпочтения, поскольку неограниченный сегодня выбор канала получения, формы и содержания информации обусловлен уже имеющимися ценностями. Тем не менее, такое «закрепление» может способствовать фиксации на определенном уровне развития ценностной системы. В этом смысле можно говорить о двусторонней взаимосвязи ценностных и массово-коммуникационных ориентаций.

Система ценностных ориентиров является важным регулятором активности человека, поскольку она позволяет соотносить индивидуальные потребности и мотивы с осознанными и принятыми личностью ценностями и нормами социума. Очевидно, что особенности индивидуальной ценностной иерархии определяют специфику удовлетворения информационных, культурных, развлекательных потребностей, посредством выбора СМИ, наиболее отвечающих собственным ценностным ориентирам.

Литература

1. Андреева Г.М. Трудности социального познания: «образ мира» или реальный мир? // Социальная психология в современном мире: Учебное пособие для вузов / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 182-202.
2. Богомолова Н.Н. Эффективность массовой коммуникации: смена подходов // Социальная психология в современном мире: Учебное пособие для вузов / Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. – М., Аспект Пресс, 2002. – С. 220-237.
3. Маккарти Дж. Информация // Информация. – М., 1968. – С. 7-39.
4. Маркузе Г. Одномерный человек. – Киев, 1994. – 368 с.

5. Павлова Е.Д. Скрытое воздействие средств массовой информации на массовое сознание как социально-философская проблема: Дис. ... канд. филос. наук. – Москва, 2004. – 154 с.

6. Рассел Б. Человеческое познание; пер. с англ. Н. Воробьев. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. – 716 с.

7. Современный медиатекст: учеб. пособие / Отв.ред. Н.А. Кузьмина. – 2-е изд., испр. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – С. 6.

8. Фаткуллина Ф.Г., Халиуллина Ю.Ш. Новая лексика СМИ: толковый словарь лексики глянцевого издания. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013 – 146 с.

9. Фаткуллина Ф.Г. Интернет-коммуникация: прагматический и национально-культурный аспект (на материале интернет-мемов) // Материалы Международной научно-методической конференции «Межкультурная ↔ Интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода». – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. Том 2. – С. 228-235.

10. Фаткуллина Ф.Г., Хабилов Р.Р. Медиатекст в современном коммуникационном пространстве // Современные проблемы науки и образования. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.science-education.ru/121-18258> (дата обращения: 03.04.2015).

11. Яницкий М.С. Особенности массово-коммуникационных предпочтений в зависимости от типа индивидуальной ценностной системы // Вестник Кемеровского Государственного Университета. – Кемерово: «Компания ЮНИТИ», 2005. – №2 (22).

Шапшова С.А.*Елабужский институт КФУ***Шабалина И. Г.***МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 10»**(Елабуга, Татарстан)***СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭТИЧЕСКОГО МИРА Г.Н. КАПРАНОВА**

Талантливый русский поэт Геннадий Николаевич Капранов родился 30 марта 1938 года. Всю свою недолгую жизнь прожил в Казани. Окончил факультет иностранных языков Казанского педагогического института. Работал учителем, рабочим, переводчиком. Публиковался в республиканской прессе, коллективных сборниках. Своими учителями Геннадий Николаевич считал А.С. Пушкина, Б.Л. Пастернака, Е.Евтушенко, А.Вознесенского.

Г.Н. Капранов признавался, что не умеет писать о том, чего не знает и не чувствует, поэтому его стихи по праву можно назвать лирическим дневником, в котором он раскрывает все тайники своей души: *«Ночь, мороз и иней на ресницах. / Сердце жжёт! Не потуши! / Всё оставлю на страницах / Дневника, а не души»* [Капранов, 2008, с.17].

В сборнике стихов *«Я чист, как родниковая вода, ...»* – (строчка из стихотворения поэта) уже в заглавии очерчен образ лирического героя, правдивого с людьми и самим собой, ответственного, любящего человека. Вот только как ни грезил поэт о том чувстве, которому посвятил многие страницы своего поэтического сборника, единственно любимыми женщинами оставались мать поэта, сильная, эмоциональная и творческая личность, и сестра, трепетное чувство к которым он раскрыл в своей поэзии.

Мы убедились, что в интимной лирике казанского поэта преобладает целая палитра тем: любовь к матери, любовь матери, любовь к женщине, эротическое увлечение. Однако все эти сложные чувства имеют различную эмоциональную тональность – умиротворение, забота, нежность (любовь к матери); раздражение (безответное чувство), болезненность (страстное чувство). Доминирующим средством изображения внутреннего и внешнего миров лирического героя становится лейтмотивная карпалистическая (жест) художественная деталь – руки. В традициях многих народов распростертые руки символизируют благословение, мир, защиту, приветствие,

пожелание здоровья. Так нам видится сегодня и поэт, который в своём лирическом дневнике признаётся, что радушие перенял от матери. Мать в стихотворениях Г.Н. Капранова – это «тыл», «стена», «мир», человек, который укажет путь. Самым дорогим подарком судьбы лирический герой Капранова считает любовь матери, которой он многим обязан. Взрослый поэт для неё «мальчишка», а он, в свою очередь, совершенно интуитивно помнит тепло её рук, которые олицетворяют семейный очаг, защиту: «... я ухажу домой, а мама / с балкона машет мне рукой <...>» [Капранов, 2008, с.73]. По мнению учёных Григорьевой С.А. и Григорьева Н.В. [Григорьева, Григорьев; 2001], такой жест, как «махать рукой» симптоматический, способный передать душевное тепло собеседнику, это своеобразное пожелание благодати.

Любовь матери и к матери – это модель любви к женщине, ведь многие психологи убеждены, что мужчина даже в избранницах интуитивно любит мать. В интимной лирике Г.Н. Капранова чувство любви становится синонимом жизни. Тема любви и жизни постоянно сливаются в единое целое, ведь правильно прожить жизнь, это значит сделать счастливым хотя бы одного человека и на любовь постоянно отвечать любовью. Удивительно, но в любви к женщине лирический герой многолик – эгоист («Вот я свою девушку жду» («... клад или ишишь / в сердце моём» [Капранов, 2008, с.31])), волшебник («Вспышка ты ...»), жертвенная личность, сильный мужчина («Кино» («... И если бы мог я с моею любовью, / сказав, как волшебник: “Не плачь. Не / горюй!”» – / одним поцелуем вернуть ей здоровье, / Я жизнь бы отдал за такой поцелуй» [там же, с.58])). Исцеляющий поцелуй – это фольклорный образ, который во многих сказках способен вернуть жизнь. В это наивно верит и лирический герой, и автор. Не случайно основными деталями интимной лирики стали руки – кулак – поцелуй. Это формула счастья для автора и его лирического героя. В вышеупомянутых художественных деталях сила, единение, жизнь.

Страсть, по мнению автора стихов, – чувство разрушительное, поэтому лирический герой в произведениях на данную тему чувствует себя больным: у него «горят руки и ноги» (стихотворение «Позовите доктора»), но не душа.

Лирический герой – личность мечтательная и восторженная. Ощущение полноты бытия он достигает не только во взаимном чувстве, но и на лоне природы. В пейзажной лирике Геннадия Николаевича

Капанова присутствует два мира: земной (макромир) и космический (мегамир). Чувствуется невероятное желание поэта сотворить невозможное: соединить миры в своём лирическом наследии так же, как это делает в шестидесятые годы космонавтика. Ему это по-настоящему удастся совершить это чудо ценою собственной жизни.

Мир представлен в изображении городского и сельского пейзажей – это земное существование человека, которое раскрыто в урбанистической тематике, появление которой связано с достижениями в науке, технике, космосе, ростом благосостояния человека.

Город все чаще в стихотворениях Капанова связан с грустью, печалью, одиночеством. Поэт сожалеет о том, что его родина становится обычной шумной, каменной столицей, где человек одинок и несчастен. Создать картину «духовного вакуума» позволяют *соундальные (звуковые) детали – это шум, гам, создающие диссонанс («В окне – огонь шурум-бурум, / там шум /там город дышит» [Капанов, 2008, с.41]).*

Городу противопоставлена деревня, изображение которой в стихотворении «*Мы валялись в свежей траве*», расширяет палитру изобразительных средств: появляется ольфакторная (запах) деталь – приятный аромат полыни, щавеля; цветовая деталь (доминирует белый и красный).

Мегамир – это связь с космосом, к которой так стремился поэт, убеждённый в том, что именно небо, луна, воздух и птицы олицетворяют свободу, гармонию, то, чего так не хватало лирическому герою. Наверное, поэтому в стихах данной тематики преобладает такая символическая художественная деталь, как Луна. Лики данного образа в стихах Капанова различны: луна выступает то в образе красивой, недостижимой звезды, то в облики кормящей матери.

Бесспорно, выбор данного образа становится свидетельством психологической болезни поэта, которая развилась из-за отсутствия должного внимания к личности и творчеству. Очевиден серьёзный конфликт с действительностью и желание уйти из настоящего в мир прошлых воспоминаний, в которых была любовь близких людей («*Знаю: глупо, а не умно – / не семнадцать шалуну, – / как лунатик, – если лунно, / выхожу я под луну ...*» [Капанов, 2008, с.21]).

Итак, Луна для Капанова – это гармоничное прошлое, поэтому так прекрасен вечерний и ночной пейзажи, любясь которыми лирический герой, не сдерживая эмоций, беседует с лунной («... *И твержу:*

“Луна, луна...”»); палящее Солнце – душевное, шумное настоящее, в котором лирический герой совершенно одинок.

Таким образом, главным элементом изображённого мира поэзии Г.Н. Капранова стала художественная деталь [Божкова, 2013], которая является ядром определённого мирозерцания, способствует созданию образа лирического героя, личности чувственной, умеющей ценить красоту мира, пророчествующей свою будущность. Знаковой деталью его поэзии стоит считать молнию «... люблюсь молнией» [Капранов, 2008, с.51], которая, по мнению древних культур, способна соединить небо и землю и очень напоминает полусогнутую руку (нам известно, что эта деталь является олицетворением тыла и защиты, может быть, поэтому лирического героя не пугает данный образ). Желание поэта сбылось, ведь он не побежал искать убежища, подобно многим людям на пляже в городе Набережные Челны, а решил понаблюдать за бушующей стихией, хотя, исходя из проанализированной лирики, ближе ему была ночная гармония, естественные запахи, теплые чувства, дуновение ветра. Молния выбрала поэта. В древних поверьях убитый молнией считается божьим человеком. Значит и талант Капранова – талант от Бога.

Литература

1. Божкова Г.Н. Объектно-субъектная организация лирики Г.Капранова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 1. – С.30-33.
 2. Григорьева С.А., Григорьев, Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. – Москва-Вена: Языки русской культуры; Венский славянский альманах, 2001. – 256 с.
 3. Капранов Г.Н. «Я чист, как родниковая вода, ...». – Казань: «Идел-Пресс», 2008. – 144 с.
-

Шарыпова Н.Х.*Казанский государственный аграрный университет
(Казань, Татарстан)*

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

Проблема человеческого потенциала – одна из наиболее актуальных проблем социальных и гуманитарных наук. Достижения в области развития человека, его возможностей выступают главным критерием социально-экономического прогресса общества. При этом следует отметить, что на сегодняшний день нет общепризнанного определения данного понятия и не выработано единых критериев определения уровня его развития и методологии оценки его состояния.

Человеческий потенциал можно рассматривать как сумму основных способностей и возможностей индивида (социальной общности). Соответственно, степень развития и реализации этих способностей и возможностей либо повышает, либо снижает продуктивность жизнедеятельности социума, образ жизни которого выступает в виде специфического способа накопления, развития и проявления человеческого потенциала. Важно отметить, что качество человеческого потенциала включает физическое, духовно-нравственное и социально-профессиональное развитие людей. Раскрывая возможности реализации людей в производственной, социокультурной и общественной жизни, качество человеческого потенциала выступает как интегральная характеристика жизни людей, их взаимодействия с социальным окружением и государством и отражает степень социальной свободы человека. Так, Т.И. Заславская выделяет четыре главных компонента человеческого потенциала: социально-демографический, социально-экономический, социокультурный и деятельностный потенциал [1]. Таким образом, исходя из этого, человеческий потенциал – это накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, который реализуется в различных областях деятельности, а также в определенной иерархии потребностей людей [2]. Остановимся на части общекультурной компетентности человеческого

потенциала, которые чётко отражены в учебных планах ВПО. Специалист с высшим профессиональным образованием должен обладать:

- культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения;

- умением логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь;

- готовностью к кооперации с коллегами, работе в коллективе;

- способностью к принятию организационно-управленческих решений и готовностью нести за них ответственность;

- умением использовать нормативные правовые документы в своей деятельности;

- стремлением к саморазвитию, повышению своей квалификации и мастерства, владением навыками самостоятельной работы;

- способностью понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, сознавать опасности и угрозы, возникающие в этом процессе, соблюдать основные требования информационной безопасности, в том числе защиты государственной тайны;

- способностью к работе с информацией в компьютерных сетях;

- владением одним из иностранных языков;

- способностью вести здоровый образ жизни и т.д.

Из этого перечня компетентностей особо следует выделить две общекультурные компетенции. Содержание первой из них говорит об умении логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь, а содержание второй – о владении языками (двумя, тремя), что сегодня является особо актуальным.

Согласно первой компетенции, успех любого человека зависит от «коммуникативной компетенции», что в переводе на русский язык означает как универсальный навык общения. Понятно, что профессиональным навыкам, специфическим для каждой конкретной отрасли, обучаются в специализированных учебных заведениях, на курсах повышения квалификации. Владение ими естественно – без этого человек просто не попадет на работу в современную компанию. Но постепенно стало очевидно, что помимо узкоспециальных навыков сегодня необходимо обладать умениями универсальными.

Сегодня в нашу жизнь стремительно ворвался рынок, на котором, помимо “железок” и услуг по их обслуживанию нам продают

переживания. Переживания у конечного потребителя вызывает, безусловно, в первую очередь, реклама (в любой её форме: прямая или скрытая). Но способность воодушевлять людей вокруг: покупателей, сотрудников собственного отдела или коллег из других компаний, остается тем навыком, который неотделим от его носителя. И именно здесь сегодня одно из самых ключевых конкурентных преимуществ любого современного профессионала. Эффективная коммуникация сотрудника любой компании является важным инструментом достижения необходимых результатов. По этой причине вопросу подготовки специалистов, публичная составляющая которых может в дальнейшем существенно возрастать, следует уделять, самое серьёзное внимание.

Относительно второй общекультурной (т.е. языковой) компетентности. Образовательное пространство современного общества, характеризуясь динамизмом и обновлением структурно-содержательных аспектов, предъявляет все более высокие требования к коммуникативной компетентности будущего выпускника [3]. Мы часто говорим о билингвальности (владение двумя языками), полилингвальности (владение более двух языками) тех или иных людей. Развитие процессов массовых транснациональных коммуникаций в современном обществе делает обмен информацией на билингвальной основе важнейшим фактором функционирования единого социального пространства. Являясь полюсом пересечения как минимум двух лингвомиров, билингвизм активизирует формирование человека новой информационной культуры. Владение языками (государственными РТ, РФ, иностранными) облегчает восприятие уникальной специфичности другой культуры, предоставляет возможность реально коммуницировать в социально-информационном пространстве современного сообщества. Билингвизм становится такой же универсалией культуры как уважение к труду, бережное отношение к материнству, гостеприимство и целый ряд других моральных и этических норм, являющихся культурными императивами, так или иначе восходящих к институту общечеловеческих ценностей. Необходимость осознания явления билингвизма в контексте освоения культурных ценностей является важнейшей задачей современного этапа развития цивилизации.

В связи с этим следует отметить, что билингвизм сегодня во многом обуславливает конкурентоспособность на рынке труда, обе-

спечивая эффективное общение на разных социальных уровнях. Неудивительно, что во всех развитых странах профессиональная компетентность тесно связывается с изучением иностранных языков и социокультурных традиций других народов.

Вместе с тем, изучение билингвизма как интегративной части глобализационных процессов позволяет выявить и позитивные, и негативные тенденции этого явления. Одни – стимулируют ситуации языкового неравенства и экспансии иностранного языка, английского, в частности. Другие – становятся важным фактором развития международной солидарности и межкультурного взаимодействия.

Неотъемлемой частью исследований, посвященных билингвальной социализации личности, являются проблемы формирования социальной идентичности и самобытности, которые в настоящий момент недостаточно разработаны в рамках новых конкретно-исторических условий. Нередко двуязычие несет в себе дух социальных и особенно национальных противоречий. Эти два положения являются объектом более глубоких исследований.

Суть в том, что в условиях Республики Татарстан изучение двух государственных языков будущих специалистов с высшим образованием остаётся одной из серьёзнейших и актуальных задач. Поскольку выпускники высших учебных заведений Татарстана в дальнейшем свою профессиональную деятельность чаще связывают не с разными регионами РФ, а с районами РТ, где необходимость знания двух государственных языков становится очевидной. И соответственно, в этих условиях конкурентоспособность выпускника возрастает в более чем несколько раз, т.е. очевиден человеческий потенциал.

Проблема формирования коммуникативных компетенций в вузе является в настоящее время одной из актуальнейших проблем профессионального образования. Это связано с тем, что в высшей школе данной проблеме уделяется недостаточное внимание. Вместе с тем, никак нельзя забывать, что коммуникационные компетенции являются важнейшим элементом модели специалиста, во многом определяющим успешность его развития и самореализации на всем жизненном пути [4].

Исходя из вышесказанного, отметим, что в современных условиях возрастает роль общекультурных компетенций будущих специалистов, основанных на нравственных качествах, коммуникативных умениях, способности сотрудничать и работать в команде, сочетать

корпоративные и личные интересы, принося пользу себе, компании и стране, принимать ответственные коллективные решения.

В Казанском государственном аграрном университете активно реализуется Программа о государственных языках, разработаны курсы делового татарского языка и коммуникации, делового русского языка и коммуникации. Мы готовы стать площадкой по повышению квалификации в этом направлении и обеспечить учебно-методическое сопровождение этого процесса.

Литература

1. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // *Общественные науки и современность*. – 2005. – №3. – С. 5-6.

2. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. – Москва, 2007.– 202 с.

3. Шарыпова Н.Х. Модернизация общества и языковая компетентность будущего специалиста // *Современные тенденции развития государства и общества: Материалы международной научной конференции*. – Москва, 2012.– С. 221-223.

4. Шарыпова Н.Х. К вопросу формирования коммуникативных компетенций у студентов // *Электронные материалы I Региональной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития многоуровневой языковой подготовки в условиях поликультурного общества»*. – Казань, 2014. – С. 95-102.

Часть 2. Культура и язык российских немцев в миграции: различные аспекты парадигм русской и немецкой лингвокультур

Салимова Д.А.

Данилова Ю.Ю.

Елабужский институт КФУ

(Елабуга, Татарстан)

Кудрявцева Е.Л.

Университет Грайфсвальда

(Гюстро, Германия)

О ПРОЕКТЕ «ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РУССКИХ НЕМЦЕВ В МИГРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ»

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ: 15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации»

Языковые свидетельства того, как представляет человек себя и окружающий мир, остаются в фокусе внимания лингвистов на протяжении многих лет; при этом особенности отражения в языке духовной культуры народов интересны не только филологам, поскольку слово, речь билингов, хранящих в языковом сознании следы двух этнокультур, изменения в этих кодах нередко вполне понятны и неспециалистам. Известно, что в разных национальных культурах и в разные эпохи репрезентация ментальной сферы имеет существенные отличия, связанные как с особенностями менталитета, так и с ограниченными во времени социально-историческими факторами.

Проект № 15-04-00011 «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации», подготовленный группой преподавателей-исследователей Елабужского института ФГАОВО «Казанский федеральный университет»: кандидатами наук доцентами Л.Б. Бубековой, Ю.Ю. Даниловой, И.Е. Крапоткиной (научный руководитель проекта доктор наук профессор Д.А. Салимова), был поддержан ФГБУ «Российский гуманитарный научный фонд» в апреле 2015 года (см. сайт РФНФ: <http://www.rfhf.ru/index.php/en/grant/projects>). Прежде всего, следует отметить, что этот проект явился закономерным результатом совместной плодот-

ворной работы преподавателей нашего института с европейскими коллегами (членами Международного методсовета по многоязычию и межкультурной коммуникации, прежде всего – с Е.Л. Кудрявцевой) в сфере межкультурных коммуникаций и межэтнического пространства. Участники исследовательской группы уверены, что актуальность и научная новизна проекта мотивируется несколькими факторами.

Во-первых, в современном мире вопросы интеграции народов, культур и языков являются одной из самых актуальных и животрепещущих проблем, связанных с усилением миграции разных этносов, что подчас приводит к нежелательным последствиям в различных государствах. События в Европе последних недель, Мексика (август-сентябрь 2015) – лишнее тому доказательство.

Во-вторых, этнические немцы представляют значительный процент современного населения России, что отражает в целом историю развития Российского государства. Исследований же, посвященных жизни, культуре и языку немцев, издавна проживающих в России или же попавших в РФ совсем недавно, совершенно недостаточно. Имеющиеся работы носят очаговый характер, например, есть публикации по изучению жизни и языка немцев в Поволжье, Сибири или же в основном освещают историю данного феномена. А вопрос о самопрезентации и самоидентификации русских немцев в Поволжье остается малоисследованным, в то время как традиционная культура и историко-культурное наследие российских немцев нашего региона в прошлом и настоящем заслуживает детального научного внимания.

В-третьих, новизна темы заключается в междисциплинарности, прикладном рационалистическом характере не только темы, но и состава участников проекта. Задействованные в проекте ученые-языковеды Д.А. Салимова (специалист, имеющий большое количество трудов по социолингвистике, переводу и двуязычию, уже три раза побывавшая в Германии на различных научно-образовательных мероприятиях); Л.Б. Бубекова и Ю.Ю. Данилова (статьи по когнитивной лингвистике, по языковой картине мира русских и татар), И.Е. Крапоткина (историк, занимающийся проблемами историографии нашего края); зарубежный консультант проекта Е.Л. Кудрявцева, известный в Европе специалист по двуязычию и межкультурным контактам, ведут исследования в разных ракурсах, но сфокусиро-

ванных и проецированных на одной плоскости – это культура и язык одного этноса, оказавшегося в иноязычном и инокультурном пространстве. В-четвертых, вопрос о возникновении новой культуры «русских немцев» как переходного или же константного явления представляет собой вопрос и социальный, и политический, и лингвистический одновременно, ибо две прямо противоположные тенденции – стремление к самоидентификации и к интеграции, к проникновению в духовно-ментальный мир другого народа – часто взаимопересекаются, вызывая при этом сильные очаги социального напряжения (что и наблюдается почти в каждом из современных государств).

В-пятых, наше исследование должно внести определенный вклад в теорию би- и (мульти)полилингвизма, поскольку оно различными своими гранями вписывается в науку о человеке и его языке, конечной целью которой является содействие навыкам межкультурного общения, пропаганде демократических ценностей, гражданских прав и свобод, борьбе с дискриминацией.

Результаты исследования должны дать ответы на ряд концептуальных вопросов. Следует ли расценивать русских/российских немцев как принадлежащих двум культурам, не принадлежащих ни одной культуре (находящихся «между культурными мирами») или принадлежащих совершенно новому дуальному (интер)культурному миру, возникшему через присвоение и интерпретацию двух исходных? Можно ли рассматривать русских немцев как «самобытность», новое национальное меньшинство с собственной историей и культурой; являются ли они эффективными связующими между культурами, ни одну из которых они не признают «собственной»? Насколько устойчивы традиции, приобретенные на «старой» и «новой» Родине? В какой части приобретенный там опыт переносится на «новое» место существования? С этой целью разработана анкета «Нация в миграции», включающая свыше 300 вопросов, распределенных по разным информационным блокам: «Личные данные» (ФИО мигранта (если есть отчество – время появления, если нет – время исчезновения); год миграции (дата); направление миграции (из ... в...); пол; возраст (на момент миграции, на момент написания источника); семейное положение; примечания о владении и отношении к русскому/ немецкому языку и др.), «Язык» (Что сами опрашиваемые определяют как «родной язык»/ «родные языки»; Какой язык (языки) являются род-

ным(и)?; Какой язык выступает «языком первичного обращения» к незнакомому человеку?; Когда и почему (причина, целеполагание) изучался второй язык; кто обучал этому языку?; Насколько интенсивно и в каких коммуникативных ситуациях используется второй язык? и т.п.), а также «Форма обращения», «Одежда», «Традиции», «История семьи», «Самопределение». Это своего рода матрица, позволяющая добавлять «штрихи» к этнолингвокультурному портрету русского немца. На первом этапе предполагается (уже ведется) работа с письменными источниками. Ими могут послужить научная статья/исследование/сборник, публицистика, мемуары и дневниковые записи, письма, государственные и архивные документы и т.д. На следующих этапах работа будет вестись непосредственно с самими респондентами (Казахстан, Сибирь, Привожский регион РФ). В рамках проекта предполагается исследовать группу русских немцев, начиная с третьего и второго поколения. Поскольку взаимодействие культур в первую очередь отражается в языке, особое внимание будет уделено исследованиям code-switching или code-mixing, а также явлениям заимствований в письменном языке (в историческом контексте исследование проводится с использованием переписки русских немцев второго и последующих поколений) и в устных формах. С этой целью будут сравниваться между собой интервью с: русскими немцами, проживающими в настоящее время в Германии; русскими немцами, не выезжавшими из России и возвратившимися из Германии.

Серьезное внимание будет уделено проблемам тестирования на наличие и уровень сбалансированности естественного билингвизма с акцентированием аспекта сбалансированности «переключения кодов», как языковых, речевых, так и этнокультурных (при разделении проявлений code-switching и code-mixing). По нашим наблюдениям, сбалансированность «переключения кодов» свидетельствует о сбалансированности естественного билингвизма и о высоком интеграционном потенциале билингва. Будет производиться сбор информации о материалах и методиках, использованных при обучении билингвов и способствующих, например, отработке «переключения кодов» разных типов в коммуникации. Планируются, в частности, публикации по этой теме в РФ и Германии (на сайте www.bilingual-online.net и частично – в журнале «Партнер»), и Казахстане (там проживает большая немецкая диаспора); также участие препода-

вателей в работе международных конференций и семинаров (ФРГ, Польша, Чехия, Казахстан); защита в дальнейшем выпускных квалификационных и магистерских работ по кафедрам русского языка и контрастивного языкознания, отечественной и всемирной истории; разработка учебной программы по спецкурсу «История нашего края: этнические немцы в Прикамье», «Особенности речевых характеристик билингвов-немцев в РТ». Грант рассчитан на три года, непосредственная работа с респондентами, сбор информации-материалов уже начались.

Участники проекта отмечают, что один, отдельно взятый, сегмент планируемых исследований справедливо был поддержан в этом же 2015-м году на уровне нашего института (внутривузовский грант), что еще раз подтверждает высокую степень научной значимости заявленной темы, профессионализм и компетентность группы экспертов-ученых, исследующих и освещающих проблему. Прошло всего полгода после того, как стало известно о том, что наш проект оказался в числе победителей, и уже есть результаты. Например, в Германии опубликовано учебное пособие коллектива авторов [Комплексные 2015], увидел свет ряд статей в серьезных изданиях [Салимова 2015; Данилова, Бубекова 2015].

18-25 августа на территории учебного центра и загородного комплекса «Компьютерия» (Тверская обл.) прошел первый курс повышения квалификации по программе, разработанной в Елабужском институте КФУ «Комплексное диагностическое тестирование билингвов 3х-14ти лет. Национально-русское и русско-национальное дву- и многоязычие». В рамках международного научного взаимодействия и практико-ориентированного сотрудничества педагогов Казанского федерального университета (Елабужский институт), Удмуртского государственного университета (в т.ч. НМО «Иж-Логос», Ижевск), МБДОУ «Детский сад №3 «Теремок» ЕМР» (г. Елабуга) и ОЦ «ИКАРус» (гг. Карлсруэ – Гутов, Германия) в рамках Международной лаборатории с распределенным участием «Инновационные технологии в сфере поликультурного образования» [Кудрявцева Е.Л. и др. 2014], доцент, исполнитель проекта доц. И.Е. Крапоткина прошла стажировку в Германии.

Однако стоит отметить, что в ходе реализации проекта мы столкнулись и с рядом трудностей. Как известно, точные данные о речи мигрантов второго и третьего поколений, особенно XIX века, мож-

но получить только на основе письменных источников (дневники, письма, архивные данные, статьи и т.д.). Но роковой поворот в судьбе российских немцев, начавшийся в годы Первой мировой – и принявший драматический облик в годы Второй мировой – войны, привел к тому, что большинство российских немцев вынуждены были уничтожить все то, что их связывало с Германией. Так, по нашим данным, из 15 наших респондентов, потомков российских немцев, с которыми нам удалось наладить научные контакты, только у одного сохранилась статья о жизни его предков. О языке, этнокультурных предпочтениях более или менее полно мы судить пока можем только по отношению к внукам, правнукам российских немцев, то есть нашим современникам. Предстоит кропотливая работа, требующая много сил и времени. Вырисовывается еще один очень интересный вектор исследований (что в проекте еще заявлено не было): это освещение роли российских немцев в становлении науки нашего региона. Так, нами выявлено: в научной элите XIX века в Казани, особенно в Казанском императорском университете, неопределимо велика была роль именно ученых-немцев, вплоть до того, что первые лекции в университете читались на немецком языке, то есть немцы того времени не только сумели сохранить свою идентичность, но и помочь другим народам в фиксации, научном описании, классификации характерных черт языка, менталитета, верований и традиций.

Позволим себе завершить статью замечательными словами известного ученого В.А. Плулунгяна: «Вот это, может быть, и есть самое удивительное свойство – необыкновенное разнообразие человеческих языков» [Плулунгян 2010]. Как сохраняется это удивительное свойство в условиях инокультурной среды, каковы причины, этапы таких изменений, каков рисунок языковой самоидентификации – вот вопросы, на которые мы пытаемся ответить в рамках гранта «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации».

Литература

1. Данилова Ю.Ю., Бубекова Л.Б. Самоидентификация носителей русской и татарской лингвокультур в Республике Татарстан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2015. – № 2. – Ч. 1. – С. 69-75.
2. Комплексные диагностические тесты для немецко-русских билингвов от 3 до 14 лет: практические рекомендации для проведения

тестирования двуязычных детей и подростков / Сост. Е.Л. Кудрявцева; авт. Е.Л. Кудрявцева, А.А. Тимофеева, Ю.Ю. Данилова, Д.А. Салимова, Л.Б. Бубекова. – Schöneiche bei Berlin: Elena Plaksina Verlag, 2015. – 126 с.

3. Кудрявцева Е.Л., Зеленина Т.И., Утехина А.Н., Мифтахутдинова А.Н., Бубекова Л.Б., Салимова Д.А. Сетевое взаимодействие Международных Лабораторий с распределенным участием как форма поликультурного образования в России и за рубежом // Многоязычие в образовательном пространстве. Сер. «Языковое и межкультурное образование». – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. – С. 4-9.

4. Плунгян В.А. Почему языки такие разные. – М., 2010 [Электронный ресурс]. – URL: <http://fanread.ru/book/8095395> (дата обращения: 8.09.2015).

5. Финансируемые проекты // ФГБУ «Российский научный гуманитарный фонд» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rfh.ru/index.php/en/grant/projects> (дата обращения: 25.08.2015).

Ахметова Л.А.

*Елабужский институт КФУ
(Елабуга, Татарстан)*

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ
«ПРИБЛИЖЕНИЕ К ПРОСТРАНСТВЕННОМУ
ОРИЕНТИРУ – УДАЛЕНИЕ ОТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО
ОРИЕНТИРА» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: НА ПРИМЕРЕ
ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ**

Изучению префиксальных глаголов посвящено много работ: в немецкой лингвистике – это исследования Eichinger (1989), I. Kühnhold (1973), U.Engel (1978), W.Fleischer, I.Barz (2012), G.Mungan (1986), G.Rich (2003), в отечественной германистике – работы М.Д. Степановой (2000), Н.Л. Шамне (2000), А.О. Конобеевой (2006), А.А. Садовниковой (2007). Особый интерес у исследователей вызывают производные глаголы пространственно-направительной семантики, поскольку они оказывают значительное воздействие на расширение словарного состава немецкого языка и способствуют более детальному описанию категории движения как одного из важнейших фрагментов языковой картины мира. Структурно-семантический анализ

производных глаголов движения (далее – ГД), образующих словообразовательные типы со значением «приближение к пространственному ориентиру», «удаление от пространственного ориентиру» показал, что для экспликации данных семантических категорий в немецком языке существует достаточно широкий ряд префиксов, вербализующих данные значения с учётом специфики их дифференциальных сем. Словообразовательные типы, как пишет М.В. Черепанов, отражают разнонаправленные тенденции формирования лексики и редко бывают однородными и упорядоченными [Черепанов 1994: 89]. Подобная неоднородность является предпосылкой возникновения характерных отличий между синонимичными словообразовательными типами.

Для описания фрагмента системы, отмечает Н.Б. Пименова, разумно выделять синхронно сосуществующие типы, объединённые общностью словообразовательного значения (словообразовательной категории), поскольку именно рассмотрение синонимичных типов позволяет включить в анализируемые системные отношения также отношения конкуренции [Пименова 2011: 24].

Значение «приближение к пространственному ориентиру» эксплицируется в немецком языке синонимичными словообразовательными типами (далее – СТ):

zu- + ГД выражает «приближение, устремленность в сторону кого-либо, чего-либо» [Словарь 2000: 475]; «*Ein Dolmetscher kam auf die Frau zu und sprach sie an*» [Remarque 1988: 36].

hinzu- + ГД, значение которого усложняется наличием дифференциальной семы «приближение к ориентиру с целью присоединения к кому\чему-либо, присутствия где-либо»: «*Ein Arm von fiel herunter und schleifte über den Boden; zwei Männer sprangen hinzu...*» [Remarque 1976: 114].

herzu- + ГД указывает на движение по направлению к говорящему: «*Rolling rannte herzu, warf den Mann um, rollte ihn durch den Schnee*» [Strittmatter 1973: 374].

an- + ГД эксплицирует прибытие к цели, без пересечения границ пространственного ориентира: «*Schließlich kam Bartok in seiner Heimatstadt an*» [Remarque 1993: 56].

heran- + ГД выражает приближение по направлению к говорящему, достижение цели, непосредственную близость с ней, но без пересечения границ пространственного ориентира: «*Kraftczek ritt an ein*

Schaufenster heran und riss sein Feuerzeug an» [Strittmatter 1973: 371].

herbei- + ГД актуализирует сему «приближение издалека»: «*Alois trabte mit einem riesigen Napfkuchen herbei...*» [Remarque 1988: 63].

daher-+ ГД выражает приближение к ПО с актуализацией коннотативной семы «прибывать сюда»: «*Durant war ein ausgezeichnete Bordeauxkenner, ein beliebter Gast auf eleganten Partys, und seine Patienten kamen meistens daher*» [Remarque 1988: 282].

los-+ ГД подчёркивает целеустремленность действия. «*Er hat es aus dem Stiefel gezogen und rennt auf mich los*» [Remarque 1989: 429].

Соотносительные СТ в русском языке представлены сочетанием глаголов движения и приставок при- (прилететь, приползти, прийти) и под- (подлететь, подползти, подойти). Дифференциальная сема русского языка «достижение предела», эксплицируемая приставкой до- (долететь, доползти, дойти) передается в немецком языке префиксальными ГД с денонативной семой «приближение к ПО» в союзе с предложно-падежными конструкциями *bis, bis zu, bis nach, bis auf*.

Для репрезентации значения «удаление от пространственного ориентира» в немецком языке служит ряд СТ с характерными дифференциальными семами:

ab- + ГД репрезентирует «значение удаления откуда-либо» [Словарь 2000: 35], без выделения каких-либо дифференциальных сем: «*Als der Zug gerade abfuhr, sah Gerhard Jäger Annette plötzlich vor dem Fenster seines Abteils*» [Remarque 1993: 42].

weg- + ГД также выражает «удаление, направленность действия от какой либо точки» [Словарь 2000: 455]. Перемещение, описываемое ГД с *weg-*, воспринимается «как нечто категоричное и как удаление надолго, «прочь»; в русском языке это значение может быть выражено в макроконтексте» [Шамне 2000: 95]: «*Es war bequemer; er konnte dann rascher weggehen*» [Remarque 1988: 9].

fort- + ГД. «Глаголы с префиксом *fort-* также говорят об удалении, но больше делают акцент на том, что субъект должен идти дальше, т.е. движение осуществляется далее в пространстве» [Шамне 2000: 95]: «*Sie sei vor einigen Stunden fortgegangen*» [Remarque 1966: 265].

davon- + ГД маркирует удаление, которое «осуществляется от находящейся здесь (*da*) какой-то точки (*von*). В русском языке на данную точку в пространстве может указывать контекстуальный уточнитель (например, от него)» [Шамне 2000: 95]: «*Sie ging rasch davon, zwischen den Tischen durch, dicht an der Tür vorbei*» [Remarque 1988: 488].

ent- + ГД служит для выражения «удаления, движения от исходной точки, бегства откуда-либо, от кого-либо при основах глаголов движения» [Словарь 2000: 127]: «*Die Wirtin hat sie wahrscheinlich abgeschlossen, weil sie Angst hatte, dass die Wanzen entkommen*» [Remarque 1988: 16].

Отметим, что рассматриваемая денотативная сема «удаление от ПО» реализуется в русском языке СТ от- + ГД (отойти, отбежать, отъехать) и у- + ГД (уйти, убежать, уехать).

Бинарная оппозиция «приближение к пространственному ориентиру – удаление от пространственного ориентира» представлена в немецком языке достаточно широким рядом словообразовательных типов с имплицированными специфическими семантическими признаками. Подобное расщепление СТ указывает на детальное отражение данного фрагмента действительности в немецкой лингвокультуре. Дифференциальные семы, такие как, например «бегство откуда-либо», «удалиться надолго», «уйти прочь», «приближение издалека», «прибывать сюда», «продолжить удаление», указывают на достаточно подробное восприятие рассматриваемых семантических категорий в языковом сознании носителей немецкого языка.

Литература

1. Пименова Н.Б. Древневверхненемецкие словообразовательные типы отвлечённых имён (реконструкция системных отношений). – М.: Языки славянских культур, 2011. – 504 с.
2. Словарь словообразовательных элементов немецкого языка/ А.Н. Зуев, Н.Д. Молчанова, Р.З. Мурашов и др.; под рук. М.Д. Степановой. – М.: Русский язык, 2000. – 536 с.
3. Черепанов М.В. Динамика семантической структуры производных глаголов // Исследования по историческому словообразованию; РАН, Ин-т языкознания. – М., 1994. – С. 88-102.
4. Шамне Н.Л. Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурном освещении. – Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2000. – 392 с.
5. Remarque E.M. Arc de Triomphe. Roman. Mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1988. – 730 S.
6. Remarque E.M. Der Feind. Erzählungen. Herausgegeben und mit einem Nachwort von Thomas Schneider aus dem Englischen von Barbara von Bechtolsheim. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1993. – 74 S.

7. Remarque E.M. Der Funke Leben. – Verlag Ullstein GmbH, 1976. – 464 S.

8. Remarque E.M. Der schwarze Obelisk. Geschichte einer verspäteten Jugend. Mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1989. – 500 S.

9. Remarque E.M. Die Nacht von Lissabon. – Verlag Deutscher Bücherbund. 1966. – 299 S.

10. Remarque E.M. Drei Kameraden. Roman. Mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. – Köln: Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1988. – 585 S.

11. Strittmatter E. Der Wundertäter. Roman. Bd. 1. – Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1973. – 502 S.

Гизатулина А.В.

Елабужский институт КФУ

(Елабуга, Татарстан)

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕЦЕПЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ)

Художественная рецепция в целом и литературная рецепция в частности является сложным и неоднозначным явлением, разница во взглядах на которое проявляется уже в многообразии подходов к определению данного феномена. В предлагаемой статье мы придерживаемся определения, данного Н.Н. Левакиным: «Художественная рецепция есть восприятие и перевоссоздание на основе воспринятого (прочитанного, пережитого, увиденного, осознанного) собственных текстов (мыслей, идей, впечатлений, картин)» [1, с.309]. Такой подход позволяет рассматривать рецепцию не только как процесс и результат восприятия художественного текста читателем, но и как реализацию автором воспринятого (пережитого, увиденного) – в данном случае, исторического события, – в форме литературного произведения, т.е. как художественную (литературную) рецепцию действительности.

Со времени падения Берлинской стены, долгие десятилетия являвшейся символом разделенной Германии, прошло уже более четверти века. События осени 1989 года, лично пережитые многими немецкоязычными писателями и поэтами, деятелями искусства,

прочими представителями интеллигенции, стали материалом и темой значительного количества литературных произведений разного жанра: от стихотворений до романов. Для нашего небольшого исследования мы выбрали книгу «Ночь, когда пала стена» (*Die Nacht, in der die Mauer fiel*) [3], вышедшую в издательстве Suhrkamp в 2009 году в 20-летний юбилей падения Берлинской стены. Издателем, редактором и автором предисловия выступил молодой немецкий писатель Ренатус Декерт (*Renatus Deckert*). Данная книга представляет собой сборник специально написанных для этого издания разных по объему и стилю эссе двадцати пяти писателей из Восточной и Западной Германии. Все произведения объединены темой падения Берлинской стены. Задачей, поставленной перед авторами, было описание личного опыта «проживания» исторического события, эмоций и чувств, испытанных в те дни.

Наряду с другими деталями и подробностями ночи 9 ноября 1989 года и ближайших к ней дней материалом для рецепции послужили также шествия людей по улицам Восточного Берлина к ближайшим пропускным пунктам в ночь с 9 на 10 ноября 1989 года. Многие авторы стали участниками этих шествий и описали свои ощущения как бы изнутри, другие были лишь сторонними наблюдателями, так как по какой-либо причине не могли или не хотели (возможно, даже боялись) принимать в них участие.

Были и третьи, кто видел все это по телевидению или вовсе не имел в тот момент ни малейшего представления о происходящем переломном событии в истории разделенной Германии. Эти авторы позднее пытались «наверстать» упущенную возможность стать свидетелем происходящих процессов, но удалось это не всем.

Вынужденный наблюдать события со стороны Томас Лер (*Thomas Lehr*), не без грустной иронии отмечает, что подобным ему людям оставалось лишь только стать «специалистами по исторической отстраненности и непрямому участию» (*So blieb einem kaum etwas anderes übrig, als zum Spezialisten für historische Distanz und indirekte Partizipation zu werden*) [5, с.213]. И все же ему и, вероятно, не только ему, очень не хватает конкретных, непосредственных воспоминаний «об экстазе начала» (*Was mir fehlt, ist die unmittelbare, lokale Erinnerung an die Ekstase des Beginns*) [5, с.216].

Если рассматривать тексты, посвященные передвижению людских масс по улицам Восточного Берлина в ночь описываемых событий,

то можно выделить в представленных описаниях несколько основных объектов рецепции:

1) шествие, как объект восприятия – Kollektivausflug, eine lebendige Mauer, Unmengen Menschen, Menschenströme, das große Gerenne in Richtung Mauer, hereinströmende Massen, kein Geschrei, kaum Gedränge wie sonst, wenn es Begehrtes zu ergattern gilt; hupende Trabis;

2) настроение толпы – die Besorgnis aller Schaulustigen, gerade das Beste zu verpassen; Verwunderung, Erregung und Neugier, karnevalistische Stimmung, bedämpft die Stimmen, die Fassung verlieren, ein seltsamer Ausdruck zwischen Angespanntheit, Neugier, Spott und Skepsis;

3) чувства, испытанные очевидцами в толпе – Panik, Platzangst, kein Zurück, Angst einflößen;

4) изменения в облике прилегающей к границе территории – Die ausgestorbene Gegend um die Chausseestraße hatte sich in eine Aufmarschzone verwandelt [6, с.121];

5) пауза на пропускном пункте, момент нерешительности пограничников – das retardierende Moment, die unklare Befehlslage, die allgemeine Ungewissheit vor der großen Kapitulation, die verstummten Grenzsoldaten, notgedrungen zu Pazifisten wurden;

6) поведение людей после открытия пропускных пунктов – auf die Mauer klettern und da oben stehen und lachen und singen; überall winkende, freudewankende Leute; die auf der Mauer reitenden Menschen; rittlings auf der Mauer sitzende Menschen, Reiter eines seltsamen Rodeo; tanzende Menge; ekstatisch aufgerissene Münder;

7) первые впечатления от Западного Берлина – der Beleuchtungswechsel – die einschneidendste Erfahrung, die Spaliere der Jauchenden Westberliner, alles geschah zum ersten Mal.

Нельзя не отметить, что в Западном Берлине возле стены также были скопления людей (Menschenassen waren unterwegs; das Gedränge), вышедших на улицы, чтобы поприветствовать восточных немцев, возможно впервые пересекающих границу, а также, чтобы стать очевидцем происходящего и поделиться с другими своими чувствами (die Westberliner, die an den Grenzübergangstellen jubelnde Spaliere bildeten) [5, с.213]. Это были рядовые жители Западного Берлина (Normalberliner; vierzigjährige Männer mit Schnauzbärten; junge blonde Frauen), их основными эмоциями в тот час были чувства радости и эйфории (ganz aufgeregt, hatten gefeiert, betrunken und

euphorisch, Sektflaschen in der Hand, ein historischer Moment, lächerlich oder auch rührend, so wunderschön, komisches Gefühl, im Chor singen). Детлев Кульбродт (Detlef Kuhlbrodt) с некоторой досадой отмечает, что крики триумфа были в тот момент неуместны, все это напоминало ему неспортивное поведение (dieses Triumphgeheul, irgendwie unsportlich), ГДР воспринималась скорее как проигравшая страна (Loserland) [4, с.175].

Первые поезда, прибывающие на территорию ФРГ после падения Берлинской стены и открытия границ, приветствуются жителями Западной Германии как поезда возвращающихся домой победителей (wie einen Zug der Heimkehrer und Sieger begrüßen). Ликование и взаимная радость царят и внутри вагонов, и на улице: die Tränen, das Jubeln und Winken geht los; draußen [...] ist alles auf den Beinen, tanzt und singt, schwenkt Taschentücher, ganze Autokonvois hupen und blinken mit den Scheinwerfern den langsam dahinrollenden Zug an [2, с.114].

Таким образом, единый объект рецепции – массовые шествия – распадается на множество аспектов, выделенных и перечисленных выше. В эссе писателей нашла выражение широкая палитра чувств немцев осенью 1989 года. Эти чувства находят в текстах не менее разнообразную и богатую лексическую репрезентацию, также представленную в статье.

Данное небольшое исследование, безусловно, не является исчерпывающим, а намеченная нами тема требует в дальнейшем более глубокого и тщательного рассмотрения и анализа.

Литература

1. Левакин Н.Н. Художественная рецепция как литературоведческое понятие (к вопросу понимания термина) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 308-310.

2. Becker J. Die Reise nach Leipzig // Die Nacht, in der die Mauer fiel. Schriftsteller erzählen vom 9.November 1989. Herausgegeben von R. Deckert. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2009. – S. 107-115.

3. Die Nacht, in der die Mauer fiel. Schriftsteller erzählen vom 9.November 1989 // Herausgegeben von R. Deckert. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2009. – 239 S.

4. Kuhlbrodt D. Vor Jahren // Die Nacht, in der die Mauer fiel.

Schriftsteller erzählen vom 9.November 1989. Herausgegeben von R. Deckert. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2009. – S. 168-178.

5. Lehr T. Wer war dabei ich nicht // Die Nacht, in der die Mauer fiel. Schriftsteller erzählen vom 9.November 1989. Herausgegeben von R. Deckert. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2009. – S. 210-217.

6. Oskamp K. Zur DDR oben raus // Die Nacht, in der die Mauer fiel. Schriftsteller erzählen vom 9.November 1989. Herausgegeben von R. Deckert. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 2009. – S. 116-122.

Данилова Ю.Ю.

Елабужский институт КФУ

(Елабуга, Татарстан)

СТЕРЕОТИПНЫЕ ОБРАЗЫ РУССКОГО И НЕМЦА ПО ДАНЫМ АССОЦИАТИВНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ: 15-04-00011а «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации»

В современном лингвосоциуме «каждый человек понимается как носитель определенной национальной ментальности и имеет свои особенности: уникальные отпечатки пальцев, склад психики, ума, соответственно, и каждый народ имеет свою особенность: склад души, чувств, одним словом, менталитет» [Маслова 2001: 114], в обобщенном смысле понимаемый как мировосприятие, духовная настроенность, образ мышления людей одной этнолингвогруппы. Менталитет тесно связан с понятиями «национальная идентификация» и «национальный характер», которые формируются на основе принадлежности человека к той или иной социально-этнической общности. С.М. Арутюнян «национальный характер» позиционировал как «совокупность черт характера и привычек, которые формируются под влиянием культурного и исторического развития этноса» [Арутюнян 1966: 24].

В рамках данной работы нас интересует человек как представитель определенного этноса с присущими чертами национального характера, который является хранителем культуры и традиций, обладателем своеобразной речемыслительной деятельности и поведения, т.е.

человек как носитель уникального кода своей нации. В этом плане особенно актуальным становится понятие стереотипа (гр. stereos – «твердый», typos – «отпечаток»), введенного в научный оборот в 20-е годы XX в. У. Липпманом, определившего «социальный стереотип» определил как «упорядоченные, схематичные детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права [Липпман 2004: 9]. У. Липпман считал, что стереотипы так настойчиво передаются из поколения в поколение, нередко накладываются друг на друга и зачастую воспринимаются человеком как факт [там же: 95-114]. В социолингвистике выделяют два вида этнических стереотипов – автостереотип и гетеростереотип. Первый включает представление народа о самом себе, что позволяет человеку идентифицировать себя частью определенного этноса, второй – совокупность оценочных суждений о других народах. Отметим, что при составлении автостереотипов человек старается идеализировать свою нацию, превознося положительные качества, мифологизируя свои черты национального характера. Гетеростереотипы в равной мере могут быть как положительными, так и отрицательными в зависимости от экстралингвистических факторов.

В рамках данной статьи мы задались целью воспроизвести фрагмент языкового сознания представителей русской и немецкой лингвокультур посредством авто- и гетеростереотипов и ассоциативного эксперимента (далее – АЭ) с опорой на базы данных ассоциативных словарей при дальнейшем анализе.

В качестве объекта исследования можно обозначить особенности языкового сознания группы носителей определенной этнолингвокультуры; в качестве предмета – ассоциаты (вербальные реакции респондентов) как отражение национально-культурных особенностей восприятия действительности сквозь призму национальных картин мира – «своего» и «чужого» как стереотипных образов сознания русской и немецкой этнических групп.

Общее количество респондентов, принявших участие в эксперименте, составило 166 человек (*автор выражает благодарность канд. пед. наук, научн. рук-лю ЕС-проекта BILIUM Университета Грайфсвальда, отв. секретарю Международного методсовета по многоязычию и межкультурной коммуникации ОЦ «ИК@РУС», науч. рук-лю Международной лаборатории с распределенным участием*

ЕИ КФУ Екатерине Львовне Кудрявцевой за предоставленные материалы по результатам проведенного ею АЭ, частично использованные в нашей статье).

Возраст опрошенных составил 30-50 лет. Причиной предпочтения данных возрастных рамок стало отсутствие военных катаклизмов в отношениях СССР/РФ и ФРГ/ГДР/Германии с 1960 по 2013 гг., приводящих к изменению сознания; период взросления респондентов в происходил СССР/ России.

Все респонденты (соответственно, их вербальные реакции) были поделены на 3 группы с точки зрения их принадлежности к этнолингвокультуре. В первую были включены носители русского языка как родного в РФ (32 участника), во вторую – носители русского языка как родного в Германии (в основном мигранты 4-ой волны; 65 участников), в третью – носители немецкого как родного в Германии (69 участников).

Отметим, что во время проведения АЭ предъявление слов-стимулов носителям немецкого языка осуществлялось на немецком языке (*Russen/russisch, Deutsche(r)*), носителям русского как родного – на русском (*русский, немец*) вне зависимости от страны пребывания в настоящее время (но с оговоренным правом на интерференцию для русских, проживающих в Германии).

В рамках проведенного АЭ полученные вербальные реакции респондентов, ассоциативные ряды выстраивались на основе ассоциативного профиля (РАС, электронные тезаурусы, блоги) с целью повысить объективность полученных результатов и при необходимости выявить их соответствие/несоответствие общеконвенциональной картине мира (*опрос проводился в 2012-13-х гг., до периода Крымского кризиса, чем обусловлены отчасти ассоциативные ряды, в частности – отсутствие данного геополитического контекста ассоциаций*).

Ответы участников эксперимента приведены в таблице в ранговом упорядочивании по частоте (от наиболее часто повторяющихся ответов-ассоциаций к более редким). Сразу же оговоримся, что мы не ставили задачу сконструировать ассоциативное поле, выделив в нем ядро и периферию. Поэтому по статистическим показателям реакций мы целенаправленно производили выборку: в качестве фактологического материала вводились ассоциаты, данные участниками как минимум дважды и выше (в среднем 6-9 идентичных реакций и

редко превышающие их). Соответственно, во внимание единичные случаи употребления нами не принимались.

Если данные РАС [РАС 2002] и реакции респондентов совпали, то в таблице они представлены в общей колонке, если же данные расходятся (в частности, ассоциации, полученные в ходе проведенного АЭ, в словаре не зафиксированы), то мы их дифференцируем на два самостоятельных блока: в колонке «Данные РАС» ставим прочерк/минус, в колонке «Русскоязычные в РФ» фиксируем данные ассоциации (*понимание прецедентности/прецедентного текста в рамках данной статьи мы принимаем широкое: когнитивную базу их составляет производность как реализация языкового знака на уровне вторичной лексической номинации в дискурсе. Это позволяет нам отнести к прецедентным феноменам собственно тексты (авторские), их фрагменты, различные высказывания; имена (реальных известных людей, политических лидеров, легендарных личностей, персонажей, т.д.), ситуации (произошедшие в реальном или ирреальном/вымышленном пространственно-временном континууме), мифологемы, архетипы, единицы паремиологического фонда и фразеологической системы языка, т.п.*).

Если полученные реакции по природе своей прецедентны, то такие слова/словосочетания выделяем курсивом и комментируем их при необходимости в общей колонке «Примечания».

Сло- ва-стиму- лы	Ассоциативные ряды (2 и более реакции по частотности)			
	Данные РАС (2002)	Русско- язычные в РФ	Русскоязычные в Германии	Немцы
русский Russen/ russisch	язык, человек, мужик		язык, Россия, ха- рактер, Москва, культура, балет, мир	Russland, Russisch, <i>die</i> <i>Russen kommen</i> , Migranten, viel, Ausländer, anders, Sprache, schwer, Business, stark

Примечания.

1) Доминантой данного ассоциативного ряда становится реакция *язык* (отметим, она возникает и у немцев – *Sprache*), что объясняется лексико-грамматическим потенциалом и синтагматикой. Наряду с ней частотными являются

ассоциации человек и характер, обусловленные их синтагматикой и лингвокогнитивными стереотипами: *русский язык* (язык как средство общения и национальное достояние; русский язык – основная обязательная дисциплина в школьном российском образовании), *русский человек* (человек как носитель и действующий субъект русской лингвокультуры), *русский характер* (варианты: дух, менталитет; совокупность эмоциональных, ментальных, речеповеденческих характеристик как этническая маркированность). Более того, все они являются «константами» русской культуры [Степанов 1997]. Понятно, что данные реакции связаны и взаимообусловлены, представляют собой ментальные центры в рамках данного ассоциативного ряда.

3) Реакция *мужик* в русском лингвокультурном дискурсе является полисемантом: 1. Крестьянин, а также вообще человек из простонародья (прост.). 2. То же, что мужчина (разг.). 3. То же, что муж (прост.). 4. Невоспитанный и невежественный человек (разг. пренебр.) [Ожегов, Шведова 2004]. Несмотря на свою стилистическую маркировку («прост.», «разг.», «пренебр.»), в современном русском лингвосоциуме данная реакция часто функционирует как результат создания привлекательной модели национальной маскулинности, прежде всего, основанной на представлении о так называемой «подлинной русскости»: гармоничный синтез силы мужчины-защитника, его преданности России, экономической состоятельности мужчины-кормильца. Отсюда расхожее, положительно маркированное выражение «настоящий мужик».

3) Примечательно, что стереотип в области географии («национальность коренного жителя России» – по ИСКЭ [Информационная] здесь и далее) не представлена.

4) *die Russen kommen* («русские идут») – док. фильм (год: 2004; страна: Германия; продолж.: 51 мин.) с одноименным названием, в котором представлена современная немецкая версия завершения Второй Мировой на Востоке глазами гражданских жителей: интервью; воспоминания; наконец, та самая история про изнасилованную советскими солдатами Германию, о которой много писалось в российской прессе. Русская аудитория восприняла данный фильм неоднозначно. Например, мнения можно почитать на форуме электронного ресурса rutracker.org [Der Sturm].

Неудивительно, что ёмкое метафорическое выражение «*die Russen kommen*» закрепилось в языковом сознании как немцев, так и русских, и пользуется популярностью за счет своей высокой маркетинговой составляющей. Приведем два примера. В Германии осуществляется проект «Die Russen kommen»: «В берлинском кинотеатре Babylon каждую пятницу показывают «наше» [русское – прим. авт.] кино для немецких зрителей. Не нашумевшие премьеры последнего времени, а старые, добрые, всеми любимые ленты: «Москва слезам не верит», «Пять вечеров», «Летят журавли», «Прощание с Матерой» [Die Russen kommen]. Второй пример употребления фразы обусловлен современной политической ситуацией «Россия ← (Украина) → США».

В августе 2014 года Интернете появился видеоролик «Obama, die Russen kommen nach Washington!» («Обама, русские идут на Вашингтон!»), созданный немецкими пользователями Сети (продолж.: 1.13 мин.; год: 2014) [Obama]. На странице Интернет-газеты «ДНИ.РУ» от 7.08.2014 появилась небольшая статья «Немцы пугают Обаму Путиным»: под обработанную музыку российского гимна в кадре появляется ряд известных деятелей, связанных с Россией, сидящих верхом на медведях [один из самых распространенных гетеростеротипов о русских и России – прим. авт.] <...> президент РФ Владимир Путин. Вслед за ним – глава Минобороны Сергей Шойгу. Затем – премьер-министр страны Дмитрий Медведев <...> глава МИД Сергей Лавров, вице-премьер Дмитрий Рогозин и постпред России при ООН Виталий Чуркин <...> прокурор Крыма Наталья Поклонская <...> известный голливудский актер Стивен Сигал, который известен своей поддержкой России. «Продолжение следует», – обещает надпись в конце ролика. Отмечается, что представленный видеоролик – первый эпизод большого проекта, однако дополнительных подробностей не сообщается. Большая часть Интернет-пользователей, среди которых много иностранцев, одобрительно восприняли появление на просторах Сети подобного видео» [Немцы].

Отметим, что вопрос о феноменологической составляющей выражения «die Russen kommen» стал предметом специального изучения [Данилова, Нурмиев, Учиров 2015].

немец Deutsche(r)	русский, фашист, иностранец, аккуратный/ аккуратист	Германия, немецкий, русский, нация, язык, друзья, житель	Deutschland, Bürger, ich, Volk, alle/ wir, Firmen
------------------------------	---	--	--

Примечания.

1) Антиномия «русский – немец» (или «немец – русский») неоднократно была объективирована в разных вариациях фрагментами ассоциативных рядов респондентов. В частности, в дискурсе русскоязычных: стимул **немец** вызывает реакции *русский, иностранец*. У немцев частотными являются реакции *Ausländer* («иностранцы»), *anders* («иные») на стимул **русский**. Данные ассоциативные ряды представляют собой фрагмент стереотипной лингвокогнитивной антиномии «свой – чужой» и выполняют аффективную функцию: определенная мера этноцентризма в межэтническом общении, проявленная как постоянное выделение «своего» в противовес «чужому» [Демьянков, Кубрякова 1996]. В оппозиции «свой – чужой» возникает этнокультурный конфликт: с одной стороны, родная культура объединяет людей (ассоциации русских *человек, мужик, родина, мать/матушка* более абстрактные в своей семантике; реакции немцев *ich* («я»), *wir* («мы»), *alle* («все»), *Familie* («семья»), *Haus* («дом»), *Heimat* («родина») более конкретны и эгоцентричны), с другой – отделяет их от других, чужих/иных культур.

2) Отметим, что у русскоязычного населения Германии подобных реакций не встречается, что объясняется этнолингвокультурной интеграцией. Единственными реакциями-маркерами становятся номинации *друзья* (на стимул **немец**) и *родина* (на стимул **Россия**).

3) Реакция *фашист* в сознании русских обусловлена историческим контекстом: война (1939-1945) двух мировых военно-политических коалиций, ставшая крупнейшим вооруженным конфликтом в истории человечества. Об устойчивости данной реакции свидетельствуют данные РАС, где среди полученных реакций на стимул **немец** самой частотной (16,9%) становится именно *фашист/фашизм* [РАС 2002].

4) Интересно, что стереотип «житель европейской страны, лидирующий по количеству пива на душу населения» здесь не реализована, точно также не обнаружена реакция *водка* как результат стереотипа о русских как пьющей нации.

Обобщив данные проведенного анализа, систематизированные в таблице, становится очевидным, что одно и то же слово-стимул для носителей языка как родного и как одного из родных/неродного и как иностранного имеет часто различное наполнение: ассоциации (представления) рождаются на этнокультурном и этносоциальном уровне, слова – лишь их оболочка.

Данные АЭ еще раз подчеркнули универсальность лингвокогнитивной и этнокультурной антиномии «свой – чужой».

По отношению к «своей» (воспринимаемой как «своя», постоянно окружающая) стране и культуре описания даются более простые, менее детализованные, чем по отношению к иной, «чужой» культуре: как правило, реакции на «чужое/другое» составляют более распространенный ассоциативный ряд. Информация о других странах, чужих субъективируется повторением общеизвестных фактов (пресса, политика, история, «взгляд туриста»): этим можно объяснить реакции русских *фашист* и немцев *Russen kommen*, обусловленные историческим контекстом. При этом наблюдается субъективизация за счет подавления негативной информации о своей стране: немцы знают о фашизме, но не говорят о нем, идет и подавление соответствующей ассоциации к стимулу **немец**.

Полученные ассоциации респондентов позволили выявить специфику русскоязычных, эмигрировавших в Германию на постоянное место жительства: синтез (наложение) русских и немецких стереотипов с русской доминантой. Наблюдается процесс трансформации лингвоэтнокультурной составляющей сознания и картины мира. Вспомним, что в реакциях этой группы респондентов на стимулы

русский и **немец** не возникает представлений, объективирующих универсальную лингвокогнитивную оппозицию «свой – чужой». На наш взгляд, это проявление лингвокультурной и этнопсихологической интеграции. По отношению к «присвоенной» (например, от рождения или в результате длительного проживания в стране), а не «усвоенной» (при изучении языка как иностранного), культуре количество стереотипных представлений минимализируется, поскольку культура познается и дефинируется изнутри.

Литература

1. Арутюнян С.М. Нация и ее психический склад. – Краснодар: Красн. пед. ун-т, 1966. – 323 с.
2. Данилова Ю.Ю., Нурмиев А.М., Учиров П.С. «Die Russen kommen» как стереотипный маркер немецкого лингвосоциума: военная пропаганда и маркетинг // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2015. – Вып. 2 (52). – С. 82-90.
3. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Стереотип // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 177-179.
4. Информационная система когнитивных экспериментов [Электронный ресурс]. – URL: tesaurus.ru/tes.php (дата обращения: 3.01.2015).
5. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
6. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
8. Немцы пугают Обаму Путиным // Дни.Ру: Интернет-газета. Вып. от 07.08.2014 [Электронный ресурс]. – URL: www.dni.ru/society/2014/8/7/277308.html (дата обращения: 16.01.2015).
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: А ТЕМП, 2004. – 944 с.
10. Русский ассоциативный словарь (РАС) / Сост. Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф.Тарасов. – М.: АСТ-Астрель, 2002 [Электронный ресурс]. – URL: tesaurus.ru/dict/dict.php (дата обращения: 12.01.2015).

11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

12. «Obama, die Russen kommen nach Washington!» («Обама, русские идут на Вашингтон!»). Видео-ролик. Продолжительность: 1:13 мин. [Электронный ресурс]. – URL: www.youtube.com (дата обращения: 16.01.2015).

13. Der Sturm. Die Russen kommen! (Штурм. Русские идут!). Документальный фильм. Год выпуска: 2004; Страна: Германия. [Электронный ресурс]. – URL: [//rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1611145](http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1611145) (дата обращения: 15.01.2015).

14. Die Russen kommen: и никому не страшно! // Русская Германия. – 2014. – № 21. [Электронный ресурс]. – URL: www.rg-rb.de/index.php?id=13962&option=com_rg&task=item (дата обращения: 16.01.2015).

Кашевская М.Р.

Елабужский институт КФУ

**НЕМЕЦКИЕ И РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-АНИМАЛИЗМОМ:
СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Изучение проблем, связанных с фразеологическим фондом языка, имеет давние традиции. Уже почти на протяжении века фразеосистема исследуется как российскими, так и зарубежными учеными, о чем свидетельствует обширная литература, посвященная данному вопросу [Виноградов 1977; Шанский 1996; Молотков 1977; Бабкин 1964; Жуков 1986; Гвоздарев 1988; Телия 1996; Алиференко, Золотых 2004; Мелерович А.М., Мокиенко В.М. 2008 и мн. др.]. В рамках русской и сопоставительной фразеологии много исследований ученых-лингвистов Казанской лингвистической школы [Арсентьева 2006; Аюпова 2013 и др.].

Перспективность данного исследования обусловлена большим лингвокультурным и лингвокогнитивным потенциалом фразеосистемы как этнолингвокультурного фонда любого национального языка, в нашем случае, русского и немецкого языков.

В настоящее время стремительное развитие человека и общества влечет за собой и изменения в языке, которые проявляются, в частности, в возникновении новых устойчивых выражений, фразеоло-

гических оборотов. Однако наряду с новообразующимися тематическими группами остаются активными и старые группы, в число которых входит и тематическая группа «названия животных».

Фразеологические единицы, содержащие в своей структуре анимализмы, позволяют получить информацию о функциях фразеологизмах и их характерных признаках.

Фразеологические обороты, выступающие в языке в ряду других значимых единиц (слов, словосочетаний), обладают рядом характерных (категориальных, или дифференциальных) признаков [Schirpan 1992: 47], позволяющих раскрыть их специфику.

1. Воспроизводимость, предполагающая способность фразеологизмов воспроизводится (извлекаться) из памяти как готовые языковые единицы, без новых вставок. Например, фразеологический оборот *der Hund auf dem Heu* (букв.: собака на сене) не придумывается нами в потоке речи. Мы лишь воспроизводим то, что нам заранее известно, заложено в нашей памяти.

2. Устойчивость. Как правило, фразеологизмы сохраняют свою целостность и нечленимость, их видоизменение возможно в незначительной степени: *wie Hund und Katze leben* – жить как кошка с собакой. Мы не можем изменить данный фразеологический оборот, например, следующим образом «жить как черная кошка с собакой». Такая вставка прилагательного недопустима, поскольку она приводит к разрушению структуры, плана выражения и содержания данной языковой единицы.

3. Идиоматичность. Целое значение фразеологизма не может быть усвоено из отдельных значений его компонентов. Так, например, *die Katze im Sack kaufen* – покупать kota в мешке. Очевидно, что мы не можем вывести значение данной фразеологической единицы, соединив значения отдельных слов: «*die Katze*», «*der Sack*», «*kaufen*».

Наш языковой материал позволяет нам выделить следующие функции фразеологических единиц с анимализмами.

1. Энциклопедическая: компоненты-названия животных переходят в разряд слов-символов, отражающих представления людей о различных животных. Так, фразеологизмы отражают физические возможности человека по аналогии с животными: нюх как у собаки, *schwimmt wie ein Fisch* (букв.: плавает как рыба); внешний облик: осиная талия, *rot wie ein Krebs* (букв.: красный как рак); психические качества и черты характера: назойлив как муха, *störrisch wie ein Esel*

(букв.: упрямый как осёл); интеллект: уставиться как баран на новые ворота, *schlau wie ein Fuchs* (букв.: хитрый как лиса).

2. Социально-информативная. Данную функцию выполняют названия животных, ставшие символами отрицательных качеств. В немецком и русском языках это *der Hund* – собака, *das Schwein* – свинья, *der Esel* – осёл. Интересно, что наименование одного и того же животного может иметь разные коннотации в нескольких языках. Например, существительное «слон» в немецком и русском языках – символ неуклюжести (например, русск.: слон в посудной лавке), в то время как у индусов слон – символ грациозности. [Мокиенко 1975: 8]

3. Дейктическая функция обусловлена тем, что имена нарицательные можно заменить указательными местоимениями (тот, этот и т.д.), поскольку они указывают лишь на отличие одного объекта от другого: менять кукушку на ястреба, *nicht Fisch, nicht Fleisch*.

4. Экспрессивная функция. В составе фразеологизмов можно выделить лексемы, у которых очень высокая степень экспрессивности, эмоциональности. В немецком и русском языках, как правило, таковыми становятся существительные *der Hund* – собака, *der Teufel* – чёрт: *kein Hund*, ни одна собака не..., *zum Teufel gehen*, какого чёрта.

5. Образно-экспрессивную функцию выполняют фразеологические каламбуры. Их специфика заключается в том, что в пределах фразеологизмов происходит сочетание несовместимых понятий: идёт как корове седло, шуба на рыбьем меху, *wie die Hudle mit dem Schwanz bellen*.

Очевидно, что функциональная нагрузка фразеологизмов в дискурсе человека достаточно высока, поскольку одновременно реализует номинативную и характерологическую функции (наряду с вышеобозначенными). Таким образом, полифункциональность ФЕ в любом национальном языке (немецком, русском и др.) становится активным способом категоризации человеком окружающей действительности.

При сопоставительном анализе немецких и русских фразеологических единиц с анимализмами целесообразно разделить их на 3 самостоятельные группы:

Первую группу составили фразеологизмы, чей эквивалент в русском языке полностью совпадает с немецким: *wie Hund und Katze leben* – жить как кошка с собакой, *schlau wie ein Fuchs* – хитрый как лиса, *schwarz wie ein Rabe* – чёрный как ворон, *schwimmt wie ein*

Fisch – плавает как рыба, *der Hund auf dem Heu* – собака на сене. Отрицательные коннотации в немецком и русском языках очень часто полностью совпадают: *ein Wolf im Schafpelz* – волк в овечьей шкуре, *den Brock zum Gärtner machen* – пустить козла в огород и т.д. То есть, достаточное количество фразеологизмов сопоставляемых языков имеют одно и то же содержание. Общие коннотации в двух неродственных языках свидетельствуют об универсальности человеческого мышления.

Во вторую группу вошли фразеологизмы, где номинации животных в двух сопоставляемых языках не совпадают. Примером могут послужить следующие ФЕ: нем. *Dasctehen wie die Kuh vorm neuen Tor* (букв.: уставиться как корова на новые ворота) – русск. уставиться как баран на новые ворота; нем. *Hungrig wie ein Bär* (букв.: голодный как медведь) – русск. голодный как волк; нем. *Böse wie ein Wolf* (букв.: злой как волк) – русск. злой как собака; нем. *Sannt wie ein Lamm* (букв.: смиреннее ягнёнка) – русск. смиреннее телёнка; нем. *Wie eine Ratte schlafen* (букв.: спать как крыса) – русск. спать как сурок; нем. *Die Arbeit ist kein Hase, läuft nicht in den Wald* (букв.: работа не заяц: в лес не убежит) – русск. работа не волк: в лес не убежит и т.п.

При выделении первой группы было сказано, что общие коннотации в сопоставляемых языках свидетельствуют об универсальности человеческого мышления. Однако взгляд на мир может быть различным у нескольких человек или народностей, тогда название животного может обозначать разные смысловые коннотации, как мы это видели в примерах второй группы.

В третью группу вошли фразеологизмы, перевод которых на русский язык не содержит наименований животных: нем. *Seinem Affen Zucker geben* (букв.: дать обезьяне сахар) – русск. давать себе волю, резвиться; нем. *Weiße Mäuse sehen* (букв.: видеть белых мышей) – русск. быть пьяным; нем. *Mit jemandem ein Hühnchen zu rupfen haben* (букв.: общипать с кем-то курицу) – русск. иметь счёты с кем-либо; нем. *Die Katze aus dem Sack lassen* (букв.: выпустить кошку из мешка) – русск. сделать тайное явным; нем. *Jemanden eine Laus in den Pelz setzen* (букв.: посадить кому-то вшу в шубу) – русск. задать хлопот, причинить неприятности; нем. *Jemandem einen Floh ins Ohr setzen* (букв.: посадить кому-то блоху в ухо) – русск. взволновать, растревожить кого-либо. Более распространённую группу составляют фразеологизмы, которые имеют существенные расхождения в плане выра-

жения в двух сопоставляемых языках. Лакуарность, т.е. отсутствие полностью совпадающих эквивалентов в русском языке, говорит о национальной специфичности немецких фразеологических единиц. Между фразеологизмами и культурно-историческим развитием общества существует неразрывная связь. Попытка перевода немецкого фразеологизма без учета его национальной специфики может привести к ошибке.

Фразеологические единицы с анимализмами – культурно значимая часть фразеологического фонда немецкого и русского языков. Они употребляются в случае переносного употребления наименований животных с целью создания определённой характеристики человека. Наш фактический материал свидетельствует, что метафоры, выраженные зоонимом, чаще всего содержат негативную коннотацию и обозначают отрицательные качества человека.

Литература

1. Schippan T. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – Niemeyer, 1992.
2. Алиференко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблема фразеологического значения и смысла: Монография. – Астрахань: Изд-во госпедун-та, 2004. – 296 с.
3. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. – 172 с.
4. Аюпова Р.А. Фразеология и фразеография английского и русского языков. – Казань: Изд-во Казанского (Приволжского) государственного университета, 2013. – 269 с.
5. Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. – М.-Л.: Наука, 1964. – 76 с.
6. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
7. Гвоздарев Ю.А. Рассказы о русской фразеологии. – М.: Просвещение, 1988. – 190 с.
8. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
9. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 259 с.

10. Мокиенко В.М. В глубь поговорок: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. – М.: Просвещение, 1975. – 176 с.

11. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. – 284 с.

12. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.

13. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.

Крапоткина И.Е.

Елабужский институт КФУ

(Елабуга, Татарстан)

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

НЕМЦЕВ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: 15-04-00011а

*«Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы
самопрезентации и самоидентификации»*

Российская Федерация является многонациональным государством. По данным переписи населения 2010 г. на территории России проживает свыше 190 народов [Статистическая: www.statdata.ru]. Многие из них являются коренным населением страны, некоторые появились благодаря миграционной политике государства. Именно таким образом в числе народов России оказались немцы, приглашенные императрицей Екатериной II для освоения земель. Немцы занимают 23 строку Всероссийской переписи населения 2010 г., общая численность которых составляет 394 138 чел. [там же]. В числе немецкого населения значатся голендры, саксонцы, швабы и русские немцы.

Прибыв в Российскую империю во второй половине XVIII в., уже более 250 лет российские немцы являются неотъемлемой частью современного общества. В этом смысле интересным представляется выяснить, каким образом переселенцы стали обживать российское пространство в царствование Екатерины Великой.

Начиная со второй половины XVII в. российские государи стали расширять границы державы. Освоение внутреннего пространства сопровождалось движением населения из центральных районов

страны к ее окраинам. Данный процесс носил аграрный характер и способствовал сельскохозяйственному освоению земель, так как ощущался определенный кризис в центральных и черноземных земледельческих губерниях. В царствование Петра I государственные интересы были направлены на достижение выхода в Балтийское море (участие России в Северной войне 1700-1721 гг.). Государственные проекты освоения малонаселенных территорий Российской империи возобновились при императрице Елизавете Петровне, но воплотить их в жизнь удалось Екатерине II. 4 декабря 1762 г. императрица Екатерина Великая издала Манифест, согласно которому должно было начаться историческое переселение немцев в Россию [Манифест 1830: 313], он вошел в историю под названием «вызывного». Текст документа был представлен на нескольких языках: русском, немецком, французском, английском. Коллегия иностранных дел осуществила рассылку Манифеста дипломатическим представителям за границей, тексты размещались в местной прессе. Однако жители европейских стран не спешили перебираться на новое место жительства. Документ не предусматривал разъяснения таких немаловажных аспектов как размещение, обустройство, гарантии и привилегии.

22 июля 1763 г. были обнародованы два дополняющих «вызывной» Манифест документа – «Манифест о даруемых иностранным переселенцам аванжагах (льготах – комм. авт., И.К.) и привилегиях» и «Указ об учреждении Канцелярии опекунства иностранных переселенцев» [там же: 314-315]. Манифест определял, кто мог переехать в Россию, провозглашал привилегии и льготы для иностранных колонистов (Екатерина II обещала личную свободу тем, кто иммигрировал в Россию). Переселенцам гарантировалась свобода вероисповедания, освобождение от выплаты налогов в течение 30-ти льготных лет (в городах – на 5 лет), на строительство дома и хозяйственные нужды предоставлялась беспроцентная ссуда сроком на 10 лет, оговаривалось освобождение от воинской повинности. Также предоставлялось право на местное самоуправление и возможность выезда из России в любое время. Данные возможности привели к тому, что в период 1763-1766 гг. в Российскую империю прибыло свыше 22 тыс. душ мужского пола [Клаус 1869: 162]. На Канцелярию опекунства иностранных граждан возлагались функции размещения, обустройства и попечения над переселенцами.

По инициативе Екатерины II был подготовлен Реестр свободных и удобных к заселению земель, к таким отнесены Тобольская, Астраханская, Оренбургская и Белгородская губернии [Манифест 1830: 316]. Это стало первым ограничением в выборе места проживания колонистов. Второе ограничение было связано с видом хозяйственной деятельности. Дело в том, что российское правительство преследовало цель развития сельского хозяйства, а прибывшие переселенцы уже обладали определенными навыками, как правило, ремесленными. Поэтому первые колонисты столкнулись с серьезными трудностями: природно-климатические условия, освоение новых видов хозяйствования. К концу XVIII в. немецкие колонии стали славиться выращиванием на продажу пшеницы и проса. Данные зерновые культуры были дорогостоящими и стали элементом товарного производства переселенцев. Для внутреннего потребления выращивались картофель, ячмень и горох [Клаус 1869: 163].

О возросшем благосостоянии колоний к концу века говорит и производство одной отдельно взятой семьи. Например, в Тонкошуровке (Мариенталь) на одно хозяйство приходилось в среднем 30 четвертей пшеницы, 5 четвертей ржи, 10 – овса, 2,5 – картофеля, 2 – проса. В Базеле – 24 четверти пшеницы, 23 четверти ржи, 13 – овса, 4 – картофеля. В Ягодной Поляне – 30 четвертей овса, 23 – ржи, 8 – картофеля. К этому следует добавить различные огородные культуры [там же: 170].

Современный исследователь истории русских немцев А.А. Герман отмечает, что одним из важных показателей возросшего благосостояния колонистов стало наличие в хозяйствах коров и овец. Если в 70-х годах XVIII в. у поселенцев насчитывалось 9 573 коровы и 10 606 овец, то в конце столетия – 41 271 коровы и 72 624 овцы. В среднем на одно хозяйство приходилось 7-9 коров. При поселении у колонистов практически не было свиней. К концу века насчитывалось уже около 30 тысяч животных [Герман 2000: 131-132].

Таким образом, к концу XVIII в. колонисты полностью обеспечили себя продуктами, при этом часть произведенной продукции могли продавать на рынке.

Кроме возделывания зерновых и огородных культур, в немецких колониях освоили выращивание технических культур: табака и шелковицы [Плеве 2008: 177].

В последней трети XVIII в. особое внимание стало уделяться раз-

ведению табака, он явился главной товарной статьей сельскохозяйственного производства немецких колоний. Этому есть свое объяснение.

Во-первых, табачное производство в России было развито слабо, и колонисты восполняли этот пробел. Во-вторых, производство табака стимулировало экономический рост в колониях, способствовало вложению средств, заработанных на табаке, в другие отрасли сельскохозяйственного производства [там же: 180].

Другим, несколько экзотичным, направлением хозяйственной деятельности колонистов в 70-80 гг. XVIII в. стало разведение тутовых деревьев или, как их тогда называли, шелковицы. В рамках колонизационных мероприятий в Россию были приглашены специалисты, среди которых выделялись Антон Вердье, поселившийся в Саратове, и Моисей Сарафов, открывший фабрику по производству шелка в Астрахани.

Не имея опыта разведения тутовых деревьев, колонисты неохотно брались за новое дело. Канцелярия опекунства внимательно следила за посадками тутовых деревьев и сбором шелковицы. Окружные комиссары регулярно направляли в Саратов отчеты о количестве высаженных деревьев и числе поселян, занятых их разведением. Колонисты, уклонявшиеся от работы, облагались штрафами. Жесткие административные меры не всегда давали результат. Администрация понимала необходимость поощрения шелковичного производства. 3 октября 1775 г. вышел указ Канцелярии о денежном поощрении иностранцев, производивших шелк [Дизендорф 2006: 428]. С ликвидацией опекунских органов в 1782 г. оказывать давление на колонистов с целью разведения шелковицы стало некому, поэтому данный вид хозяйственной деятельности не получил дальнейшего развития.

Как уже отмечалось выше, ремесленное производство в колониях не получило широкого распространения. В соответствии с Манифестом от 22 июля 1763 г. государственную поддержку имели только те, кто предлагал организовать производство, не получившее в России должного развития (разведение табака, производство шелка). Те колонисты, кто хотел и имел возможность заниматься своим ремеслом, не могли найти рынок сбыта производимому товару, так как многие русские крестьяне также занимались ремеслом и промыслами, и их продукция была востребована на рынке. Поэтому значительная часть поселенцев снабжалась всем необходимым – от сельскохозяй-

ственных орудий до белья – по государственной линии, а выезд за пределы колоний был ограничен [Плеве 2008: 180].

Таким образом, ремесленные профессии оказались не востребо-ванными, и чтобы прокормить себя и свои семьи, мастера были вынуждены осваивать труд хлебопашцев, а ремесленное производство находилось на стадии домашнего промысла.

К концу XVIII в. практически единственным крупным центром ремесленного производства была колония Катариненштадт, где из 142 семей 48 занимались различным ремесленным производством (9 сапожников, 5 ткачей, 5 токарей, 4 столяра, по 3 кузнеца и бондаря, по 2 портных, медника, слесаря, кожевника, прядильщика и красильщика, один каретник, механический художник, золотых и серебряных дел мастер, стекольщик, плуговой мастер [Дитц 2000: 203].

В колонии имелись три ветряных и одна водяная мельницы, кирпичный завод и кожевенная фабрика Лотца по переработке шкур сайгаков, диких коз и зайцев. Из шкур диких зверей производилась прекрасная кожа, из которой шили перчатки и поставляли в крупные города для продажи. Постепенно Катариненштадт стал торговым центром поволжских колоний.

Таким образом, к концу XVIII в. немцы России, преодолев тяжелый период становления колоний, добились больших успехов в сельскохозяйственном производстве и заложили основы своего дальнейшего процветания.

Литература

1. Статистическая информация [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.statdata.ru> (дата обращения: 04.10.2015).
2. Манифест 4 декабря 1762 г. // Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Т. XVI. – СПб., 1830. – С. 313-316.
3. Клаус А.А. Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. – СПб.: Типография В.В. Нусвальта, 1869. – 516 с.
4. Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. – М.: Готика, 2000. – 320 с.
5. Плеве И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. – М.: АОО «Международный союз немецкой культуры», 2008. – 400 с.

6. Дизендорф В.Ф. Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652-1917. – М.: Материк, 2006. – 786 с.

7. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. – М.: Готика, 2000. – 496 с.

Кудрявцева Е.Л.

Университет Грайфсвальда

(Гюстро, Германия)

**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕКСТОВ СКАЗОК
ПРИ ОСВОЕНИИ РОДНОГО И ИЗУЧЕНИИ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ДОШКОЛЬНОМ И
ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ: ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РУССКО-НЕМЕЦКОГО БИЛИНГВИЗМА**

Цель изучения любого иностранного языка – прямой диалог культур, без посредников, основанный на взаимопонимании и взаимобогащении. При этом, под таким „диалогом“ понимается не только обмен репликами на общем языке, а „спор возможностей культур“ (В.С. Библер) и „преодоление взаимного сопротивления картин мира“ (S. Нёске), сравнение культурных компонентов и выделение общего (без которого общение не состоится) и различного (без чего общение не будет иметь смысла). Цель диалога культур – взаимопонимание наций и народов; и именно к этой вершине мы, педагоги, должны вести своих учеников, обращая их внимание не только на грамматические сложности нового языка, но и на национально-культурные особенности, менталитет народа-носителя. Учащийся должен быть не объектом, а субъектом обучения, потому необходимо идти к нему через известные ему компоненты, формулируя новое слово-понятие сначала на его родном языке (предмет или ситуация при этом демонстрируются в максимальной приближенности к реальности), а затем – на изучаемом языке. Необходимо помнить, что взаимопонимание учитывает связь культуры с другими факторами, ибо каждый носитель языка – продукт своего класса, своей эпохи, своего окружения, пола и даже возраста. Недопонимания, возникающие в процессе диалога культур, необходимо называть не „языковым“, а „культурно-языковым“ (Томахин, 1984) или, лучше „культурным“ барьером и стремиться не к их сглаживанию, а к предупреждению их

возникновения в процессе преподавания и изучения страноведения/культуроведения. Поэтому при обучении языку мы должны уделять больше внимания межкультурной коммуникации не только посредством слова как такового, но и посредством образов. Ибо человек, еще не начав говорить, уже общается с окружающими на языке образительно-выразительных актов.

Причем акты эти различны, поскольку различные географические, экономические и исторические условия вызвали к жизни значительные различия в психологии близких по происхождению, языку и степени общественного развития наций (чехи, словаки, словенцы, болгары, украинцы, белорусы, русские). В результате возникли заметно отличающиеся локальные культуры со своими традициями, с различным восприятием системы ценностей и т.д. Всё это является предметом этнопсихологии (национальной психологии), которая в структурном плане подразделяется на науку о национальном характере, темпераменте, национальных чувствах, настроениях, предрасудках и т.д. Этнопсихологии человечество обязано существованием таких определений, как „легкомысленный француз“, „чопорный англичанин“, „педантичный немец“, „страстный испанец“ и др. Можно по-разному относиться к объективности подобных определений, именуемых также „стереотипами сознания“ („национальными стереотипами“). Но то, что они существуют и в известной степени соответствуют действительности, говорит в пользу того, что в психологии различных народов существуют определенные доминирующие, устойчивые черты, зарождение коих предопределено, прежде всего, условиями, в которых проживает та или иная нация. Веками складывались и закреплялись в сознании людей определенные образы, получая национальную окраску. В них – особенности быта, чувствования, верования и мышления людей. Не случайно А.И. Ильин призывал беречь все национальное как главную народную святыню. Он писал о том, что в детстве надо воспитывать малышей только на русских народных сказках, на русских народных песнях, надо формировать национальное мышление – и только потом на окрепшее национальное сознание можно накладывать изучение иностранных языков, ибо это иной мир, иное мышление, иные образы.

В каждой национальной культуре (или в целом во всех культурах) есть идеальный образ человека: это целостная человеческая личность. Такая личность предполагает как изменения, так и неизменность, без

чего не может быть отождествления личности в разные эпохи ее развития. Следовательно, понятие „национальная личность“ и подвижное, и одновременно устойчивое в своей сущности. Для личности же как социально-культурной целостности важно приобщение к культурному наследию, „инкультурация“. Система ценностей личностной ориентации состоит из следующих компонентов: когнитивного (взгляды, мнения личности, интересы, убеждения, то есть познавательный итог социального опыта личности), эмоционального (степень значимости данной ценности для личности) и поведенческого (готовности личности к тому или иному виду деятельности). Однако, структура личности никогда не совпадает с системой ценностных ориентаций, изменяющейся в зависимости от исторического периода развития общества.

Учитывая все изложенное выше и взяв за основу идеи В. фон Гумбольдта о том, что язык оформляет этнокультуру (включая поведенческие, бытовые и пр. традиции и нормы, образ питания и воспитания) и формируется на ее основе во всем своем своеобразии, – мы делаем вывод о языке как предельно-образном и полифункциональном живом хранилище информации, своего рода «этногенокоде» нации. Причем, первично происходит формирование и освоение речи (изустное, в материнском и родительском ее варианте) и мышления через сказки, а лишь затем познание структуры языка. И именно сказка (а до нее потешки, прибаутки и пр.) передает азы этногенокода нации, ее опыт. Ребенок, вырастая и вращаясь в нацию, повторяет ее этапы развития от первобытно-общинного (сказки о животных и затем бытовые сказки) к классовому (волшебные сказки); от язычества к христианству.

Малыш, взрослея, осваивает (погружением в сказочное инобытие) и присваивает с молоком матери и ее голосом (важен положительный эмотивный фон) как незыблемые основы жизни данного этносоциума на свойственном ему языке рамки его (и только его) этнокультуры. Например, для национальной картины мира носителя русского языка как родного и русской национальной личности свойственны такие доминанты, как : 1) религиозность (православие по вере и язычество по суеверию), 2) соборность (переросшая в коллективизм), 3) всемирная отзывчивость, 4) стремление к высшим формам опыта, 5) поляризованность души.

При атипичных, индивидуальных содержательных элементах

русской сказки, ее структура повторяет структуру сказок иных европейских народов (передавая единый путь их развития; см. работы В.Я. Проппа). Поэтому, научившись правильно слушать русские народные сказки, ребенок дорастет и до сказок иных народов, научится их сопоставлять и выйдет на уровень сопоставления этнокультур, их создавших.

Какие выводы мы можем сделать в связи с использованием текстов сказок при освоении родного и изучении иностранных языков в дошкольном и школьном возрасте?

1) Адаптировать сказки можно, ни в коем случае не меняя их этнокультурной составляющей, а лишь комментируя и незначительно упрощая лингвосоставляющую (сообразно возрасту воспитанников и региону их пребывания).

2) Комментарии оптимально сопровождать аутентичными этнокультурными иллюстрациями.

3) Перевод сказок или их фрагментов крайне нежелателен, поскольку нарушает этнолингвокультурную целостность произведения устного народного творчества; переводя лингвосоставляющую и оставляя относительно неизменным этнокомпонент. Так переводится оболочка, более не вмещающая прежнее понятийно-образное содержание.

4) Если пытаться адаптировать и лингво- и этносоставляющие, то смысл данной конкретной сказки утрачивается. Она теряет свой дух (национально привязанный), но не интернационализируется, а обеличивается.

5) Если есть необходимость параллельных текстов, то лучше дать эквивалентные или близкие по содержанию исконные сказки на каждом из языков (например, «Каша из топора» на русском и «Die Steinsuppe»/ «Суп из камня» на немецком), с соответствующим культуре иллюстративным рядом (даже животные, растения и пр. в каждой этнокультуре изображаются по-разному).

Приведем конкретные примеры этнолингвокультурных ошибок, препятствующих освоению языка через погружение в культуру для русских народных сказок:

- Название сказки «Теремок» является понятием, свойственным русской национальной картине мира и на немецкий язык непереводимо. При попытке перевода утрачивается историко- и этнокультурная составляющая семантики, фоновый компонент значения.

- Название сказки «Репка» также не переводимо адекватно на немецкий язык, поскольку в Германии типичную для России желтую пищевую репу не выращивают и кашу с ней не варят. Наиболее близка по смыслу «die Steckrübe» (репа, сажаемая отростками в грунт), из которой в Германии ранее варили «ein Eintopf» (овошную смесь). При дословном переводе «каша из репы» превращается в «der Rübenbrei» – перемолотую до полужидкого состояния кормовую репу, питание для скота.

- Характерологические признаки и характерные действия животных в различных культурах различаются. Так, не поддаются прямому переводу «зайчик-попрыгайчик» и «лягушка-поскакушка» (в Германии скачет именно зайчик, а лягушка прыгает). Более того, все герои «Теремка» оказываются при переводе мужского пола (в русской сказке пол половины из них – женский; ср. проблемы М.Ю. Лермонтова при переводе «На севере диком...»); при поиске эквивалентов по половому признаку лягушка превращается в жабу и т.д. Мы уже не говорим о том, что «лисичка-сестричка» и «мышка-норушка» (музыкально-поэтические образы) при переводе утрачиваются полностью.

И таких примеров – множество. Переводя сказки для преподавания иностранного языка, мы искажаем образ создавшей их культуры, обедняем учащихся и исподволь готовим культурный шок, который им предстоит пережить, попав однажды в страну изучаемого языка. Следовательно, единственный текст, пригодный для достижения образовательных целей – аутентичный, порожденный данной культурой на одном из этапов ее развития.

Литература

1. Аврорин В.А. Двухязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972. – С. 49-62.
2. Агапова Т. Билингвизм: чудо или реальность? [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.7ya.ru/pub/article.aspx?id=3772>
3. Кудрявцева Е.Л. Естественный билингвизм как феномен культуры [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pulib.sk/elpub2/FF/Petrikova5/pdf_doc/14_kudrjavceva.pdf
4. Лысакова И.П. Первый букварь русского языка для мигрантов // Филология и культура. Philology and culture. – Казань: КазГУ, 2012. – № 2(28). – С. 72-74.

5. Маркосян А.С. Очерк теории овладения вторым языком. – Москва: Психология, 2004. – 384 с.
6. Позднякова Т.Ю. Русскоязычие и проблемы русскоязычной идентификации билингвов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.bilingual-online.net/index.php?option=com_content&view=article&id=831%3Aprobleme-der-selbsidentifizierung-der-bilingualen&catid=50%3Akabinet-psihologa&Itemid=47&lang=de
7. Потенбня А. А. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
8. Потенбня А.А. Слово и миф / Под ред. А.К. Байбурина и А.Л.Топоркова. – М.: Правда, 1989. – С. 17-200.
9. Прохоров Ю.Е. Социокультурные аспекты изучения русского языка: новые условия, новые потребности, новые модели // Русский язык за рубежом. – 2012. – №3. – С. 5.

Малых Л.М.

*Удмуртский государственный университет
(Ижевск, Удмуртия)*

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА СРАВНЕНИЯ ЯЗЫКОВ В ПРОЦЕССЕ МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Одной из актуальных задач мультилингвального образования на любой образовательной ступени является помощь обучающимся в осмыслении природы уникальности изучаемых языков, с одной стороны, и обнаружения универсальных законов языкового развития в рамках этого многообразия, с другой. В решении этой задачи главная роль отводится сравнению как методу научного познания и важнейшему методу обучения в процессе соизучения языков и культур. Статус сравнения не определен точно: в научной литературе сравнение называется логическим приемом познания, логической (познавательной) концептуальной или когнитивной структурой, а также категорией. Сравнение в логике и философии рассматривается, главным образом, как один из основных логических приемов познания внешнего мира и духовных ценностей [2, с.567] или как базисная логическая операция рассудка [7, с.333], направленная на определение сходств и различий между сравниваемыми объектами. Данные тер-

мины и стоящие за ними определения не противоречат, а дополняют друг друга при характеристике такого разнопланового явления, как сравнение.

Ученые отмечают, что при встрече с различными языками в сознании учащегося просыпается «стихийный типолог», который все новое стремится классифицировать, сопоставить, противопоставить, объяснить. Однако самостоятельно преодолеть этот путь стихийного типолога и выработать систему сравнения языков большинство учащихся не могут. Требуется помощь со стороны преподавателя для формирования умения сознательного сравнения языков [5, с.114]. Опора на схожие (аналогичные) языковые и социокультурные явления из контактирующих в учебном процессе языков, а также выявление различающихся (интерферирующих) явлений должны носить системный характер при обучении всем языкам.

Умение учащихся (самостоятельно) сравнивать языки (культуры, коммуникативные ситуации, факты, мнения и т. д.) выступает одним из важнейших метаязыковых стратегий в мультилингвальном образовании, развить которое можно лишь в условиях системного обращения к заданиям, основанным на процедуре сравнения. Эта стратегия напрямую связана с развитием других важнейших метаязыковых стратегий – стратегии переноса способов изучения одного языка на вновь изучаемый язык и повышения культуры самостоятельного труда учащегося, умения самостоятельно учиться.

Реализация метода сравнения в учебном процессе осуществляется в несколько этапов. На первом этапе преподаватель подготавливает языковой материал к обучению на контрастивной основе, т.е. к обучению новому языку с опорой на известные учащимся языки. На данном этапе хорошо зарекомендовала себя методика межъязыкового моделирования языковых и социокультурных явлений, контактирующих в учебном процессе языков [3]. Предполагается, что данной методикой должны овладеть не только учителя, но и учащиеся, так как моделирование языковых явлений изучаемых языков выполняет несколько функций. Кроме функции подготовки учебного материала к обучению на контрастивной основе, она является эффективным способом самостоятельного изучения языков в сравнении, а также играет важную роль в исследовательской работе учащихся.

В процессе межъязыкового моделирования учащиеся приобретают навыки проведения аналогий между языковыми фактами разных

языков и обучаются выявлять степень сходства / различия между ними по определенным критериям, в первую очередь, форме (графической, звуковой) и значению (лексическому, грамматическому) сравниваемых языковых единиц. Результаты анализа фиксируются ими в виде межъязыковых моделей.

В качестве примера приведем результаты моделирования базовой лексики по теме «Семья» на начальном этапе изучения немецкого языка учащимися-билингвами, владеющими русским и татарским языками, а также несколько лет изучающими английский язык.

Таблица 1. Межъязыковое моделирование лексики по теме «Семья»

Русский язык (Р)	Татарский язык (Т)	Английский язык (А)	Немецкий язык (Н)	Модель
семья	гаилэ	family	Familie	A=H
мать	ана, эни	mother	Mutter	A=H
отец	ата, эти	father	Vater	A=H
брат	абый (старш.), эне (младш.), бертуган	brother	Bruder	P=A=H
сестра	сенел (младш.), апа (старш.)	sister	Schwester	P=A=H
сын	ул	son	Sohn	P=A=H
дочь	кыз	daughter	Tochter	A=H
бабушка	эби, эбекэй	grandmother	Grossmutter	A=H
дедушка	бабай	grandfather	Grossvater	A=H
дядя	туган абый, абзый	uncle	Onkel	A=H
тетя	таган апа, апа	aunt	Tante	P=H

Этап моделирования показал, что тема «Семья» в немецком языке является несложной для этой категории учащихся, так как практически вся базовая лексика уже знакома им по другим языкам. Основными моделями являются: A=H и P=A=H, которые свидетельствуют

о преобладающем сходстве изучаемой лексики между немецким и английским, частично, – русским языками. Сходство касается лексического значения слов по теме «Семья», а также графической / звуковой формы слов, нередко и их морфологической структуры (например, англ. grandfather и нем. Grossvater). Татарский язык, который на этапе моделирования не показал какой-либо существенной роли для организации процесса переноса имеющихся знаний при изучении немецкого языка, в результате более длительных и системных наблюдений также оказался «полезным». В целом ряде случаев правила чтения гласных немецкого языка было легче усвоить именно при сравнении с татарским языком. Например, свойственный немецкому языку умлаут – фонетическое явление, заключающееся в изменении артикуляции и тембра гласных (в таких словах, как Höfe, Bücher), очень близко по произношению так называемым мягким гласным «о», «у» в татарском языке. Наличие определенных сходств между немецким и татарским языками – важное «лингвистическое открытие», сделанное в процессе экспериментальных занятий, как для учителя немецкого языка, так и учащихся.

На втором этапе применения метода сравнения преподаватель разрабатывает систему, так называемых, контрастивных упражнений с учетом закономерностей, выявленных на этапе моделирования языковых и социокультурных явлений, подлежащих усвоению. Контрастивные упражнения рекомендуется использовать при обучении всем языкам, контактирующим в учебном процессе, со всеми возрастными категориями учащихся. Особенно важно введение этой системы на начальном этапе изучения языков. Результатом педагогического эксперимента, проводимого в МБОУ «Гимназия № 6» г. Ижевска Удмуртской республики, стал мультилингвальный «Русско-татарско-английский словарь: Юный полиглот» [4], в котором представлена система контрастивных упражнений для начальной школы. Большой интерес контрастивные упражнения вызывают и у учащихся среднего и старшего звена, приступающих к изучению очередного языка. Задачи применения контрастивных упражнений в учебном процессе:

- способствовать расширению объема языковой памяти, развитию воображения, творческой фантазии учащихся;
- способствовать развитию гибкости навыков, их переносу из одной области знания в другую;

- формировать исследовательские навыки и умения средствами изучаемых языков;
- развивать навыки самостоятельной работы при изучении языков.

В ходе экспериментальной деятельности нами была разработана типология контрастивных упражнений (КУ), в которую вошли аналитико-рефлексивные КУ; КУ на уровне слова; КУ на уровне предложения; контрастивные правила; КУ на уровне текста; творческие КУ; КУ по сравнению лингвокультурных явлений.

Для создания системы КУ преподаватель должен подготовить списки слов и конструкций как по преподаваемому им языку, так и соответствия из других изучаемых учащимися языков, провести их моделирование. Большую помощь в создании системы контрастивных упражнений оказывают многоязычные словари, разработанные самими преподавателями, а также мультилингвальные словари соответствующих издательств (например, [1; 6] и др.).

Первые два этапа применения метода сравнения соответствуют тому, что в педагогической литературе называется внутренней или внутрипредметной интеграцией. Урок проводит один преподаватель-предметник, но он создает условия для осознания учащимися наличия системных связей между изучаемыми предметами, прежде всего, языкового цикла. Третий этап применения метода сравнения основан на том, что можно назвать внешней интеграцией. На этом этапе происходит существенное увеличение числа предметов, обучаемых на межпредметной основе, с целью расширения кругозора учащихся относительно связей изучаемых языков и культур с другими предметами школьного цикла – гуманитарными и естественно-научными.

На данном этапе основной формой обучения, способствующей формированию мультилингвальной личности учащегося, становится интегрированный урок, который проводится двумя и более преподавателями. В процесс интеграции на этом этапе включается и внеклассная, и воспитательная работа с учащимися. Продолжается обучение сравнению, выявлению сходств и различий между интегрируемыми объектами изучения средствами разных дисциплин, совершенствуется навык переключения с разных языков, а также других объектов изучения в рамках одного урока (мероприятия). При этом основной отличительной особенностью третьего этапа яв-

ляется обучение учащихся навыкам практической деятельности со сравниваемыми объектами. На интегрированных уроках и внеклассных мероприятиях, которые длятся, как правило, 1,5 часа, учащиеся не только совершенствуют процедуру сравнения, но и осознают, для чего необходимо сравнивать, как это может им пригодиться в их практической и профессиональной деятельности.

На четвертом, заключительном этапе, метод сравнения включается в исследовательскую деятельность учащихся, которая становится важным элементом как поурочной деятельности, так и индивидуальной проектно-исследовательской деятельности учащихся под руководством педагогов.

На каждом этапе применения метода сравнения целесообразно использовать языковой портфолио, помогающий учащимся, педагогам и родителям оценить уровень лингвистического развития детей, совершенствовать их рефлексивные навыки и метаязыковые стратегии.

Таким образом, метод сравнения языкового (речевого, культуроведческого) материала в процессе мультилингвального образования является важным компонентом изучения контактирующих в учебном процессе языков. Он способствует формированию учащегося – «сознательного типолога», обладающего развитым лингвистическим мышлением, исследовательскими навыками работы с языковым материалом и готовностью к самостоятельному преодолению трудностей в процессе мультилингвального образования.

Литература

1. Бастрон-Сухарь И.А. Русско-немецко-английский словарь. – М.: ООО «Стрелец-И», 2000. – 576 с.
2. Кондаков Н.И. Логический словарь справочник. – М.: Изд-во «Наука», 1975. – 720 с.
3. Малых Л.М., Медведева Д.И. Структурно-семантическое моделирование близкородственных языков (на материале сербского и русского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. – № 37. – 2011. – С. 67-74.
4. Малых Л.М., Шитова Р.Ф. Русско-татарско-английский словарь: Юный поли-глот / Под ред. Т. И. Зелениной, М. К. Хузиной. – Ижевск: Изд. дом «Уд-муртский университет», 2007. – 100 с.

5. Маркосян А.С. Очерк теории овладения вторым языком. – М.: УМК «Психология», 2004. – 384 с.
6. Русско-англо-итальянский словарь. Л.Вилсон и др. / Общ ред. В.Ситникова. – СПб.: Слово, 1993. – 560с.
7. Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. 3-е изд. – М.: Академический Проект, 2004. – 864 с.

Низамбиева И.И.

*Елабужский институт КФУ
(Елабуга, Татарстан)*

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ КАК СПОСОБ ОБЪЕКТИВАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ СКАЗОК

Общеизвестно, что язык и мышление тесно между собой связаны и взаимообусловлены. Известный немецкий филолог, языковед, философ В. фон Гумбольдт в своей работе «О влиянии различного характера языков на литературу и духовное развитие» отмечал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт 1984: 324].

Позже, немецкий языковед, виднейший представитель неогумбольдтианского направления в языкознании – Лео Вайсгербер – построил теорию языковой картины мира (*Weltbild der Sprache*), согласно которой абсолютно каждый родной язык раскрывает в своём понятии единую систему взглядов и некую картину мира. Она же, в свою очередь, впоследствии не просто передаётся всем членам языкового сообщества, но, можно сказать, и навязывается в качестве обязательного представления, в которую человек верит, не задумываясь [Вайсгербер 1993].

Немаловажную роль при иллюстрировании языковой картины мира играет устное народное творчество. Особого внимания заслуживают сказки, которые окружают человека с самого рождения. Например, описания героев, их речеповеденческая модель могут отчетливо показать некоторые особенности национального характера. Сказка – не только повествовательный жанр вымышленно-

го характера, но и некая характеристика, показатель особенностей мировосприятия конкретного народа, маркер его менталитета как носителя конкретной лингвокультуры. В «Большом словаре по культурологии» под редакцией Б.И. Кононенко даётся следующее определение понятию «менталитет»: «(лат. mens – ум, образ мыслей, склад ума) – мироощущение, мировосприятие, формирующееся на глубоком психическом уровне индивидуального или коллективного сознания, возникает в недрах культуры, традиций, социальных институтов, среды обитания человека и представляет собой совокупность психологических, поведенческих установок индивида или социальной группы» [Большой: terme.ru/dictionary/1170/word/mentalitet].

К примеру, в немецком характере преобладает brutальное начало: индивидуализм, стремление к независимости, лидерству и конкуренции. Это можно наблюдать в характере главного героя в сказке «Как крестьянин торговал», где главный герой, крестьянин в одиночку, без чьей-либо помощи достигает своей поставленной цели (талеров, и даже оказывается в новом камзоле), которую он в итоге сам и озвучивает в финале сказки: «Вот на этот раз ловко сошло» [Как крестьянин: tale-store.ru/skazki-narodov-mira/82-narodnye-nemeckie-skazki/1107-kak-krestyanin-torgoval].

Что же касается русского характера, то в нём доминируют стремление к коллективности, сотрудничеству, общению, уделяется внимание личным взаимоотношениям. Рассмотрим русскую народную сказку «Плач домовых». Мальчик Чуйко, проснувшись от услышанного голоса, первым делом оглянулся вокруг, беспокоясь за близких; придя в себя, после потери сознания, «вокруг полдеревни собралось». Особо ярким примером стремления к коллективности служит эпизод толкования всей деревней видения мальчика [Плач: sites.google.com/site/russkieskazki/home / russkie/plac-domovyh-domovoj]. Это, на наш взгляд, определяется таким качеством мышления (далее – картины мира) русского этноса, как соборность.

Также следует учесть тот факт, что русская культура – контактная (тактильность, обнимания в процессе общения), а немецкая – дистантная («закон вытянутой руки»). Подтверждение этому находим в сказках. Так, во многих русских сказок встречаются такие глаголы действия, как «обнял(а)», «поцеловал(а)», что большая редкость для немецких сказок, в которых можно обнаружить, как правило, только вербальные единицы: например, слова-утешения типа «не беспокой-

ся», «успокойся» без физического контакта с собеседником. Функциональная нагрузка сказок обеих стран обусловлена их когнитивной природой. Сказка в этом смысле призвана хранить информацию об окружающей действительности и передавать ее в пространстве и во времени (преемственность поколений). Однако мировидение и принципы у русских и немцев разнятся. Русские сказки призваны рассказать о характерах, поступках, мыслях и чувствах людей и оценить их (что хорошо, что плохо), причем строгих критериев оценки нет (действие героя может трактоваться/расцениваться по-разному: нередко случаи, когда хитрость, лукавство, обман, могут позиционироваться/восприниматься как мудрость, находчивость, смекалка). Основной задачей немецких сказок выступает их нравоучительный характер с моралью в финале, отличительная черта немецкого менталитета – законопослушность. Для немцев закон превыше всего, все правила должны непременно соблюдаться. Ярким примером служит сказка “Der Froschkönig” («Король-лягушка»), где отец осуждает собственную дочь за то, что она не хочет держать слово, данное лягушонку: «Wer dir geholfen hat, als du in der Not warst, den sollst du hemach nicht verachten» («Кто тебе в беде помог, тем пренебрегать не годится») [Märchen: www.maerchenstern.de/maerchen/froschkoenig.php]. В русском сказочном мире следование каким-либо законам несколько размыто. Например, в сказке «Вещий сон» добрый молодец, встретив трёх братьев, которые не могли разделить наследство, быстро решает их проблему с пользой в свою сторону [Вещий: hyaenidae.narod.ru/story3/152.html].

Также стоит отметить то, что немецкой точности, конкретике противопоставляется разговорчивость, общительность русских. Показателем данного факта можно считать то, что в немецких «зачинах» даются и географические сведения о месте, в котором происходит действие: «Давным-давно в Германии, где течёт река Рейн, на вершине холма...», «Случилось это давным-давно в Германии, в славном городе Гамельне, где протекала река Везер» [Мировая 2005-2007]. Начало русских сказок «абстрактно»: это всем знакомые «Жили-были...», «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве...», «В некотором царстве, в некотором государстве...». Не указаны ни конкретное место действия, ни его время, ни обстоятельства.

Рассмотрим ещё две сказки «Колобок» (русская народная) и «Блин-беглец» (немецкая народная). Следует учесть, что некото-

рые отличия в них есть (хотя бы сами главные герои), но сюжет, в целом, аналогичен. Лишь в финале Колобка «обдурчит» Лиса, а Блин-беглец сам запрыгнет в котомку голодных детей. Изначально, по первым впечатлениям по сказкам можно сделать ложный вывод: русский Колобок – эгоист, а немецкий Блин-беглец – жертва. Конечно, доля правды в этом высказывании присутствует. Однако, если глубже оценить ситуацию, то можно вывести следующее: Колобок – простой, наивный, глупец (НО не умственно отсталый), а Блин-беглец – рациональный, умный.

Безусловно, в немецких и русских сказках можно обнаружить сходные черты, в частности, отношение к красоте. Приняв во внимание широкое понимание категории красоты, можно остановиться и на единой мысли, что положительный герой в сказках обоих народов всегда красив, а отрицательный – наоборот. Например, немецкая народная сказка «Метелица» и русская народная «Морозко». Уже в начале мы встречаем данный элемент: у матери было 2 дочери (падчерица и родная). Падчерица – красивая и работающая, а другая – некрасивая и ленивая.

Персонажи являются неотъемлемой частью сказок любого народа. Безусловно, выделяются и те, которые особо привлекают внимание читателей и завоёвывают их расположение, симпатию. Это карлики, а точнее образы карликов, загадочных существ, нередко встречающихся в сказках обоих народов.

Карлики в немецких сказках – это Гномы – крошечные человечки, обитающие в горных пещерах и под землёй. В легендах стран Западной Европы сохранилось много сказаний об этом маленьком народе. Они очень трудолюбивы. Они не любят людей, которые часто вторгаются в их подземные владения, чтобы забрать себе несметные сокровища [Мифология 2012: 80]. Их прототипом в русской сказке является домовый. Домовые – боги низшего уровня славянского пантеона. Память об этих божествах сохранилась в народных обрядах и сказках [там же: 90]. Например, гном из немецкой народной сказки «Колокольчик» толерантен, держит своё слово, не груб, не жесток. Он не отбирает свой колокольчик насильственным путём, а добывается мирным. Он может перевоплощаться. Домовые из русской народной сказки (вспомним сказку «Плач домовых») – также положительные герои. Они оповестили жителей деревни через мальчика Чуйко о приближении опасности.

Это позволяет нам заключить, что именно эти маленькие герои во многом являются образцом психоэмоционального и речеведенческого портрета нации: толерантные, пунктуальные, законопослушные, точные, решительные, остроумные немцы; общительные, сентиментальные, простые, красноречивые, дружелюбные русские.

В заключение хотелось бы сказать, что мир немецких и русских сказок весьма богат и интересен. Они уносят читателя в богатый мир фантазий, волшебства, знакомят его с народной культурой, традициями и обычаями, принципами, мировоззрением, образом жизни человека. Всё это, в конечном счете, играет важную роль в развитии языковой и лингвострановедческой компетенции.

Литература

1. Большой толковый словарь по культурологии Кононенко Б.И. // Национальная энциклопедическая служба [Электронный ресурс]. – URL: <http://terme.ru/dictionary/1170/word/mentalitet> (дата обращения: 13.09.2015)
2. Вайсгребер Л. Die Zusammenhänge zwischen Muttersprache, Denken und Handeln («Связь между родным языком, мышлением и действием») // Родной язык и формирование духа. – М., 1993.
3. Грахова С.И. Фольклороведение. Краткий курс лекций. – Елабуга: Изд-во филиала КФУ в г. Елабуга, 2012. – 48с.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С.324-326.
5. Мировая коллекция волшебных сказок (комплект из 16 книг) / Д. Дефо, В. Гримм, Я. Гримм [и др.]; под ред. О.Медведской. – М.: Мир Книги, 2005-2007. – 640с.
6. Мифология: Энциклопедия / Под ред. Л.Н. Дорохина. – М.: Ро-смэн, 2012. – 96 с.
7. Народные русские сказки из сборника А.Н. Афанасьева / Ред. Аникин В.П. – М.: Художественная литература, 1982. – 319с.
8. Немецкие народные сказки. «Как крестьянин торговал» [Электронный ресурс]. – URL: <http://tale-store.ru/skazki-narodovmira/82-narodnye-nemeckie-skazki/1107-kak-krestyanin-torgoval> (дата обращения: 13.09.2015).
9. Самоглядное зеркало. Энциклопедия русских сказок. «Плач домовых» [Электронный ресурс]. – URL: <http://sites>.

google.com/site/russkieskazki/home/russkie/plac-domovyh-domovoj (дата обращения: 13.09.2015).

10. Сказки. Русская народная сказка «Вещий сон» [Электронный ресурс]. – URL: <http://hyaenidae.narod.ru/story3/152.html> (дата обращения: 13.09.2015).

11. Märchen lesen und erleben. Der Froschkönig [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.maerchenstern.de/maerchen/froschkoenig.php> (дата обращения: 13.09.2015).

Нуриева Д.Р.

Елабужский институт КФУ

(Елабуга, Татарстан)

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА НЕМЦА-ВРАГА В СОВЕТСКИХ АГИТАЦИОННЫХ ПЛАКАТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассвет визуальной информации пришелся в России на начало XX века. Особое место отводилось плакатному искусству. Плакат понимается нами как креолизованный текст (далее – КТ), единичное произведение искусства; лаконичное, броское (обычно цветное) изображение с кратким текстом (как правило, на большом листе бумаги), выполненное в агитационных, рекламных, информационных или учебных целях [Полевой 1986: 124]. В данном случае понятие «КТ» употребляется для определения любого печатного материала, рассматриваемого как совокупность гетерогенных знаков, для которого необходимо установить соотношение между его вербальными и невербальными составляющими.

Восприятие врага является важнейшим элементом сознания солдат в период ведения войны. Именно от отношения к врагу проистекает стойкость сопротивления, жажда победы и ярость атаки. Враг в сознании защитников страны обязательно должен быть жесток, коварен, глуп, труслив – он оборотная сторона всех положительных качеств, приписываемых «своим»: яркое проявление лингвокогнитивной антиномии «свой – чужой». Благодаря этому складывается необходимое для победы психологическое превосходство «своих» над «чужими». Огромную роль в формировании отрицательного образа врага играет военная политическая пропаганда. Ярким примером этого может служить советский агитационный плакат времен Великой Отечественной войны.

Рис.1

Рис.2

Плакат Кукрыниксов 1941 г. «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!» (рис.1) выполнен в карикатурной графике: на нем изображен маленький крысopodobный Гитлер и большой сильный советский солдат как яркое подтверждение концептуальной визуальной антиномии «свой – чужой»: положительный образ защитника родины и полностью ему противоположный отрицательный образ врага. Создавая карикатурный образ фюрера, художники преследовали цель не только вдохновить на подвиги, но и показать истинную сущность Гитлера. Значительную роль в восприятии образа врага играют детали: разорванный Гитлером «Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом», а также сорванная маска, что свидетельствует о лживой «крысиной» натуре фюрера. Эти метафорические образы построены на традиционной ассоциативной связи вербального и визуального элементов, при котором текст является стимулом, а визуальный ряд дает верное русло для развития ассоциаций.

На плакате Кукрыниксов «Завоеватели, связанные дружбой» (рис.2) изображены А. Гитлер и его единомышленники: Гитлер – глава собачей своры, его друзья (И.В. Антонеску, В.Квислинг, Муссолини) – цепные псы, злые прислужники. Перед нами визуальная военная метафора: Гитлер в военном обмундировании со сворой собак идет завоевывать мир. Военная метафора привносит в текст агрессивно-прагматический потенциал, заключенный в образе фюрера, а комический, сатирический эффект создается зоологизацией и глупым выражением лица персонажей плаката.

Рис.3

На плакате-карикатуре В.Н. Дени «Узнал фашистский стервятник, что у нас – не ягнятник!» (рис.3) изображена душераздирающая сцена: немецко-фашистский захватчик в образе стервятника тянется к ребенку, но тут большая сильная рука советского солдата хватается за горло и спасает мирное население. В данной карикатуре образ врага снова подвергается метафорической зоологизации, но в его основных чертах угадываются черты фюрера. Вербальная и визуальная составляющие КТ тесно спаяны, вербальный текст является стимулом к разворачиванию визуальной метафоры: из вербальной части узнаем об истинных намерениях фашистов – истребление мирного населения, что иллюстрирует изображение ребенка в когтях птицы; главная информация, содержащаяся в тексте лозунга, говорит о том, что и мирное население нашей страны способно дать отпор врагу – «у нас не ягнятник».

Таким образом, в агитационных советских плакатах создавался и поддерживался положительный образ советского солдата и полностью противоположный отрицательный образ врага. Советским солдатам внушалось психологическое превосходство над немецко-фашистскими захватчиками, в сознании «наших» враг представлялся глупым, самонадеянным, жестоким, лживым. Самым распространенным приемом в создании метафоры и прагматической тактикой

можно считать зоологизацию: часто фашистов уподобляли псам, крысам, стервятникам, что несет особый «басенный» контекст и мораль, действующие крайне убедительно.

Литература

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на основе креолизованных текстов): учеб. пособие. – М.: Академия, 2003. – 128 с.
2. Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т; Под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 3 (11). – Красноярск: Красноярский университет, 2000. – С. 104-110.
3. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013. – 194 с.
4. Полевой В.М. Популярная художественная энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1986. – 464 с.

Нурмиев А.М.

*Елабужский институт КФУ
(Елабуга, Татарстан)*

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТА «DIE RUSSEN KOMMEN» В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

В данной статье прецедентное выражение «*Die Russen kommen*» («Русские идут») рассматривается как стереотипный маркер немецкого лингвосоциума, употребляемый сегодня по отношению к России и ее жителям. Оно предстает как часто встречающийся конструкт заголовков публицистических текстов и лозунгов для мероприятий, проводимых на территории Германии.

Прецедентность данного выражения объясняется экстралингвистическими факторами, которые мы подробно описывали ранее [Данилова, Нурмиев, Учиров 2015]: история взаимоотношений народов и властей России и Германии с начала XX века по настоящее время; историческая подоплека, основанная на воспоминаниях очевидцев, участников Второй мировой войны (страх и ужас, которые наводила на немцев русская армия в последние месяцы ВОВ, подогретые пропагандой Геббельса [Геббельс]) и ставшая причиной возникновения

его когнитивной составляющей как угрозы «русского похода». Разрешение военного конфликта привело к постепенному осознанию немецким народом роли Германии как агрессора в войне, и переосмыслению образа русских в историко-культурном поле восприятия.

Сегодня, спустя 70 лет, наблюдается расслоение когнитивных массивов выражения «*Die Russen kommen*», утрата им первоначально негативной прагматической и концептуальной составляющих «русского нашествия» во время Второй мировой войны и функционирование его как литературной отсылки (прецедентный текст), метафорической проекции известного исторического контекста на современные реалии.

Фраза «*Die Russen kommen*» часто фигурирует в современной немецкой публицистике и культуре, как в оригинальной форме, так и в различных измененных вариантах. Чаще всего она выносится в заголовки статей и новостных заметок в газетах, журналах и сайтах информационных агентств в силу своей историко-культурной ценности и когнитивной направленности на привлечение внимания к теме взаимоотношения Германии и России. Подобные взаимоотношения можно наблюдать в разных социальных сферах и отраслях: экономика, бизнес, политика, информационные технологии, туризм и т.д.

Отметим, что политика, экономика и туризм являются самыми большими сферами взаимодействия русских и немцев, где могут возникать диаметрально противоположные оценки. Интересным и наглядным примером может послужить факт того, что одно и то же выражение, используемое в заголовке публицистического текста, может нести в себе два разных смысла. К примеру, в одной из статей немецкого издания «*Die Tageszeitung*» фраза «*Die Russen kommen*» в заголовке употребляется в связи с операцией по обмену акциями между компаниями «*Deutsche Bahn*» («Немецкие железные дороги») и «Российские железные дороги». У автора статьи вызывает опасение тот факт, что российская компания станет совладельцем немецких железных дорог [*Die Russen kommen – nicht*]. Однако если мы обратимся к статье в газете «*Badische-Zeitung*» от 6 июня 2009 г., под заголовком с таким же названием мы увидим позитивную новость о росте количества русских туристов в Германии [*Die Russen kommen*].

Обращаясь к политическим взаимоотношениям двух стран, можно привести пример употребления данной фразы, но на этот раз в несколько измененном варианте: на сайте немецкого телеканала N-Tv

7 марта 2014 г. была опубликована статья под названием «*Lasst die Russen kommen!*» («Пусть русские придут!»), в которой автор предлагает развивать взаимодействие между Россией и Германией на уровне гражданского общества. В качестве одной из мер предлагается упрощение визового режима между странами [Lasst]. Основная идея статьи заключается в том, что Россия – это не только Путин, олигархи и коррупция, но и гостеприимство и богатая культура народа.

Когда речь заходит о стереотипных представлениях, связанных с поведением русских на зарубежных курортах, описания вновь приобретают негативный оттенок. В августе 2005 г. на страницах немецкого журнала «Stern» была опубликована статья под заголовком «*Die Russen kommen*», где в негативной форме выражалось отношение автора к российским туристам, отдыхающим на турецких курортах, которые своим вызывающим поведением создают дискомфорт для европейских (в том числе немецких) туристов [Русские идут].

В информационном пространстве Германии частотность данного выражения настолько высока, что мы можем встретить его в достаточно узких сферах и темах, например, таких как автоиндустрия или информационные технологии.

Немецкий журнал «Auto Motor und Sport» пишет статью об автомобильной выставке «Essen Motor Show-2013», на которой никому не известная российская компания «Larte Design» привлекла всеобщее внимание своими выставочными экземплярами, демонстрирующими оригинальные дизайнерские решения для разных моделей автомобилей. Статья вышла под заголовком «*Die Russen kommen*» [Die Russen kommen].

На немецком информационном портале «Kontakter.de» 28 ноября 2014 г. была опубликована заметка под заголовком «*Browser-Krieg: Die Russen kommen*» («Война браузеров: русские идут»). Заметка посвящена тому, что российский интернет-гигант «Yandex» занимается разработкой браузера, который станет конкурентом мировых лидеров «Google», «Firefox» и «Microsoft» [Browser-Krieg].

Проводя историческую параллель с закрепленным в немецком сознании значением фразы «*Die Russen kommen*», можно сделать вывод о том, что ее использование несет в себе определенный прагматический потенциал, обозначающий реакцию на масштабные социальные взаимодействия между Россией и Германией. Во-первых, аллюзия на обобщенное понятие «русские идут», ставшее актуаль-

ным в годы Второй Мировой войны, реализуется через упоминание о географическом перемещении больших масс русского населения в сторону Германии (туризм, иммиграция). Во-вторых, данная фраза в контексте Второй мировой войны метафорически мотивируется через стремление русских «завоевать», другими словами освоить, занять нишу в каком-либо секторе немецкой (европейской) экономики.

В иных случаях актуализация выражения «*Die Russen kommen*» может быть связано с идеей привлечения внимания к русской культуре. Часто в Германии проводятся тематические мероприятия, в которых демонстрируются произведения искусства российского происхождения. Например, в 2007 г. в немецком городе Бад-Эмс состоялся фестиваль художников «*Die Russen kommen*». В афише фестиваля указывалось, что он создан с целью приукрасить образ России, освободить его от предрассудков и открыть новые перспективы взаимодействия русской и немецкой культур [Künstler Festival]. В 2006 г. в Гамбурге был основан фонд «Германо-российский молодежный обмен», целью которого является изучение русской культуры немецкими школьниками и студентами. Ряд мероприятий данного сообщества проходит под девизом «*Russisch kommt!*» [Германо-российский].

С точки зрения эмоционального восприятия в современной Германии фраза «*Die Russen kommen*» может нести в себе как позитивный, так и негативный смысл. В культурной сфере употребление данного выражения вызвано стремлением расширить кругозор, приобщиться к русской культуре, узнать что-то новое о России. В публицистике эмоциональный фон всегда либо нейтрален, либо несет в себе мотив беспокойства, опасения, тревоги.

Однако вне зависимости от эмоциональной нагрузки, можно полагать, что целью использования выражения «*Die Russen kommen*» в современной публицистике и культуре является привлечение внимания. Фраза способна служить инструментом маркетинговой привлекательности в силу ее прецедентности, основанной на эмоциональной отсылке к одному из самых трагичных периодов взаимоотношений России и Германии: прочно укрепившийся в сознании немца контекст не позволит таким заголовкам остаться незамеченными.

Литература

1. Геббельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи. Смоленск.: Русич, 1998. 225 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://mirknig.mobi/data/2013-06-13/1385952/Gebbels_Dnevniki_1945_goda_Poslednie_zapisi.1385952.pdf (дата обращения: 09.02.2015).
2. Германо-российский молодежный обмен (фонд). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.stiftung-drja.de/ru/russisch-kommt> (дата обращения: 12.02.2015).
3. Данилова Ю.Ю., Нурмиев А.М., Учиров П.С. «Die Russen kommen» как стереотипный маркер немецкого лингвосоциума: военная пропаганда и маркетинг // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2015. – Вып. 2 (52). – С. 82-90.
4. Русские идут (перевод статьи) // Stern (от 25 августа 2005 года). [Электронный ресурс]. – URL: <http://inosmi.ru/world/20050823/221687.html> (дата обращения: 12.02.2015)
5. Browser-Krieg: Die Russen kommen // Kontakter (от 28 ноября 2014 года). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kontakter.de/internationale_news/browser_krieg_die_russen_kommen (дата обращения: 12.02.2015).
6. Die Russen kommen – nicht // Tagesschau (от 19 декабря 2014 года). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tagesschau.de/wirtschaft/russen-urlaub-101.html> (дата обращения: 12.02.2015).
7. Die Russen Kommen // Auto, Motor und Sport (2013 год). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.auto-motor-und-sport.de/news/essen-motor-show-2013-die-russen-kommen-7934404.html> (дата обращения: 12.02.2015).
8. Die Russen kommen // Badische-Zeitung (от 6 июня 2009 года). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.badische-zeitung.de/freiburg/die-russen-kommen--15811123.html> (дата обращения: 12.02.2015)
9. Künstler Festival «Die Russen Kommen». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.die-russen-kommen.com> (дата обращения: 12.02.2015).
10. Lasst die Russen kommen! // Сайт телеканала «n-TV» (от 7 марта 2014 года). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.n-tv.de/politik/politik_kommentare/Lasst-die-Russen-kommen-article12414326.html (дата обращения: 12.02.2015).

Салимова Д.А.

Елабужский институт КФУ
(Елабуга, Татарстан)

КАРЛ ФУКС – ВЕЛИКИЙ СЫН ГЕРМАНИИ В БЛАГОДАРНОЙ ПАМЯТИ ТАТАР

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ проекта № 15-04-00011 «Язык и культура русских немцев в миграции: проблемы самопрезентации и самоидентификации».

Carolus Fuchs.

Ровно через год в начале сентября исполнится 240 лет со дня рождения великого сына Германии и по-настоящему сыскавшего любовь у татар Карла Фукса. Об этом немце, сделавшем так много для российской науки и для татарского народа – в том числе, написано очень много. Только на материале двух известных книг К.Фукса «Краткая история города Казани» и «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях», также опираясь на ряд публикаций, увидевших свет в связи с 230-летием со дня рождения ученого, попытаемся дать краткий

экскурс в жизнь «Табиба Фукса». Благодарные потомки, казанцы, назвали в его честь один из красивейших садов столицы Татарстана, есть улица, названная его именем. Кто же этот человек, оставивший вечный след в истории Казани и татарского народа? Вкратце очертим этапы его жизни.

Карл Фукс родился в Германии, в городе Герборне 6(18) сентября 1776 года, в семье, где образование и наука ценились выше всего. Отец Карла и его дед (Хофман) были уважаемыми профессорами, преподававшими в Высшей школе (университете) Герборна. Отец его занимался философией, а дед фармацевией. Получил Карл Фукс высшее образование в Геттингенском университете, степень доктора медицины получил в Марбургском университете (к слову, в Марбурге учился Михайло Ломоносов). В 1800 году приехал в Россию, которую очень любил, считал своей Родиной и всю свою жизнь трудился на

ее благо. Осенью 1805 года Карла Федоровича Фукса назначили профессором в только что открытый Казанский Императорский Университет. Обычно профессора-иностранцы читали лекции на немецком, французском языке или латыни. Но Карл Фукс читал лекции на русском языке, чем очень располагал к себе студентов. Преподавал он естественную историю и ботанику, проводил много практических занятий, создал ботанический сад университета. С 1819 года Фукс руководил кафедрой патологии, терапии и клиники, и читал лекции по анатомии, судебной медицине и физиологии, был деканом (1820-1824) и ректором (1824-1827). Следует особо подчеркнуть, что Казанский университет формировался под сильным влиянием традиций немецкой научной школы. И понятно почему - здесь собралось много немецких профессоров, прибывших из Европы и Прибалтики. В течение первых 20 лет все заведующие кафедрами, за исключением кафедры богословия, были немцы. Первые ректора, деканов и членов училищного комитета состоялись в январе 1811 года. Ректором был избран австрийский ученый, профессор анатомии, физиологии и судебной медицины Иван Осипович Браун (баллотировался и профессор И.А.Литтров, астроном), деканами: физических и математических наук – профессор чистой математики Мартин Бартельс, врачебных и медицинских наук – профессор патологии, терапии и клиники Иоганн (Федор Христофорович) Эрдман, нравственных и политических наук – профессор умозрительной и практической философии Карл Фойгт. (<http://history-kazan.ru/7256-1008>). Новые выборы состоялись только в 1814 году. Первым ректором вновь был избран Осип Браун (утвержден в этой должности высочайшим указом 24 февраля 1814 г.), деканами – Карл Фойгт и Мартин Бартельс, а также вновь были избраны Иван Финке (отделение нравственных и политических наук) и Мартин Герман (отделение словесных наук) – выпускники Геттингенского университета, как и Карл Фукс.

С 1812 года Карл Фукс открыл врачебную практику в Казани. Прекрасный врач и изумительный диагност, он спас от верной смерти и вылечил множество горожан. Бедняков Карл Федорович лечил бесплатно, не жалея своего времени и сил, будучи редким по своему бескорыстию человеком. Он был единственным в городе врачом, которого звали в мусульманские семьи, если требовалась медицинская помощь женщинам-татаркам: татары – мужья доверяли лечить своих жён. Так, Карл Фукс стал первым врачом, признанным казан-

скими татарами. Мусульмане, боясь колдовства, которому священный Коран выражает резкое неодобрение, настороженно относились к чужеземным лекарям. Фукс был исключением, для этого «табиба» двери для него всегда были открыты. Владение татарским языком и несомненный врачебный талант подкупало казанцев. Главное направление в медицине, где ему не было равных, – это диагностика, среди врачей того времени никто не мог добиться его уровня; ученый умел ставить верный диагноз даже по поверхностному осмотру больных. В 1830 году, во время эпидемии холеры, Фукс много и успешно лечил людей как в Казани, так и в Поволжье, написал руководства по практической медицине на нескольких языках, в том числе и татарском.

Научное наследие Карла Фукса очень обширно. Работы по санитарному положению, этнографии (праздники, религиозные обряды, семейная жизнь разных народов – татар, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов), археологии, истории Поволжья. Фукс собирал восточные монеты и старинные рукописи. В своей библиотеке он собрал большое количество русских, татарских и раскольничьих рукописей. В 1823 году его коллекция монет была куплена Казанским университетом для музея, а в 1850 году коллекция была вывезена в Санкт-Петербург. Также Карл Фукс совершил научную экспедицию на Урал, где собрал коллекцию минералов для музея, написал несколько научных статей, опубликованных в «Казанском Вестнике» о топографии Урала, растительном мире, минералах и горном промысле. В статье «О болезнях горнозаводских рабочих Урала» он впервые заговорил об изучении и лечении профзаболеваний рабочих, улучшения условий их жизни и работы.

Карл Фукс в своей книге «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях» в живой и увлекательной форме описал жизнь татар. Всё о чём он писал, он видел своими глазами. Эта добрая книга о казанских татарах. «Татары живут очень опрятно. В их избах чисто: они имеют страсть несколько раз в год белить печь, что делают даже и в развалившихся хижинах. Женщины свое хозяйство держат в большом порядке и чистоте; хлебы печь большие мастерицы; нигде нет таких вкусных и густых сливок, как у Татарок, особенно их каймак, вареные сливки, густые, как пенка. Я видел, как они опрятно доят коров: надевают большой фартук, моют теплую водой у коровы вымя и молоко покрывают чистым полотенцем.

Многие Татары в деревнях зимою коров не доят; они запасают осенью каймак и морозят в больших кадках вареное молоко, и, зимою, когда нужно, разогревают и едят». Карл Фукс, описывая быт и жизнь татар, не только восхвалял этот народ, но и видел много негативного в жизни народа. Приведем еще отрывок из его книги. «Другая, по моему мнению, гораздо важнейшая причина, препятствующая большому умножению народонаселения у Татар, есть сильное стремление их к Русским трактирам, где познакомились они с Европейскою роскошью и пьянством. Таковое стремление наиболее усилилось в течение последних 20 лет. Многие Татарские купцы и мещане почти ежедневно посещают трактиры и оставляют там значительные суммы денег. При входе в трактир прежде всего они требуют 2 или 3 рюмки называемого ими бальзама, настоящего ароматными травами на самой крепкой водке; потом подают им солянку из стерлядей, вкусно приготовленную, в которую льют они по своему вкусу чрезвычайно много крепкого пивного уксусу; после сего подают им самое любимое их питье – крепкое пиво».

Эти слова, на мой взгляд, служат ярким отпором тем «татарским патриотам», которые утверждают, будто татары научились употреблять алкоголь только в двадцатом веке, в годы Великой отечественной войны, научились этому у русских на фронтовых полях. К сожалению, уже в начале 19-го века наши предки в трактиры ходили нередко, правда, это были в основном городские и зажиточные татары.

Память о Великом Карле Фуксе, который связал свою жизнь с судьбой татарского народа, навеки останется в памяти всех татар, ибо татары в его понимании были народом, который, несмотря ни на какие перипетии своей истории, сумел сохранить этническую общность: родной язык, историю, культуру и традиции. Его очерки с большим успехом публиковались в литературно-художественном журнале «Заволжский муравей», издатели с удовольствием печатали и книги Фукса. «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях», некоторые отрывки из которой мы привели в этой статье, – это настоящая энциклопедия, по сей день не утратившие своей научной ценности.

В 1846 году он очень тяжело заболел и умер 12(24) апреля 1846 года, не дожив до своего 70-летия несколько месяцев. Провожал его весь город: губернатор, студенты и преподаватели университе-

та, множество жителей Казани, как русских, так и татар. Уже в конце 19-го века, в 1896 году, на 50-летие со дня смерти на берегу реки Казанки был заложен «Фуксовский сад», а улица Поперечно-Тихвинская переименована в Фуксовскую. В 1996 году на 220 лет со дня рождения был установлен памятник Фуксу (скульпторы А.Балашов и И.Козлов), а на доме Фукса появилась мемориальная доска на трех языках – татарском, русском, немецком. Hier lebte und wirkte von 1812-1846 Karl Fuchs Verdienter Professor der Kasaner Universität, Ehrenbürger der Stadt Kasan.

В рамках гранта, выполняемого группой ученых нашего института, «Язык и культура русских немцев в миграции»... научный интерес к личности Карла Фукса вполне закономерен: этот человек, этнически немец, проживший большую часть своей жизни на чужбине, сумел не только сохранить свои немецкие корни и остаться верным германской научной школе, но и приумножить научный потенциал России, обогатил медицину, этнографию, историю, создал настоящие энциклопедии о жизни татар 18-го, 19-го веков.

Литература

<http://tartaria.ru/kalendar11.html>

<http://www.an-tat.ru/ob-assamblee/library-assembly/magazine-anko/2332/2590/>

Староверов Н.Д.*Елабужский институт КФУ**(Елабуга, Татарстан)***ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКО-РУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

В эпоху Ренессанса, которая объяла Европу в промежутки с XV в. по XVII в., в столкновении художественных сюжетов и идей просматривается следующая мысль: взаимодействие культур и их взаимовыгодное столкновение – это одно из основных направлений развития индивидуальной культуры любого народа и государства. Так, мы можем наблюдать сонеты Петрарки и Данте в итальянском Возрождении, которые в дальнейшем будут интерпретированы «литературным обменом» в творчестве Шекспира как формой – сонетом, так и располагающей к нему темой – любовь к прекрасной даме.

Эпоха Просвещения в России, несомненно, связана с именем Петра Алексеевича Романова, который известен истории как Петр I Великий. Именно во время правления Петра государство российское получает статус ведущей мировой империи, что обусловлено, в первую очередь, «обменом» с Европой: элементами культуры, различными видами искусства, зодчества, ведущими отраслями промыслов и, в конце концов, даже одеждой – все ортодоксальное, устаревшее, тянувшее Россию назад, было решительно остановлено Петром. В радикальных реформах уклада жизни российскому императору помогали так называемые «птенцы гнезда Петрова»: Лефорт, Боур, Миних, Остерман, Меншиков, Апраксин и др. В ряду этих имен можно отметить, что некоторые из них легко поддаются теории «культурного обмена», при котором государство (в лице того, кто правит), на наш взгляд, выбирает лучшее для себя и своей страны из любых доступных и достойных источников. Окно, «прорубленное» в Европу, Петром I открыло российскую культуру для диалога с другими странами.

Именно с XVIII в. в Российской Империи начинается эпоха Просвещения, которая черпает силы русской культуры, в первую очередь, в традициях Германии и Франции. Известно, что Ломоносов еще в конце 1741 года перевел оду Штелина (в русском варианте – «Стихи на иллюминацию» 1741 г.) на день рождения Елизаветы Петровны, но в напечатанном тексте фамилия переводчика не указана – она определена по сохранившейся рукописи. Эти стихи включены

в описание празднования дня рождения Елизаветы Петровны, напечатанное в «Санктпетербургских ведомостях» за 2 мая 1743 года. Об иллюминации, зажженной вечером того же дня, в отчете сообщено было следующее: «Против дворца на большом театре зажженная иллюминация представляла основанной на каменной горе круглой замок, которого вершины вместе изображали корону. Над короною стояла мачта, а на верьху оныя поднят был штандарт с коронованным вензловым ее императорского величества именем. Сквозь средние ворота, под которыми находился пьедестал, а на оном императорская корона, показывался в перспективном виде сад, а по обеим оного сторонам в полном своем цвете зеленые алей, а на концах оных представлено было восходящее солнце. От обеих передних сторон помянутого замка проспект переменялся в амфитеатр зеленых стен и посредством павилиона шел вдоль в крытую галерею, состоящую из столбов. Изъяснение всего сего представления содержится в следующих стихах» [Берков 1961].

Особую силу взаимодействие русской и немецкой культур обретает на рубеже XVIII-XIX веков, когда классицистическая традиция в русской литературе сменяется новыми творческими методами сентиментализма и предромантизма. В плеяде авторов этого периода видную роль играет переводческая литература. Например, в творчестве А.Х. Востокова, который является внебрачным сыном немецкого барона Остен-Сакена, присутствуют перевод с немецкого из Геллерта – «Благодеяние», продолжает ряд русской переводческой литературы произведение-подражание Востокова «На смерть Шиллера», а также перевод с немецкого из Пфефеля – «Ибраим» [Востоков 1802].

Немаловажную роль в становлении русской литературы сыграли переводы немецких баллад В.А. Жуковским. Он открыл русскому читателю Гёте, занимался переводами баллад Шиллера, Гебеля и других авторов. Следует отметить, что в переводах Жуковский выступает как подлинный творец, позволяя себе отступать от буквальной точности оригинала. Он как бы сочинял баллады на заданную иностранному братом-писателем тему.

Казало бы, что мы наблюдаем исключительно одностороннюю связь, при которой русская культура строилась исключительно на заимствованных сюжетах, на подражании признанным европейским мастерам, но Н.Г. Чернышевский весьма точно заметил, что «переводная литература у каждого из новых европейских народов, имела

очень важное участие в развитии народного самосознания или в развитии просвещения и эстетического вкуса» [Особенности]. То есть на иностранном фундаменте, развивающемся еще со временем Петра Великого, выросла самобытная русская литература, к которой старались прикоснуться многочисленные зарубежные писатели. Так, Мопассан, который восклицал после прочтения «Смерти Ивана Ильича»: «Я вижу то, что вся моя деятельность была ни к чему, что все мои десятки томов ничего не стоят» [Независимая]. Джон Голсуорси говорит, что А.П. Чехов «в течение последних двадцати лет самым могучим магнитом для молодых писателей многих стран» [Умная] и др. [Особенности]. В бесконечности подобных цитат мы видим особые почести, возлагаемые к пьедесталу русской литературы. Рассмотрев явление интерпретации европейской художественной мысли, мы можем говорить о том, что русская культура, ее творческое выражение пришла к одной из ведущих ролей в художественном мастерстве изображения, к видному месту в истории мировой культуры.

Наиболее близка к русской художественной литературе, по нашему мнению, литература немецкая, что обусловлено, в первую очередь, содержанием произведений: в основе лучших произведений русской литературы звучат библейские мотивы – «Война и мир», «Преступление и наказание», «Мастер и Маргарита» и т.д.; точно также они звучат в немецкой – «Фауст», «Игра в бисер», «Доктор Фаустус» и др. Более того, в произведениях обоих народов присутствует мотив поиска героем самого себя, его стремление к запретному и высокому: доктор Фауст и Пьер Безухов, стремящиеся получить знания от мистических сил; Родион Раскольников и Иозеф Кнехт, познающие мир посредством подтверждения или опровержения собственных теорий; Мастер и Адриан Леверкюн, бросающие вызов вечности.

Близость обусловлена также и художественными особенностями языков, их выразительной мощью, которая способна создавать образы не только на художественном уровне, как своего рода картину, но и дополнять их с помощью звуков, сложных речевых конструкций.

Наиболее очевидным сходством обладает массовая литература в Германии и в России в 30-е годы XX в., во время, когда в обеих странах к власти приходят социалисты: в России образовывается СССР во главе с ВКП(Б), а в Германии – НСДАП. Это время характеризуется идейной направленностью литературы. Время, которое определяет литературу и другие искусства во службу государству. Время, ког-

да был пересмотрен взгляд на классику, например, 10 мая 1933 года на площади Опернплац в Берлине было произведено сожжение книг, в которых содержание произведений не соответствовало идеологии государства [Сожжение]. Среди деятелей культуры существует необходимость подтвердить свое «арийское» происхождение [Свидетельство] – это одна из главных причин, объясняющих эмиграцию видных деятелей культуры Германии, в частности – Томаса Манна, Бертольда Брехта и др. [Герман]), из своей страны. Вынужденная эмиграция, притеснения со стороны государства, жесткая цензура, необходимость получения свидетельства об «арийском» происхождении – все это сформировала обстановку в Германии 30-40 гг. XX в.

В литературе СССР в это время господствует творческий метод социалистического реализма – метод советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в её революционном развитии. Причём правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной переделки и воспитания в духе социализма [Социалистический]. Поэтому и о советской литературе 30-х годов осталась мрачная память, видимо, оттого, что целое поколение литераторов выпало из внимания историков. Собственно, и современники тех лет, чудом пережив эту эпоху, пытались вспоминать о ней как можно меньше. Но «пропущенные» времена – своего рода роковая точка возврата, они снова и снова напоминают о себе. «Разгром», «Разлом», «Железный поток», «Котлован», «Голый год», «Шум времени» – заголовки знаменитых повестей и романов 20 – 30-х годов XX века. Главная тема этих книг – время, которое потребовало полного отречения человека от самого себя. Сначала во имя великой идеи, затем во имя сильной власти. Время, которое диктовало условия писателям, не пропуская тех, кто был неугоден партийным интересам.

Выражая идею о схожести обстановки в Германии и России начала XX в., следует отметить положительную тенденцию в искусстве – его исключительный патриотизм, который воспитывался совершенно тираническими методами. Именно поэтому огромный резонанс в обеих культурах вызвала Вторая Мировая война, точнее, часть этого театра боевых действий, называемая в России Великой Отечественной войной.

Литература

1. Берков П. Неизвестные стихотворения Ломоносова в «Санкт-петербургских ведомостях» 1743 и 1748 годов // Русская литература. – 1961. – № 4. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_0180.shtml (дата обращения: 05.02.2015).
 2. Востоков А.Х. Ибраим // Свиток муз. – СПб, 1802. – Кн. 1. – С.28-32. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.library.spbu.ru/rus/Volsnx/Svmuz/sm1t028.html#p1> (дата обращения: 05.02.2015).
 3. Герман Гессе // Википедия: свободная энциклопедия: на русском языке [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Герман_Гессе Дата (дата обращения: 06.02.2015).
 4. Независимая газета // «Бесполезная красота» Ги де Мопассана» (от 05.08.2000) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ng.ru/culture/2000-08-05/7_mopassan.html (дата обращения: 15.02.2015).
 5. Особенности перевода лирики И.В. Гете на русский язык // LitExplorer. Литературные исследования [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.litexplorer.ru/litexps-506-1.html> (дата обращения: 15.02.2015).
 6. Свидетельство об арийском происхождении // Википедия: свободная энциклопедия: на русском языке [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Свидетельство_об_арийском_происхождении (дата обращения: 06.02.2015).
 7. Сожжение книг во время речи Геббельса // Энциклопедия Холокоста. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ushmm.org/wlc/ru/media_fi.php?MediaId=73 (дата обращения: 06.02.2015).
 8. Социалистический реализм // Википедия: свободная энциклопедия: на русском языке [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социалистический_реализм (дата обращения: 06.02.2015).
 9. Умная Россия // Величайший мастер слова – Антон Павлович Чехов [Электронный ресурс]. – URL: <http://cleverrussia.com/velichajshij-master-slova-anton-pavlovich-chexov/> (дата обращения: 15.02.2015).
-

Староверов Н.Д.

Данилова Ю.Ю.

*Елабужский институт КФУ
(Елабуга, Татарстан)*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Отношения русского и немецкого народа представляют собой достаточно сложный синтез, обусловленный историей этих государств. В данной статье авторами предпринимается попытка проблему взаимоотношений государств России и Германии рассмотреть через существующие художественные интерпретации событий Второй Мировой войны в немецкой и русской литературе данного периода.

Начало без предупреждения Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. надолго стало причиной ненависти как немцев, считавших русского человека «свиньей», «недочеловеком», так и русских, в сознании которых укрепился сугубо негативный образ немца не иначе как «врага» и «фашиста». Понятно, что стереотипное негативное мышление формировалось во многом благодаря пропаганде (см., например [Геббельс]) и литературе.

В неофициальном, личном восприятии большинства немцев именно война на Восточном фронте – так называемый «Русский поход» – остается центральным событием Второй мировой войны. Это не удивительно, принимая во внимание тот факт, что Восточный фронт был главным театром военных действий, на котором почти каждая немецкая семья потеряла кого-нибудь из близких. В Западной Германии восприятие войны против Советского Союза находилось долгое время в непосредственной зависимости от политической ориентации на Запад, в первую очередь на США, и от идеологии антикоммунизма первых послевоенных десятилетий. Жертвами войны считались, прежде всего, немцы: мирные жители, пострадавшие от бомбежек союзников, немецкие военнопленные, все еще находившиеся в Советском Союзе, немецкие переселенцы из восточных районов бывшего Рейха (которых в Германии называют «изгнанными»), а также немецкие женщины, ставшие жертвами насилия со стороны союзнических войск. В этом контексте война против СССР стала символом страданий солдат вермахта, именно с этими страданиями

ассоциировалось центральное в немецком восприятии событие войны – поражение под Сталинградом. В итоге возник миф об армии, которая была побеждена и стала жертвой политического и идеологического злоупотребления со стороны преступного руководства, но все же выполнила до конца свой воинский долг и осталась «чистой», незапятнанной. Этот образ «чистого вермахта» создавался в 1950-1960-е годы благодаря огромному количеству мемуаров бывших генералов вермахта, апологетической историографии и не в последнюю очередь – художественной литературе. Например, в мемуарной прозе Гудериана «Erinnerungen eines Soldaten» (1951), в воспоминаниях Манштейна «Lost Victories: The War Memoirs of Hitler's Most Brilliant General» (2004) и др.

Советские граждане, ставшие жертвами войны не являются частью немецкой «культуры памяти» и политической культуры. В речах, произносимых ежегодно 27 января в «День памяти жертв национал-социализма», присутствует прочный набор жертв нацизма. Это евреи, при этом речь идет, как правило, исключительно о тех евреях, что стали жертвами организованного уничтожения в лагерях смерти, и о немецких евреях. В этот список также включены цыгане, люди с психическими и физическими недостатками, политические противники режима, гомосексуалисты. Три с половиной миллиона советских военнопленных, умерших от голода в нацистских лагерях, более одного миллиона жителей Ленинграда, погибших во время блокады, а также миллионы советских граждан, ставших жертвами войны на уничтожение, в этих речах не упоминаются.

Большинство авторов (Г.Бёлль, Ф.Вёсс, Г.Айх и др.) в Западной Германии (в том числе и члены антифашистской «группы 47», сделавшие немало для преодоления нацистского прошлого в ФРГ) ставили в центр своих повествований о войне страдания немецкого солдата, не очень задумываясь об общеисторическом контексте.

Например, в романе Г.Бёлля «Где ты был, Адам?» (1949) описывается рядовой солдат по имени Файнхальс, точнее, его военный быт в 1945 г., во времени, когда немцы уже ощутили отрицательный исход войны против СССР. В романе изображены люди сломленные, доведенные до апатии: «проклятая война» сделала их равнодушными, они способны испытывать только чувство ненависти к тем, кто послал их умирать. Символичен так же и финал произведения: Файнхальс, наконец, оказавшись в родном городе, улыбаясь от счастья,

идет к родительскому дому, на котором вывешен огромный белый флаг. Солдат узнает в нем праздничную скатерть, которую когда-то стелила на стол мама. В это время начинается оружейный обстрел – «снаряд ударил по фронтому дома – вниз полетели кирпичи, штукатурка посыпалась на тротуар, и он услышал, как вскрикнула в подвале мать. Он быстро пополз к крыльцу, услышал приближающийся свист седьмого снаряда и закричал в смертельной тоске. Он кричал несколько секунд, ощутив вдруг, что умирать вовсе не так уж просто, громко кричал, пока снаряд не достиг его и, мертвым, бросил на порог родного дома» [Böll 2007]. В окончании романа Бёлля мы еще раз видим образ немецкого солдата, изображенного жертвой войны, настоящим мучеником, который, буквально, до смерти стремится попасть домой.

Жертвы войны с советской стороны обычно не упоминаются, а описания России и русских не выходят за рамки, обусловленных войной: жестокости и пугающей жесткости славянского народа, их ужасающими методами борьбы. Несмотря на то, что действие большинства этих романов происходит на Восточном фронте, преступления против гражданского населения на оккупированной территории СССР обходятся в них молчанием. В таком замалчивании прослеживается имплицитная преемственность с идеологией национал-социалистов, видевших в войне с Советским Союзом крестовый поход Западной Европы против большевизма и оправдывавших ее как необходимую и оборонительную.

Роман Фритца Вёсса «Собаки, хотите жить вечно?» [Wöss 1994], опубликованный в 1958 г. и позднее с большим успехом экранизированный, можно рассматривать в качестве обобщенного взгляда на войну, господствовавшего в послевоенной Западной Германии. Вёсс показывает немецких солдат, отправленных командованием под Сталинград, где они терпят лишения и либо погибают, либо попадают в советский плен. Действие романа разворачивается в 1942 г., и автор не задается вопросом, почему немецкая армия вообще оказалась под Сталинградом [Schlacht: de.wikipedia.org/wiki/Schlacht_von_Stalingrad].

Роман Эриха Марии Ремарка «Время жить и время умирать» (1954) – уникальное явление в немецкой послевоенной литературе по ясности авторской позиции в отношении вопроса об ответственности за развязывание войны и осознании вины за совершенные

германской армией преступления на Восточном фронте. Роман открывается сценой расстрела советских партизан солдатами вермахта, и те страдания, которые главный герой Эрнст Грэбер переживает на фронте и в своем разрушенном союзниками родном городе, стоят под знаком этого военного преступления: «Мы оправдываем необходимостью всё, что мы сами делаем. Когда мы бомбим города – это стратегическая необходимость, а когда бомбят наши города – это гнусное преступление»; «Для червей Европы, Азии и Африки наступил золотой век. Мы оставили им целые армии трупов. В легенды червей мы на многие поколения войдем как добрые боги изобилия». Ремарк, таким образом, без обиняков представил Советский Союз как жертву германской агрессии. Следствием этого стало то, что его книга была подвергнута цензуре со стороны издателя Йозефа Каспара Витча: все указания на массовые убийства евреев за линией фронта или изнасилования женщин перед экзекуциями были вычеркнуты; примеры применения на практике национал-социалистической политики в отношении коммунистов и «славянских недочеловеков» отсутствовали в кёльнском издании романа 1954 года.

Анализ произведений современной немецкой прозы о войне с Советским Союзом обнаруживает их малочисленность, особенно в сравнении с тем огромным числом романов и автобиографических заметок о других аспектах войны – немецких беженцах из «восточных территорий», бомбежках союзников, военной и партийной элите Рейха, преследовании евреев. Литературная дискуссия о войне на Восточном фронте не выходит за рамки территории Германии как историко-географической границы, так и не пересекает черту тематика произведений о войне: черту, за которой немецкий солдат является не жертвой, а завоевателем [Степанова: magazines.russ.ru/nlo/2010/102/st18.html]. Немецкая литература носит оправдательный характер: в подавляющем большинстве авторы стараются оправдать силы Вермахта, попытаться очистить имена исполнителей воли Адольфа Гитлера.

Литература

1. Геббельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи. – Смоленск.: Русич, 1998. – 225 с. [Электронный ресурс]. URL: http://mirknig.mobi/data/2013-06-13/1385952/Gebbels_Dnevniki_1945_goda._Poslednie_zapisi.1385952.pdf (дата обращения: 09.02.2015).

2. Герман Гессе [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Герман_Гессе (Дата обращения: 06.02.2015).

3. Литература в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.otvoyna.ru/proza3.htm> (Дата обращения: 06.02.2015).

4. Ремарк Э.М. Время жить и время умирать. – М.: ИЛ, 1959. – 344 с.

5. Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил. // Статистическое исследование под ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 608 с.

6. Свидетельство об арийском происхождении [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Свидетельство_об_арийском_происхождении (дата обращения: 06.02.2015).

7. Сожжение книг в нацисткой германии [Электрон. ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сожжение_книг_в_нацисткой_Германии (дата обращения: 06.02.2015).

8. Социалистический реализм [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Социалистический_реализм (дата обращения: 06.02.2015).

9. Степанова Е. «Пожива для моего МГ»: современная немецкая литература о войне с советским союзом // Журнальный зал [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/st18.html> (Дата обращения: 06.02.2015).

10. Степанова Е. «Пожива для моего МГ»: современная немецкая литература о войне с Советским Союзом [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/st18.html> (дата обращения: 08.02.2015).

11. Böll Heinrich. Wo warst du, Adam? – München: DTV, 2007. – 144 p.

12. Schlacht von Stalingrad // Wikipedia [Электронный ресурс]. – URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Schlacht_von_Stalingrad (дата обращения: 08.02.2015).

13. Wöss Fritz. Hunde, wollt ihr ewig leben? – Hamburg, 1994. – 640 p.

Фомина Т.Н.*Елабужский институт КФУ
(Елабуга, Татарстан)*

СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

От природы человек стремится экономить энергию, в том числе мыслительную. Часто бывает так, что человек приобретает то самое упрощенное представление не на собственном опыте, а со слов других людей. А когда эта информация хотя бы один раз подтвердится в жизненной ситуации, то это представление окончательно утверждается в сознании человека и становится стереотипным. Стереотипы играют в жизни человека огромную роль. В социологии и психологии под стереотипом понимается упрощенное, обобщенное представление о каких-то событиях, явлениях, поступках и т.д., устоявшееся к ним отношение. Толковый словарь С.И. Ожегова дает следующее определение этому понятию: «стереотип – прочно сложившийся, постоянный образец чего-нибудь, стандарт» [Ожегов 2013: 711]. Например, все блондинки – глупые, женщины за рулем – опасны. В большинстве случаев оснований в этом нет, но стереотипы есть. Так думают многие, поэтому другие поддерживают мнение большинства. Множество людей считают немцев сдержанными и пунктуальными. А сколько из них хоть раз в жизни видели немца или общались с ним? Наверняка, и у иностранцев есть представления о том, какие – русские.

Каковы же функции стереотипов? Одна из них это – экономия усилий в мыслительной деятельности, избежание излишнего утомления. Еще одна функция – своеобразная разметка мира, удобная для человека, составленная по максимально упрощенной схеме. Все предметы, люди, события занимают определенные места в нашем сознании, это создает внутри нас некую модель. Любое покушение на эту модель оценивается как угроза.

Самыми сильными считаются гендерные стереотипы. Например, все мужчины должны зарабатывать деньги, а женщины рожать и воспитывать детей; работа по дому – чисто женское дело; мужчина – господин в доме; мужчины решительны и активны, женщины – заботливы, нежны и ранимы.

Феномен и понятие «стереотип» привлекает всё большее внимание исследователей. Многие учёные, такие как У.Липпман, И.С. Кон, Ю.А. Сорокин, А.В. Павловская и др., занимаются изучением данного вопроса. Актуальность данной статьи вызвана высоким интересом взаимодействия культур, психологии народов. Новизна заключается в том, что мы будем рассматривать сложившиеся представления, в данном случае, об образе женщины в мышлении представителей русского и немецкого народов на материале таких языковых средств, как фразеологизмы. В.Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, жизненной ситуации [Телия 1996: 82]. К фразеологизмам в широком смысле относятся не только идиомы, но и пословицы и поговорки, которые и стали предметом нашего исследования.

Исходя из представления о человеке как о сложном существе, концепт «женщина» можно разделить на 3 микроконцепта, которые в свою очередь состоят из различных аспектов: «внутренний человек» – психологические характеристики, моральные качества, интеллектуальные способности; «внешний человек» – биолого-физиологические характеристики и внешность; и «социальный человек» – семейное положение, социальный статус, социально значимая деятельность.

К первой группе, описывающей женщину как нравственную и духовную личность, а также черты женского характера, о которых говорится в следующих русских пословицах: Куда сердце женщину потянет, туда и ноги понесут; Злая жена сведет мужа с ума; Любит баба плакать – с горя плачет, с радости – плачет; Женское сердце, что котел кипит [Даль].

Паремии, выражающие женскую лживость, изворотливость и хитрость, в русской лингвокультуре: Кто бабе (свахе) поверит, тот трёх дней не проживёт; Не верь ветру в море, а жене в доме; Не верь коню в поле, а жене в доме; Бабье вранье и на свинье не объедешь; У бабы 72 увертки в день; Баба бредит, да чёрт ей верит [там же]. В немецкой лингвокультуре аналогичными являются следующие паремии: Weibern und Geschoss soll niemand trauen (Женщинам и пуле никто не должен верить); Glaube keinem Weibe, wenn sie auch tot ist (Не верь женщине, даже если она мертва); Die Frau weiss eine Kunst mehr als

der Teufel (Женщины знают искусство лучше, чем дьявол) [Duden 1989]. Феномен женской логики всегда становится предметом особого «разговора»: ее противоречивая природа очень сложна для понимания: У девки – загадки, у парня – смысл; На женский норов нет угадчика; Ещё тот и не родился, кто бы бабий норов узнал; Женские умы – что татарские сумы (переметны) [Даль]; Frauen sind schwer zu durchschauen (Женщин сложно просмотреть); Manneslist ist behende, Frauenlist hat kein Ende (Хитрость мужчины быстра, женская хитрость не имеет никакого конца) [Duden 1989].

Анализ языкового материала показал, что черты, характеризующие женский характер, в основном носят отрицательную коннотацию. Тем не менее, в подборке имеются и пословицы, и поговорки, характеризующие и положительные качества женского характера: С доброй женой горе – полгоря, радость вдвойне (добродетель); Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье (веселый нрав); Баба не квашня: встала да пошла (трудолюбие); С любимым рай и в шалаше (верность) [Даль].

В пословицах, характеризующих женский ум, представлен нелестный женский образ, высмеиваются женские недостатки, показывается превосходство мужчины над женщиной в умственном плане: Курица – не птица, женщина – не человек; Die Henne, die zur Fruhmesse geht, und das Weib, das Latein versteht, nehmen nie ein gutes Ende (Курица, которая идет к утренней службе, и женщина, которая понимает латынь, никогда не получают хорошего конца); Собака умней бабы: на хозяина не лает; Schwachheit, dein Nam, ist Weib (Shakespeare) (Слабость, твоё имя – женщина); Лучше камень долбить, чем бабу уму учить; Frauen haben lange Kleider und kurzen Mut (У женщин длинное платье и короткое мужество); У бабы волос долог, да ум короток; У бабы ума, что волос на камне [Даль; Duden 1989].

Женщинам присуща болтливость: Alte Weiber und Frosche quaken viel (Старые женщины и лягушки квакают много; обмазывание глиной с рубленой соломой, которое звучало уже по Старому миру); Бабий язык, куда ни завались, везде достанет; Где баба, там рынок; где две, там базар; Drei Weiber und drei Gänse machen einen Jahrmarkt (Три женщины и три гуся делают ярмарку); Три бабы – базар, а семь – ярмарка; Wo Weiber, da Marlein (Где женщины, там сплетни); Бабу не переговоришь; Bei den Weibern ist des Schwatzens hohe Schule (У женщин болтовня – высшая школа); Приехала баба из города, привезла

вестей три короба [там же]. В ведении хозяйства женщинам присущи расточительность, отсутствие бережливости: Eine Frau kann mit einem Fingerhut mehr verschütten, als der Mann mit dem Eimer schöpfen kann (Женщина может напёрстком пролить больше, чем мужчина зачерпнет ведром); Муж носит в дом мешком, а жена выносит горшком; Frauenarbeit ist behende, nimmt aber nie ein Ende (Женская работа быстра, но никогда не доводится до конца); Бабу только за смертью посылать; Добрая жена дом сбережёт, а плохая рукавом разнесёт [там же].

Женщина стремится к руководству домом, желает подчинить мужчину себе: Wer in seinem Hause Frieden haben will, der muss tun, was die Frau will (Кто хочет иметь мир в его доме, тот должен действовать так, как хочет жена); Жены не слушаешь – всухомятку покушаешь; Лучше раздражить собаку, нежели бабу [там же].

Пословиц с отрицательной коннотацией, характеризующих негативные стороны женского характера, намного больше, чем пословиц с положительной оценкой, это можно объяснить тем, что в обществе, культуре и языке сложились стереотипы, согласно которым женщины присущи многие пороки.

К пословицам, характеризующим внешние качества женщины, отнесем следующие: Девка красна до замужества; Не красивая красива, а любимая; Ach wie bald schwindet Schonheit und Gestalt! (Ах, как быстро проходят красота и стройность!); с лица не воду пить, умела бы пироги печь; Schonheit kann man nicht essen (красоту нельзя есть); Schone Gestalt verliert sich bald (Красивая фигура теряется быстро); Schonheit vergeht, Tugend besteht (Красота проходит, добродетель остается); Не ищи красоты, ищи доброты; Weiber Schonheit, das Echo im Wald und Regenbogen vergehen bald (Женская красота как эхо в лесу и радуга проходит быстро) [там же].

Такие качества как красота и доброта являются взаимоисключающими в русских и немецких пословицах: Ein schönes Weib hat den Teufel im Leib (В утробе дьявола красивая женщина); Красота опасна; Frauen sind wie Kastanin: aussen schon und innen schlecht (Женщины как каштаны: снаружи красивые, а внутри плохи).

Пословицы и поговорки, отражающие социальную жизнь женщины, чаще всего касаются семейной жизни, места женщины в семье, взаимоотношений мужа и жены: Ihr Frauen seid untertan euren Manner, wie sich's gehort in dem Herrn (Жены подчиняйтесь своим мужьям);

Холостому – помогай, Боже, а женатому – жена поможет; Муж – голова в доме, а все-таки дети таковы, какова у них мать; Frauen und Koteletts werden um so besser, je mehr man sie klopft (Жены и котлеты становятся лучше, чем больше их стучаешь); Жену люби как душу, а трясись, что грушу; Liebe dein Weib von ganzem Herzen, schuttele es, dass die Glieder schmerzen (Люби твою жену от всего сердца, прижимай, чтобы болели все члены); Бабу не бить – добра не видать; Weiber und Pferde wollen geschlagen sein (Жены и лошади должны быть биты); Wer sein Weib schlägt, dem bessert Gott die Nahrung (Кто бьет жену, тому улучшит Бог питание); Nahrt das Weib den Mann, muss er ihr Spielball sein (Жена кормит мужа, чтобы он стал её пешкой); Горе тому дому, коим владеет жена; Wo Weiber führen das Regiment, da nimmt's selten ein gut End (Где управляют женщины, хороший конец – редкость) [там же].

Следует заметить, что на одну и ту же модель поведения женщины и мужчины совершенно разная реакция: что для мужчины естественно, то для женщины недопустимо: Trunken Weib – gemeines Weib (Пьющая женщина – непорядочная женщина); Бабе кровь проливать не годится (от обычая, что бабы не колют птицу); Пьяная баба сама не своя; Пьяная баба свиньям прибавя; Wer niemals einen Rauch gehabt, der ist keine rechter Mann! (Кто никогда не курил, тот не мужик!); Сегодня пьян – не велик изъян [там же].

Для женщин не характерны искренность и постоянство; с ними опасно вступать в близкие отношения: Frauengunst und Aprilwetter sind vereinanderlich (Девушки и апрельская погода переменчивы); Weiber, Wein und Würfelspiel verderben Menschen viel (Женщины, вино и игра в кости очень портят людей); Винцо да игра не доведут до добра; Frauenlieb und susser Wein kann morgen beides Essig sein (Женская любовь и сладкое вино оба могут утром стать уксусом); Баба да бес – один у них вес [там же].

Находясь в социуме, женщины часто ссорятся, ругаются. Они завистливы и не умеют сотрудничать: Zwei Frauen in einem Haus, das ist eine zuviel (Две женщины в одном доме – это слишком много); Двум женщинам у одной печи места нет; Die Weiber führen das Schwert im Maul (Женщины держат меч во рту); Wenn zwei Frauen zusammen kommen, ist eine dritte in die Mache genommen (Если встречаются две женщины, то берут третью в обработку); Семь топоров вместе лежат, а две прялки никак [там же].

Каково же место женщины в обществе? Вот как пословицы отвечают на этот вопрос: Die deutsche Frau hat vier K zu besorgen: Kinder, Kleider, Küche, Keller (Немецкие женщины должны заботиться о четырех вещах: дети, одежда, кухня, погреб); Женщине красота – домоустройство; Das Weib und der Ofen sollen zu Hause bleiben (Женщина и печь должны оставаться дома); Бабе дорога: от печи до порога; Die Frau ist zu Hause am schosten (Женщине лучше всего быть дома); Баба да кошка в избе, мужик да собака на дворе [там же].

Без женщины, без жены мужчины не представляют своей жизни: Wer kein Weib hat, hat auch kein Haus (У кого нет жены, у того нет и дома); Не женат – не человек; Ohne Frauen keine Freunde (Без женщин нет радости); Жениться скорее – в доме прибыльнее [там же].

Часть пословиц посвящена женитьбе. Это дело не простое. Нужно очень внимательно присматриваться к девушке – будущей супруге: Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не звать; Eine gute Frau ist Goldes wert (Хорошая жена стоит золота); Nicht jedes Madchen heisst Marie (Не каждую девушку зовут Мари); Не у всякого жена Марья: кому Бог даст; Nichts als gute Madchen und uberall bose Frauen (Хорошие девушки и злые жены); Девушки хороши да пригожи, да отколь же злые жёны берутся? Нельзя жениться на скорую руку; Mit Eile gefreit, mit Muse bereut (С поспешностью сосватано, с музой сожалет) [Байер 1989; Graf 1960].

Цель, смысл жизни женщины: Fur die Frau beginnt das Leben erst mit dem Hochzeitstag (Жизнь девушки начинается со дня свадьбы); Девушка тогда родится, когда в невесты годится; В девках сижено – горе мыкано; замуж выдано – вдвое прибыло; Tausend Frauen weigt das Leben eines einzigen Mannes auf (Тысяча женщин весят жизни одного единственного мужчины); Хоть за старца, лишь бы в девках не остаться [Даль; Graf 1960].

Некоторые пословицы характеризуют женщину и с положительной стороны: Madchen sind gut und machen sich gerne was zu schaffen (Девочки хороши и охотно что-то творят); Eine gute Frau ist Goldes wert (Хорошая жена на вес золота); Die Auge der Frau halt die Stube rein (Глаз женщины чисто убирает комнату) [Даль; Duden 1989].

Если женщина хочет быть признанной обществом, она должна умело вести домашнее хозяйство, быть доброй и трудолюбивой. Женщину ценят, в первую очередь, как хозяйку. Интересно, что положительных характеристик женщины в немецком языке больше,

чем в русском. В русском языке положительна только женщина-мать: Жена для совета, тёща для привета, а нет милей родной матери.

Очевидно, содержание концепта «женщина» в том виде, как оно представлено в паремиологических фондах русского и немецкого языков, имеет неоднородный и противоречивый характер, включает в себя самые разные, порой противоположные коннотации, что говорит о загадочности женской природы и ее неоднозначной оценке языковым сознанием. Большое количество русских и немецких пословиц освещают женщину в негативном свете, и только некоторые из них характеризуют женщину с положительной стороны. Часть признаков репрезентирует мораль и общественные устои патриархального общества, другая часть связана с прекрасной стороной женского начала. Безусловно, концепт «женщина» отражает особенности лингвокультуры.

Для обеих культур, русской и немецкой, характерно то, что самая важная роль женщины – это роль жен, матери и хранительницы домашнего очага. Пословиц, описывающих женщин, намного больше пословиц, описывающих мужчин. Самая многочисленная группа представлена пословицами, описывающими характер женщины. В большинстве примеров это пословицы с отрицательной коннотацией. Это объясняется тем, что именно негативные моменты вызывают непосредственную реакцию у человека.

Литература

1. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, парадигматический и лингвокультурный аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: А ТЕМП, 2013. – 874 с.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа [Электрон. ресурс]. – URL: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/01.php (дата обращения: 19.09.2015).
4. Байер Х., Байер А. Немецкие пословицы и поговорки. – М.: Высшая школа, 1989. – 392 с.
5. Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. und bearb. von Günther Drosdowski. – Mannheim, 1989. – 1816 с.
6. Graf A.E. Deutsche und russische Sprichwörter. – Halle: Veb Max Niemeyer Verlag, 1960. – 294 с.

ЭЛИАС КАНЕТТИ: ПРОБЛЕМА «МНОГОЯЗЫЧИЯ» ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Как известно, литературный или художественный билингвизм (двужычие) - явление, которое достаточно распространено в мировой литературной практике. В литературоведческом аспекте художественный билингвизм может быть представлен как особый художественный метод, влияющий на поэтику писателя-билингва. Выбор «языка-основы» зависит от множества факторов, поскольку художественный билингвизм – не только объективное следствие общей ситуации, сложившейся в обществе, но также следствие ряда субъективных моментов.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы привлечь внимание к проблеме «литературного многоязычия» (*literarische Mehrheit*) в творчестве австрийского писателя, лауреата Нобелевской премии (1981) – Элиаса Канетти (1905-1994). Речь идет о своеобразной языковой перекодировке в художественном произведении, об имеющем место переключении с одного языка на другой (*Sprachwechsel*) [9]. Почему автор в одном случае прибегает к иноязычным вкраплениям в тексте произведения, а в другом избегает этого? Чем обусловлена сама необходимость «смены языка»? Насколько это объяснимо биографией художника? Связано ли это с ментальностью носителей того или иного языка? и т.д. Возникшие в связи рассматриваемым явлением вопросы указывает на междисциплинарный характер проблемы. У рассматриваемого явления в лингвистике много синонимов – «многоязычие», «мультилингвизм», «полилингвизм», «полиглоссия» и т.д. Применительно к Канетти правомернее вести речь о многоязычии художественного текста, проявляющемся на разных уровнях, как эксплицитно, так и в скрытой форме, имплицитно.

«Языковая судьба» Канетти, появившегося на свет в низовьях Дуная, в болгарском городе Руцук (ныне Русе) складывалась в многоязычной среде, его родной город являл собой подобие вавилонского столпотворения, когда «семь или восемь языков можно было услышать в один день» [4, S.10]. Предками Канетти были сефарды, испанские евреи, изгнанные в XV веке из Испании, они не утратили своей

самобытности в большей степени благодаря собственному языку – спаниоле или ладино – варианту древнеиспанского языка. Это был первый язык общения в семье, наряду с болгарским и турецким языками. В 1911 году родители Канетти с тремя сыновьями переезжают в Англию, языком общения становится английский язык, в это же время Канетти, вместе с младшими братьями, обучается французскому языку. Немецкий язык по-настоящему открыла для будущего писателя его мать: после смерти мужа она навсегда утратила возможность общения на «волшебном языке» - языке любви, каким был для родителей Канетти немецкий язык. Старший сын, по мнению матери, должен был стать ей достойным собеседником, а для этого ему нужно в совершенстве владеть немецким языком. Матильде Канетти удалось осуществить практически невозможное – за неполных три месяца сын воплотил мечту матери. Позднее, в речи по поводу присуждения ему литературной премии (1969) Канетти скажет: «Я всего лишь гость в немецком языке, который я выучил только в восьмилетнем возрасте...» [2, с.62].

Парадокс «языковой судьбы» писателя заключен в том, что покинув немецкоязычную среду, переселившись в Англию, Канетти продолжал писать на немецком языке. Язык становится «центральным поэтическим мотивом» в творчестве Канетти [6, S. 171], об этом он напишет в заметках: «Тот факт, что существуют различные языки, - наиболее зловещий факт на свете. <...> За фасадом всей лингвистической науки скрывается стремление свести эти языки к одному-единственному. История о вавилонской башне – это история второго грехопадения. После того как люди утратили невинность и вечную жизнь, они вознамерились собственным искусством дорости до самого неба» (курсив здесь и далее принадлежит Канетти) [1, с. 252].

Художественное многоязычие исследуется в рамках данной статьи на материале книги «Голоса Марракеша» («Die Stimmen von Marrakesch»), которая, по мнению авторитетной немецкой газеты (*Süddeutsche Zeitung*), вошла в серию «50 лучших романов XX века» [5]. В 1954 году Канетти посетил Марракеш – город, расположенный на юго-западе Марокко. Впечатления об этом путешествии составили четырнадцать зарисовок – разных по объему и по содержанию. Писатель выступает в роли посредника-медиума при рецепции чужой культуры. Восприятие инокультурного пространства осуществляется акустически, Канетти создает неповторимые звуковые ланд-

шафты Марракеша. Х.Г. Гёпферт назвал эту книгу «центральным произведением» (ein zentrales Werk) [7, S.136], поскольку небольшая по объему книга продолжает начатый писателем на страницах других произведений разговор о власти, массе, превращении и смерти. В «Заметках» этого периода можно прочесть, насколько необходимо было для Канетти просто передать атмосферу Марракеша, без всяких изменений, выдумок, преувеличений. Поездка в Марокко совпала с творческим кризисом, работа над книгой «Масса и власть» зашла в тупик. «Новый город», «неистощенное пространство», «новый безымянный закон», «новое дыхание» – метафоры, которые вводит Канетти для обозначения чужой культуры, свидетельствуют о желании найти иное пространство, где все не изведано и ново, переключиться на что-то совсем иное, чтобы утолить потребность к обновлению, обрести вновь дар превращения.

Примечательно заглавие – «Голоса Марракеша» («Die Stimmen von Marrakesch»). Интересно, что первый вариант заглавия также содержал акустический образ «Звуки Марракеша» («Die Lauten von Marrakesch») [8, S.531]. Одна из глав книги «Возгласы слепых» начинается с пространного разговора о сущности языка: «Я пытаюсь рассказать о чем-то и, едва замолкнув, чувствую, что, в сущности, еще ничего не сказал. Какая-то густая, дивно светящаяся субстанция не может из меня вытечь и насмехается над словами. Язык ли это, которого я там не понимал и который постепенно должен теперь внутренне переводить? Тут были события, картины, звуки, смысл которых лишь в тебе возникает, которые нельзя ни записать, ни очертить словами, которые существуют по ту сторону слов, глубже и многозначнее их. <...> Что такое язык? Что он скрывает? Чего он тебя лишает? За недели, что я провел в Марокко, я не пытался научиться ни по-арабски, ни по-берберски. Я не хотел, чтоб чужеродные возгласы утратили для меня хоть частичку своей силы» [3, с.359].

О магической силе слова идет речь в новелле «Семейство Дахан», когда пожилой араб произносит имя и в том, как он артикулирует эту комбинацию звуков, заключен основной смысл сказанного: «Э-ли-ас Ка-нет-ти?». В его устах имя обретало значительность и красоту. В его напевном произношении имя словно оказывалось принадлежащим к какому-то особому языку, которого Канетти не знал, но понял, что говорящий «выявит смысл и тяжесть его имени» [3, с.384]. В новелле «Рассказчики и писцы» речь идет о рассказчиках, которые собира-

ют вокруг себя больше всего народа. Канетти пишет о своем опыте восприятия – не понимая чужую речь, он стоял, «словно прикованный». Примером художественного многоязычия является самая первая история, описанная в книге – «Встреча с верблюдами». Общение с торговцами верблюдами протекало на разных языках. Канетти не отказывается от прямой речи, поясняя лишь, что собеседник говорил «на ломаном французском» (in gebrochenem Französisch). В тексте произведения речь передается на немецком языке, при этом синтаксическая упрощенность немецкой фразы передает ограниченные возможности говорящего: „Das Kamel hat die Tollwut. Es ist gefährlich. Man führt es ins Schlachthaus. Man muss sehr Acht geben“ [5, с.8].

В другом примере автор обращается к несобственно-прямой речи, подчеркивая, что говорящий владел лишь несколькими французскими словами, при этом ремарки автора содержат неуверенность в том, что все сказанное было им понято верно [5, с.10]. Напротив, речь бегло говорящего по-французски торговца, передается на немецком языке с сохранением правильности грамматической структуры, характеризуется лексической насыщенностью. В этих примерах говорится о так называемом скрытом многоязычии (latente Form der Mehrsprachigkeit). В данной зарисовке Марракеша Канетти «позволяет» себе переключение на другой язык, включает фразу на французском языке (manifeste Form der Mehrsprachigkeit): „Ca donne du Courage“ [5, с.13]. Вкрапление иноязычной речи оправдано, поскольку в диалоге необходимо было сохранить «французский колорит». Местные дети, толпой окружившие Канетти и его спутников, с которыми Канетти, вероятней всего общался на английском языке, просили милостыню на своем языке (арабском или берберском).

В книге «Голоса Марракеша» автор описывает «языковое поведение» европейца, оказавшегося в многоязычной среде. Канетти использует различные приемы для передачи иноязычной речи – от прямого включения в текст до «авторского перевода» на язык повествования, при этом канеттиевский перевод представляет собой «внутреннее» переключение на другой язык, поскольку особенности «исходного текста» находят отражение в языковой структуре «переводного текста». Таким образом, своеобразие поэтики Канетти заключено также в «многоязычии художественного текста», созданного им.

Литература

1. Канетти Э. Из книги: «Заметки. 1942-1972»: Пер. С. Власова // Человек нашего столетия: Пер. с нем./Сост. и авт. предисл. Н.С. Павлова; Коммент. Р.Г. Каралашвили. – М.: Прогресс, 1990. – С.250-309.
2. Канетти Э. Пароксизмы слов: Пер. С. Шлапоберской // Человек нашего столетия. – М.: Прогресс, 1990. – С. 62-66.
3. Канетти Э. Из книги: «Голоса Марракеша»: Пер. М.Харитоновна // Человек нашего столетия: Пер. с нем./Сост. и авт. предисл. Н.С. Павлова; Коммент. Р.Г. Каралашвили. – М.: Прогресс, 1990. – С. 359-390.
4. Canetti E. Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, cop. 1994. – 333 S.
5. Canetti E. Die Stimmen von Marrakesch. Aufzeichnungen nach einer Reise. – Süddeutsche Zeitung/Bibliothek, 2004. – 110 S.
6. Durzak M. Versuch über Elias Canetti // Akzente. Zeitschrift für Literatur. Hans Bender (Hrsg.). – 17. Jahrgang. – München: Carl Hanser Verlag, 1970. – S.167-191.
7. Göpfert H.G. Zu den «Stimmen von Marrakesch» // Elias Canettis Anthropologie und Poetik / Stefan H.Kaszynski (Hrsg.). – München: Carl Hanser Verlag, 1984. – S.135-150
8. Hanuschek S. Elias Canetti. Biographie. München – Wien: Carl Hanser Verlag, 2005. – 800 S.
9. Radaelli G. Literarische Mehrsprachigkeit. Sprachwechsel bei Elias Canetti und Ingeborg Bachmann. – Akademie Verlag, Berlin, 2011. – 302 S.

Юрикова К.Ю.

*Елабужский институт КФУ
(Елабуга, Татарстан)*

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ЖЕНЩИНЫ В НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Паремиология, предметом изучения которой являются пословицы и поговорки, является одной из неотъемлемых частей этнолингвокультурного фонда языка, поскольку лингвокультурология «исследует, прежде всего, живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа» [Телия 1996: 218]. В них отражаются основные стереотипы народного сознания, существующие стандарты и нормы поведения и идеалы, характерные для национальной культуры.

Особенности языкового общественного сознания накладывают свой отпечаток на пословицы и поговорки и составляют национальный языковой характер народов. Таким образом, паремии – способ категоризации мира человеком и себя как неотъемлемой части этого мира.

Так, для нас большой интерес представляет всестороннее рассмотрение понятия «Женщина» в паремиологическом фонде немецкого и русского языков. В контексте данной статьи нами предпринимается попытка проанализировать и описать специфику пословиц, выражающих негативную (положительная нами описана в рамках другой статьи) характеристику с четко выраженной оценкой поведения и характера женщины, которая не однократно становилась центром внимания: женскому полу посвящено очень большое количество пословиц.

Сбор и количественный анализ русских и немецких пословиц, в которых представлены отрицательные качества женщины, нам позволили установить, что русское общество приписывает женщине больше отрицательных черт, чем немецкое. Русских пословиц, содержащих номинации отрицательных качеств женщины, нами было обнаружено 88, а немецких паремий – 68.

К отрицательным качествам нами отнесены такие черты, как приревнивость, скептичность, вспыльчивость, изменчивость, излишнюю эмоциональность, упрямство, болтливость, своенравие, навязчивость, блудливость, стремление верховодить и т.п.

В немецкой лингвокультуре следующие качества женщины считаются отрицательными:

1. Хитрость: Die Frauen sind die Schlaunen (Женщины – это хитрость); Eine Frau sei noch so klein, sie stellt dem Teufel ein Bein (Даже маленькая женщина сделает черту подножку); Es ist kein Mann so klug, das Weib macht ihn zum Narren (Нет такого умного, которого баба не сделает дураком).

2. Болтливость: Alte Weiber und Frösche quack en viel (Старые бабы и лягушки много квакают); Viel Frauen, viel Worte (Много женщин – много слов).

3. Легкомысленность: Kinder und Frauen muss man ihr Spielzeug lassen (Детям и женщинам надо свои игрушки оставить).

4. Плаксивость: Einem Weibe fehlt es nie an Tränen (У женщины слез всегда в достатке).

5. Желание хорошо выглядеть: *Ist die Frau vordem Spiegel, so vergisstsie den Tiegel* (Женщина перед зеркалом забывает про сковороду).

6. Неверность: *Pferde und Frauen muss man genau beschauen* (За лошадьми и женщинами надо следить внимательно); *Eien Sack (voll) Flöhe hütet man leichter als ein junges Mädchen* (Мешок с блохами караулить легче, чем молодую девушку).

7. Стремление верховодить: *Wereine Frau nimmt, der nimmteinenHerren* (Кто берет жену, берет господина); *Wer in seinemHausFriedenhaben will, der muss tun, was die Frau will* (Кто хочет мира в доме, должен делать все, что хочет жена).

В русской лингвокультуре негативно окрашенными считаются следующие качества женщин.

1. Лукавство: Баба и черта перехитрит; Жена льстит – лихое норovit.

2. Плаксивость: Женские слезы – не вода, а невода; Баба слезами беде помогает; Без плачу у бабы дело не спорится; Бабы слезы чем больше унимать, тем хуже.

3. Вспыльчивость: Лучше раздражить собаку, чем бабу; Бабы бранятся, так платки с голов валяются.

4. Мужеподобность: Этой бабе только бы штаны надеть.

5. Красота: Жена красавица – слепому радость; Глупому мужу красная жена дороже красного яйца.

Из приведенных характеристик налицо аналогичность отрицательных женских качеств в русской и немецкой лингвокультурах.

Особый интерес для нас представляет такое качество, как красота. В целом можем отметить качественный дуализм этой характеристики: у немцев наличие красоты у девушки – это положительная характеристика, у русских наоборот. Немецкое общество относится к красоте позитивно, но с некоторым подозрением, некоторым недоверием, что придает этому качеству противоречивый оттенок: *Weiber und Kastanien sind äußerlich am schönsten*. (Женщины и каштаны всегда выглядят хорошо). Красота придает женщине силу и уверенность в себе. Но часто женщина злоупотребляет этим качеством, усиливая недоверие к себе со стороны окружающих.

Русское общество уверено, что красота – это качество негативное, которое способно привести к беде. Красота – это залог корысти, надменности и своенравия. В русской лингвокультуре больше всего

ценится женское трудолюбие. Если обратиться к толковому словарю С.И Ожегова, найдем следующее толкование слова «Красоваться»: 1. Привлекать к себе внимание. 2. Выставляя себя напоказ, любясь собой, своей наружностью, поведением. [Ожегов 2004: 304]. Красота делает человека (а особенно женщину) высокомерным, эгоистичным и бесполезным для жизни.

Не менее интересным качеством женщины является плаксивость. Эту черту можно отнести к негативным качествам, поскольку женщине свойственно злоупотребление эмоциями для достижения своих целей. С помощью слез, женщины привлекают к себе внимание, вызывают жалость со стороны окружающих. Нередко за плаксивостью скрываются корыстные цели, достижение которых требует жалости со стороны собеседников. Люди полагают, что женщина беззащитна, занимает более низкую ступеньку на социальной лестнице и не представляет конкуренции мужчинам. Однако многое женщине удастся достичь именно с помощью слез. Из этого вытекает вывод, что плаксивость схожа с хитростью и лукавством, что негативно для общества. Когда пользуются красотой для достижения своих целей, и это качество ассоциируется с влиятельностью и упорством, это становится положительной характеристикой для самой женщины. Это становится ее оружием.

Привлекает внимание такая отрицательная черта, как мужеподобность. По пословице видно, что проявление мужеподобных качеств недопустимо для женщины. В то же время, если рассмотреть роль и положение женщины в современном обществе, убеждаемся в том, что представительницы женского пола успешно пользуются мужскими качествами (выносливость, сила воли, логика, аналитический склад ум). Отрицательные характеристики женщин в немецкой и русской лингвокультурах имеют одинаковую направленность: оба общества оценивают как умственные способности, так и качества характера. Негативно обе лингвокультуры оценивают глупость, легкомыслие, жестокосердие, скандальность. Немецкий социум указывает на неполноценность, незрелость женщины, используя существительное *das Mädchen*. Русский социум подчеркивает бесполезность женщины, указывая на необдуманные порывы и решения.

Немецкий и русский социум, ссылаясь на общественные стереотипы, называет женщину ведьмой и колдуньей.

Для нас представляет интерес употребление слов *die Frau* и *das*

Weib в немецких пословицах. Die Frau – в современном немецком языке нейтрального стиля, имеющее значение «женщина», «жена». Анализ примеров с отрицательной характеристикой женщины указывает на большую репрезентативность слова «Weib» в немецких пословицах.

Слово das Weib претерпело значительные ограничения в своем употреблении. Ранее оно употреблялось в литературном языке как тождественное и поэтическое слово, но в современной речи выступает как женщина вообще и носит негативный пренебрежительный характер. Это существительное, обладающее ярко выраженной негативной экспрессивной семантикой, усиливает пренебрежительное отношение к женщине. [Левковская 1956: 122 -124]

Кроме того, употребление существительного das Weib во множественном числе не оставляет сомнений, что общество негативно характеризует женщин как пол.

Ярко выраженное пренебрежение к женщине мы наблюдаем также в словосочетаниях einleichtes Mädchen (легкомысленная девица), das Mädchenfüralles (прислуга для всего, т.е. человек, на которого взваливаются все обязанности); einspätes Mädchen (старая дева). В данных контекстах нейтральная лексема Mädchen является стилистически окрашенным и выражает резко отрицательное отношение к женщине.

Весьма негативным с точки зрения семантики является номинация, выражающая неаккуратность женщины: die Schlampe (неряха, грязная баба).

Принимая во внимание описанные выше отрицательные качества женщины в немецкой и русской лингвокультурах, мы можем установить закономерности приписываемых качеств. Немецкое и русское общество негативно относятся к таким чертам, как глупость, избалованность, злость, лукавство и т.п. Семантические асимметрии, которые были обнаружены нами, а именно употребление нейтральных лексем в негативном контексте (das Mädchen, das Weib) подчеркивают ущербность образа женщины в немецкой языковой картине мира.

В немецкой и русской лингвокультурах речь идет о патриархальных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщине отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества. Например, показательным, на наш взгляд, в этом плане факт

асимметрии в тематической градации пословиц: в сборнике пословиц и поговорок русского языка пословицы о мужчинах размещены в рубрике «Человек», пословицы, посвященные женскому полу, либо разбросаны по разным темам, либо названы «Баба-Женщина» [Даль 1862]. Более того, предвзятое отношение к женщине не раз подтверждалось пословицами типа Курица не птица, а женщина не человек.

В заключение, однако, хотелось бы отметить, что роль женщины в современном обществе меняется, поэтому усиливается языковое отражение ее положительных качеств, что также отражается в паремиологическом фонде и немецкой, и русской лингвокультурах. Так, популярнее всего и ярче актуализируются следующие положительные качества: воля, усердие, целеустремленность.

Литература

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Университетская типография, 1862. – 1159 с.
 2. Левковская К.А. Лексикология немецкого языка: Пособие для учителей. – М.: Учпедгиз, 1956. – 373 с.
 3. Немецкие пословицы [Электронный ресурс]. – URL: <http://deutsch-sprechen.ru>. (дата обращения: 26.04.2015).
 4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: А ТЕМП, 2004. – 944 с.
 5. Словарь пословиц и поговорок [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovarick.ru/> (дата обращения: 24.04.2015).
 6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с.
-

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Абдуллабекова У.Б., к.ф.н., доцент, ФГАОУВО «Дагестанский государственный институт народного хозяйства» (Махачкала, Дагестан)
2. Алишина Х.Ч., д.ф.н., профессор, ФГАОУВО «Тюменский государственный университет» (Тюмень, Россия)
3. Аулина М. В., учитель английского языка средней школы № 4 им. М. М. Мехтизаде, аспирантка ИИЯЛ (Гянджа, Азербайджанская Республика)
4. Ахметова Л.А., ст. преп., Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
5. Бабакаева Л.В., студент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
6. Бадретдинова Г.М., старший воспитатель/педагог-психолог МБДОУ «Детский сад присмотра и оздоровления № 4 «Светлячок» (Азнакаево, Азнакаевского муниципального района РТ)
7. Билялова А.А., д.ф.н., профессор, Набережночелнинский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Набережные Челны, Татарстан)
8. Быков А.В., к.ф.н., доцент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
9. Волков И.О., магистрант 1 года, ФГАОУВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (Томск, Россия)
10. Гайсин Р.М., к.ф.н., доцент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
11. Гизагулина А.В., к.п.н., доцент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
12. Кашевская М.Р., студент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
13. Крапоткина И.Е., к.и.н., доцент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга Татарстан)
14. Гыймранова Д.Г., Өлмэт районы, Кичүчат авылы Р.Фәхреддин мемориаль музейе җитәкчесе филология фәннәре кандидаты (Татарстан)
15. Данилова Ю.Ю., к.ф.н. доц. кафедры русского и контрастивного языкознания Елабужского института ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
16. Ивыгина А.А., к.ф.н., доцент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
17. Замалеева Г.Н., Милли мәсьәләләр буенча директор урынбасары, Өлмэт шәһәре 1нче гомуми урта белем бирү мәктәбе (Альметьевск, Татарстан)

18. Зеленина Т.И., д.ф.н., профессор, ФГАОУВО Удмуртский университет (Ижевск, Удмуртия)

19. Камаева Р.Б., к.ф.н., доцент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)

20. Крылов В.Н., д.ф.н., профессор, ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Казань, Татарстан)

21. Кудрявцева Е.Л., к.п.н., научный руководитель ЕС-проекта VILUM Университета Грайфсвальда, отв. секретарь Международного методсовета по многоязычию и межкультурной коммуникации ОЦ «ИК@РУС», научный руководитель Международной лаборатории с распределенным участием Елабужского института Казанского федерального университета (Россия) – Удмуртского государственного университета (Россия) – Актюбинского университета им. С. Баишева (Казахстан) и др. (Германия)

22. Малых Л.М., к.ф.н., доцент, ФГАОУВО Удмуртский государственный университет (Ижевск, Удмуртия)

23. Мартинкова А.А., докторант, Университет им. Масарика (Брно, Чехия)

24. Молодец И.И., к.ф.н., доцент, ФГАОУВО «Владимирский государственный университет» (Владимир, Россия)

25. Нгуен Т.Х., магистр, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия – Вьетнам)

26. Низамбиева И.И., студент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)

27. Нуриева Д.Р., аспирант 1-го года, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)

28. Нурмиев А.М., аспирант 2-го года, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)

29. Осипова Л.Ф., к.ф.н., доцент, ФГАОУВО «Альметьевский государственный институт муниципальной службы» (Альметьевск, Татарстан)

30. Патенко Г.Р., к.ф.н., доцент, Набережночелнинский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Набережные Челны, Татарстан)

31. Пивоварчик Т.А., к.ф.н., Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (Гродно, Беларусь)

32. Пикулева Ю.Б., к.ф.н., доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

33. Пупышева Е.Л., к.п.н., доцент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)

-
34. Разживин А.И., к.ф.н., профессор, Елабужский институт ФГАОУ-ВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
 35. Разживина А.А., студент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
 36. Родионова А.П., учитель русского языка и литературы, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 1» (Елабуга, Татарстан)
 37. Сабирова А.М., аспирант, ФГАОУВО «Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ», (Казань, Татарстан)
 38. Салимова Д.А., д.ф.н. профессор, Елабужский институт ФГАОУ-ВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
 39. Староверов Н.Д., аспирант 2-го года, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
 40. Фадеева В.С., студент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
 41. Фаткулина Р.Ф., к.ф.н., доцент, ФГАОУВО «Удмуртский государственный университет» (Ижевск, Удмуртия)
 42. Фаткуллина Ф.Г., д.ф.н., профессор, ФГАОУВО «Башкирский государственный университет» (Уфа, Башкирия)
 43. Фомина Т.Н., студент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
 44. Шабалина И.Г., учитель русского языка и литературы, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 10» (Елабуга, Татарстан)
 45. Шапшова С.А., студент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
 46. Шарыпова Н.Х., д.ф.н., профессор, ФГАОУВО «Казанский государственный аграрный университет» (Казань, Татарстан)
 47. Шастина Е.М., д.ф.н., профессор, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)
 48. Юрикова К.Ю., студент, Елабужский институт ФГАОУВО «Казанский федеральный университет» (Елабуга, Татарстан)

**ЕЛАБУЖСКИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ:
МАТЕРИАЛЫ II ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

Научный редактор – Салимова Д.А.
Ответственный редактор – Данилова Ю.Ю.
Верстка и дизайн – Нуриева Д.Р.

Подписано в печать 01.10.2015. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Гарнитура «Times». Усл. печ. л. 12,4.
Тираж 300 экз. Заказ 10-15/04-2.

Издательство «Центр инновационных технологий».
420108, г.Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс (843) 231-05-46, 231-08-71

420108, г.Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс (843) 231-05-46, 231-08-71
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru